

Не так ли это: всегда я склонен — может быть, потому, что дурен слишком сам (сколько за мною тайных мерзостей, которых никто не предполагает, например, разглядывание (?) во время сна у детей (?) и сестры и проч., то же после у наших служанок и проч.*, судить о других не по тому, каков я сам, а по тому, каковым бы мне хотелось быть и каковым быть было бы легко, если бы не мерзкая слабость воли, это *laissez faire***, которого, как я думаю, нет у других, — я не хочу оскорблять человечество, судя о нем по себе вообще, а сужу о нем не по цепи всей своей жизни, а только по некоторым моментам ее, когда бываю доступен чувствованиям высшим; поэтому я готов все видеть в свете той неиспорченности, какую я желал бы иметь сам; кроме того, я смотрю с серьезной точки зрения на все положения и всегда считаю высоким человека, если замечаю в нем что-нибудь такое, — напр., всегда отец священен в моих глазах, всегда священны муж и жена, — поэтому я способен увлечься энтузиазмом и с этой своей идеальной точки зрения смотрю на это — и на Надежду Егоровну.

ДНЕВНИК ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1848 ГОДА

(с 12 июля до 31 декабря)

И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1849

(до 11 июля)

21 год моей жизни.

12 июля 1848, 2 часа ночи. — Встал, стал до чая разрезать летопись Нестора (завещание Мономаха), дорезал; за чаем читал «Débats» 15 июня, где Леру говорит о колонизации Африки. Над ним смеются в палате и «Débats», — это уяснило мне, что это за люди: они так же ограничены, как и мы, так же точно не могут понять ничего, что не вдолблено им, и все новое кажется им смешной нелепостью; но эти задолбленные понятия у них все-таки лучше и выше тех, которые задалбливают у нас.

После чая пошел к Славинскому собственно для того, чтобы высказать, что я не напишу Срезневскому, — это намерение принял я, когда услышал от Вас. Петр. о мнении товарищей, и был так счастлив, что в это самое время был у него Лыткин, который один из тех, которые более всего говорили против этого. Мы говорили, я кричал, как обыкновенно, но собственно беспокоился, как высказать это, как довести речь к этому. Лыткин, к счастью, сам навел: «Пишете?» — «Нет». Вскоре он встал уйти, я пошел с ним; на дороге (всего от Пантелеймона до Фонтанки было идти вместе 30 сажень) он снова спросил: «Что ж вы так скоро переменили намерение?» — «Я никогда и не имел твердого намерения

* Слова, отмеченные вопросительным знаком, написаны неразборчиво. Ред.

** Попустительство.

писать». — «Да, точно, — говорит он, — слишком много труда, и бесполезного».

Пришедши домой в час, я все разбирал нарезанные слова³ и разобрал буквы А и Б; только перед чаем в обыкновенное время пошел было сказать Вас. Петровичу, что слышал от Лыткина, что свободно место учителя истории в Вознесенском училище, но не застал их дома. По дороге купил Любиньке сассапарельной эссенции у Стефаница. Когда вечером Ивана Гр. не было, она сказала, что серьезно боится, что не выздоровеет; я ободрял, но плохо и совершенно без успеха. Что, если ее предчувствие справедливо? Когда резал и разбирал, думал — правда, несвязно и невнимательно, развлекаемый работою — более о Василии Петровиче.

13 июля, вторник. 11^{1/2} час. — Встал в 8^{1/2}, до 10^{1/4} писал домой, после пошел в университет, надеясь найти там письмо от папеньки и верно с деньгами, — не было; воротился в 12, до 5 разбирал букву В и разобрал ее на отделения по первым двум буквам — Ва, Вб и т. д.; в 5 час. в баню с Ив. Гр. до 7^{1/2}; на обратном пути застал сильный дождь; тотчас же, как мы, пришли Ал. Фед. с Ив. Вас., просидели до 9, играли в карты. После [пошел] я к Вас. Петр. сказать о месте в Вознесенском училище, где просидел до 10^{1/2}, воротился домой в 11. Ив. Гр. уже сидел за ужином. От ужина писал это, почти ничего не читал, только несколько страниц Горлова «Теории финансов»⁴ — слишком ограниченного ума и небрежно составленная книга, и «Débats» 16 и 17 июня. Иван Гр. и Любинька все шутили, как обыкновенно, целовались и я вовлекался в их шутки; кажется, все мило и хорошо, а между тем что-то нет душевного наслаждения, когда смотрю на них — как будто они пошловаты. Не то Лободовские; ныне она мне еще более понравилась лицом, когда вполоборота ко мне подняла головку к Вас. Петр., и еще более убедился я, что она весьма умна и с характером и нежным сердцем. Вас. Петр. хотел идти завтра к Муравьеву и зайти ко мне. У него говорили о воровстве, доказывая, что это ничего, что у отца особенно красть нечего, — он говорил ей: «Украдь у своего», — что мошенники лучше нас, и т. д.

Любинька, которая знала, что ныне день моего рождения, подарила мне фунт пряников, раньше спросив, люблю ли я их, — это произвело хорошее впечатление на меня. Письмо Свинцова-отца к сыну отправил в Саратов в своем. Расход — 20 к. сер. письмо, 30 к. сер. чистение 2 пар перчаток, 17 коп. сер. баня.

14 июля 1848, среда, 11^{1/2}. — Не нашедши вчера в университете письма, я думал, что позабыли послать; ныне в 9^{1/2} час. говорят мне: «Вас спрашивает солдат». Я думал: Фриц за тем, не нужно ли сапог, выхожу — университетский сторож; я думал: требование в университет, как тогда, когда требовали взять назад бумаги, сердце дрогнуло, — нет, посылка на 25 руб. сер., почта опоздала; я дал ему 20 коп. сер. В 10^{1/4} в почтамт, где я был один, тотчас получил и воротился поэтому раньше, чем сказал сестре, как всегда говорю, когда ворочусь, — главным образом для того,

чтоб, если придет Вас. Петрович, так она б сказала и удержала его подождать, хотя не высказывал ей это; прочитал письмо в почтамте — там о смерти Олимпа Яковлевича отца, — итак, это письмо должно быть известно Ивану Гр. и Любиньке, да и без того трудно утаить, потому что Любинька раз заметила, что обещались писать со следующей почтою; что делать? Сначала думал показать с деньгами и сказать сестре: «Как хотите, если хотите — отдам деньги, но мне хотелось бы купить Гете, который продается весьма дешево, за 15 руб. сер.», — и взял бы Гете у Василия Петровича⁵. После решился, идя дорогою, не заходить теперь к Олимпу Яковл. в типографию, как думал утром, потому что на мне был старый сюртук и брюки, а зайти вечером на дом. После передумал: не буду им показывать письма ныне, а завтра утром пойду как будто бы в университет за письмом, а сам к Олимпу Яковл., скажу и ворочусь оттуда с письмом, как будто бы только [что] получил, а сам ночью подделаю письмо и вложу в один из старых конвертов, где числа на почтовых штемпелях стерлись; спишу из письма все, кроме 5 строк о деньгах. Это оставалось до 11 час. — мысль подделать письмо.

После, когда стал в 11 час. готовиться подделывать, лень много копировать сквозь плохую бумагу, несходство в формате бумаги, на которой писано письмо, и той, которая у меня, боязнь, что заметят странность и какую-то необыкновенность почерка, что тем легче, что перо починить как следует нечем (и действительно, снимок 5 строк, которые должно зачеркнуть, вышел дурно), подали мне мысль показать это письмо, только зачеркнуть 5 строк, где говорится о деньгах, и сказать, что это зачеркнул папенька, как это часто довольно бывает: верно писал, чтобы я в чем-нибудь переменялся, не подавал повода к огорчениям и был благоразумнее, а после передумал и вычеркнул; а теперь думаю сказать на себя, что это я вычеркнул, потому что не хотел этого показать Олимпу, к которому заходил я с тем, чтобы показать письмо, и от которого должен ожидать, что он станет читать все под ряд. Конверт найду другой.

Это письмо тронуло меня, потому что показывает такую нежность со стороны их, — пишут теперь, что Палимпсестов приехал, потому что знают и предусмотрели, что это интересует меня; маминькино письмо дышит нежностью — мне стало себя немного совестно.

Придя домой, сел за дело; они сидели и болтали, я вместе с ними и несколько раз едва было не проговорился то о смерти Ол. Як. отца, то о Богдане Христофоровиче и Марии Дмитриевне, то о Вареньке — проклятая болтливость. В 9 часов пошел сказать о деньгах Василию Петровичу.

Да, перед обедом, когда Ив. Гр. ушел в сенат, а я уж воротился, Любинька спросила, почему Лободовский вообще не так часто приходит и не сидит у меня так долго, как прежде. Я ей сказал: во-первых, потому, что, может быть, это стесняет их, а во-вторых, потому, что здесь разговор связан; она сказала, что

я оскорбляю ее, когда думаю, что мои гости могут обременять их, скорее ихние меня, тем более, что Ив. Гр. и не занят ничем.

Итак, я пошел к Вас. Петр. У него готовился чай, — они пьют в 9 час. обыкновенно, а не в 8, как при мне, это я узнал только вчера, пришедши к ним первый раз в это время; у него тещь и Пелагея Васильевна. Я ему сказал на ухо о деньгах и сказал, что мне сидеть некогда; он говорит: «Я провожу вас» (верно сердце переполнено, хочет излиться), чего обычно не говорил; тотчас встали. Тестя просил подождать и пить чай, тот обещал. Мы дошли почти до конца их линии, потом воротились; на полдороге попался тещь и Пелагея Васильевна: рассердились верно и не стали дожидаться, а между тем времени прошло только 4—5 минут. Он дорогою говорит: «Я расстроен, право, снова уйду». — «Что же?» — «После, теперь я огорчен». Через минуту стал говорить: «Это такие пошлые люди, каких я еще никогда не видел: сердятся, что я горд; сплетничают, все слова перетолковывают, шпионничают, где я бываю, — думают, что я по трактирам; сердятся, что я знаком с молодёжью (верно говорили что-нибудь про меня дурное и это его рассердило, как раньше огорчался тем, что Надежда Егоровна на слова его: «завтра будет Залеман», который до этого времени был только раз у них, сказала: «ну, уж твой Залеманто»). А между тем обкрадывают со всех сторон: теплый салоп Надежды Егоровны взяли — и пропал; большой самовар тоже, а маленький самовар худой, поэтому Вас. Петр. говорит, я хотел переменить его с придачею медной посуды, которой было много, на новый, хватъ нынче, — ее нет, один кофейник; чай и сахар таскают постоянно; ныне были 12 человек, хозяйничали, распоряжались, смерть и только, а между тем деньги у них есть, добро бы не было; пошил себе тещь новое платье, — видели, как разрядился, и пришел показывать, красуется, велит смотреть, как будто насмехается» (что его задело это, я видел еще вчера, когда в разговоре он говорил, что у своего отца не грех украсть, «а тебе, вот, Надя, можно — у твоего есть деньги, — смотри, каким франтом разрядился»), «это выводит из терпенья, — и молчать? или высказать?»

Я готов был отвечать, что лучше молчать, как он толкнул меня: перед нами стояли тещь и Пелаг. Вас. Он просил воротиться, она не захотела, хотя я обещался проводить; он хотел, но когда я вышел, его еще не было и верно не придет, потому что рассердился на меня. Я взошел снова к ним, через несколько минут вышел и, идя дорогою, передумывал, не лучше ли сказать тещю, что понимают его, иначе это не будет иметь конца, и он решительно испортит отношения Надежды Ег. к Вас. Петр.; высказать — и без Надежды Егор.; а после передумал: нет, лучше при ней, если только чувствует, что достанет терпения выдержать и не наговорить ругательств, потому что, если это будет без нее, ей насплетничают про этот разговор бог знает что, лучше пусть видит сама что благородство.

Сказал ему, что говорила мне Любинька о нем, только ее слова приписал Ив. Гр., что отчасти справедливо, потому что она верует в него и верно хорошо знает, что это не против него будет. Пришедши домой, молот глупости, как дурак, хотя было вовсе не весело, — правда, не было слишком большого и томления, да ведь это бывает редко. Завтра в 10^{1/2} выйду к Ол. Як. и буду до 11^{1/2} у него; скажу, был в университете; в 5 часов хотел придти Вас. Петр., которого, как теперь вижу, более всего действительно удерживало опасение быть неприятным гостем, а меня тревожило, что он не бывал, думал, что это оттого, отчего я не бываю, напр., у Александра Федоровича.

С каждым новым свиданием я вижу в нем все более и более. Это странный человек, какого еще нельзя найти, человек великий, благороднейший, истинно человек в полном смысле слова.

Да, совесть как будто говорила, что не должно обманывать так сестры и скрывать деньги, да нельзя: человек так устроен, что ему ничего нельзя сказать серьезного, а не пошлого: тотчас, во-первых, поймет не так, во-вторых, выведет бог знает какие следствия, в-третьих, сделает бог знает какие предположения, в-четвертых, разболтает; а домой, подумал, не написать ли о Вас. Петр. и дружбе моей с ним, только не о финансовых делах, и не входить в большие подробности о нем, потому что, известное дело, не так поймут и не так станут смотреть.

Вчера был случай, доказывающий, что мною, однако, не слишком пренебрегают и что говорить свое мнение не всегда бесполезно. Ив. Гр. говорил, что пойдет купить чаю и сахару и лучше в маленьких магазинах, потому что дешевле; он был в этом уверен довольно твердо. Я сказал, что в больших дешевле и лучше, напр., у Белкова и Чаплина, и ругал после себя за это, — а он купил у Белкова. Вчера же Ив. Вас. Писарев, взошедши, поцеловал меня, и показалось мне, что он добряк, и совестно, что я постоянно смеюсь над ним, а между тем и вчера и ныне смеялся (половина первого, ложусь). Да, вчера же был утром неприятно поражен своей небрежностью, когда утром увидел начало этого журнала, где было записано только 12 июля, лежащим на столе — позабыл спрятать в ящик. Однако, я как-то эти дни мало раздражаюсь и томления нет. Работал всего 8 часов, кончил В и начал Г.

15 июля. — В 10 час. пошел к Олимпу Як. узнать, писали ли ему о смерти отца, и, может быть, сказать, если не писали; но мне должно было провести 1^{1/2} часа вне дома, чтобы сказать, что я был в университете, и показать письмо. Ол. Як. не застал, пошел в Гостиный двор, купил бумаги почтовой полдести на 30 коп. сер., после пошел к Фрицу, который пришел вечером и взял сапоги приделать головки. Пришел, показал письмо. Любинька посмотрела на замазанное место на конверте (от одного письма за май): была стерта надпись, которую я делал на конвертах, когда отправлено письмо, и стертые залито чернилами, как будто стертые были чернила; не нужно было этого делать; стала разбирать замазанное

маменькою и разобрала, а того, что я замазал, не стала, потому что сразу видно, что ничего нельзя разобрать, или потому, что догадалась.

В 5 час. по обещанию пришел Вас. Петр., сидел до 9; мы сидели, говорили, как раньше в моей комнате, когда я жил один. — Говорил, как его раздражает тесть своею пошлостью; потом говорит: «Не знаю, как теперь любят меня дома». Стали говорить о своих домашних делах; по его словам выходит, что его отец — человек ограниченный, довольно тщеславный и обыкновенный; сестру, говорит, особенно любит Анну, вторую. Вместе с этим говорил о пошлых людях, о том, что они способны на всякие гадости, хотя, может быть, бессознательно; ссылаясь, что добродетель может быть только у человека с хорошей головою. — Я говорил, что иногда думают, что все это высшее качество, высшая натура — вздор; посмотрите на то, как действует этот человек (при этом я думал о нем), и выходит, правда, что он может быть несчастлив, может делать несчастливыми и других, но все делает не то, что [другой], и другой не может сделать того, что делает он.

Тесть вчера воротился; придет, разляжется на диване, распоряжается как хозяин, критикует с чувством своего права кушанье. — «Я, — говорит, — при нем не могу есть без отвращения. Быть, — говорит, — деликатну с такими ограниченными людьми, совестливу, как я бываю, не годилось бы — они ведь не понимают, что это снисхождение к ним, и обходятся с тобою за панибрата, ставят тебя ниже себя, кладут тебе руки на голову; вчера — говорит, — не выдержал, ушел и ходил верст 15, без этого насказал бы ему; придется кончить, как Самбурский — выгнать его просто из дому». — «Что не переедете на Петербургскую, удалиться бы от них?» — «Перевозка стоит 10 руб.; во всяком случае теперь здесь хозяин поверит, если не заплатит ему, а там этого нельзя будет, потому что незнаком».

Говорили много о пошлых людях, я приводил примеры и, между прочим, Любиньку и Ив. Гр.; я, кажется, решительно увидел, что опасаться, чтоб он полюбил Любиньку, нечего. — «Вот, говорю, видите, напр., целуются — очевидно от скуки». До сих пор мне только две женщины попались, не внушающие неприятного чувства, это Александра Григорьевна, дочь Клиентова, и Надежда Егоровна. Снова говорил в ее пользу; привел, как дурно обходится отец с Александрой Григорьевной. «И [с] Надеждой Егоровной, умрите вы, то же будет — взять к себе возьмут. потому что не взять неприлично, но принуждена будет идти в служанки». — «Да, — говорит он, — сам говорит — отрезанный ломоть; и все, говорит, перетолковывают в дурную сторону; тесть говорит: «Вот вы как обходитесь с Николаем Гавриловичем, а мы родные, больше должны любить друг друга»; они думают, что я знаком с молодежью, вместе кучу и мошеничаю». — Я говорю: «И это все перетолковано в миллион раз подробнее и обстоятельнее Надежде Егоровне, она должна беспокоиться». — «Да, — говорит, — я два

раза видел, что она плачет; даже спрашивали ее они, люблю ли я ее; она говорит: «Судя по ласкам и внимательности — любит»; мне ее жаль более, чем когда-либо». — «Да, — я говорю, — вам должно быть осторожнее в словах, чтобы не подавать ей повода к подозрениям; вот, напр., мы говорили третьего дня с вами о кражах и т. д., — ведь за пять лет вы были в миллион раз на высшей ступени развития, чем теперь она, а что бы вы подумали о людях, говорящих такие вещи?» — «Да, — говорит он, — она меня спрашивала об этом и приняла это в шутку».

Я спросил его, находил ли он вообще когда-либо людей, с которыми можно быть откровенным, — по поводу того, что его не понимали дома, и он должен был быть не откровенным. Он говорит: «Да, иногда находил, но теперь я неспособен к откровенности, потому что лета не те и поэтому и с вами не откровенен» (это я и раньше думал, что не совсем), «а между тем с вами можно быть откровенным, потому что вы ко всему приготовлены и не отвернетесь, если я скажу, что украл, как это сделает отец; он отречется: делать подлости можно, только чтобы не знали их, вот его правило». Решили, что тщеславие и пристрастие, по которому осуждается в другом то, что уважается в себе, и злобные пересуды (я привел в пример насмешки Любиньки над всеми ее женихами, это ему понравилось, верно потому, что он вспомнил, между прочим, как переменялось мнение его родных об Антоновском, который, когда был женихом Марьи, был прекрасен, после стал негодяй) — признак людей ограниченных и пошлых; что они всему радуются и печалются и ничему глубоко. — Я говорю: «Это от пустоты и отсутствия собственных интересов, — это как река, — течет, и ничто не делает впечатления на нее, — так, когда имеешь свой интерес, — а то как болото стоит — только чуть тронь, и потечет вода, как тебе угодно». Это было отнесено отчасти к его родным. «Я, — говорит, — сказал Надежде Егор. о наших отношениях с вами для успокоения ее, говорил о деньгах ей». — Я говорю: «Это не должно». Он говорит: «Было нужно». Я говорю: «Особенно не хорошо, что вы говорили об этом Залеману; хорошо еще, что Залеман в энтузиазме к вам, но ведь это знаю я, а не вы, как же вы могли сказать ему это? Если вы не хотите сделать человека смешным, вы не можете ничего сказать хорошего про него, кроме того, что не пьет вина и не играет в карты; что не ходит к девкам, 'не прибавляйте, а то выйдет, что употребляется или употребляет мальчиков».

Я говорил довольно много об Александре Григорьевне и Надежде Егоровне и о впечатлении их на меня, совершенно отличным от впечатления, произведенного другими. «Думаете, — говорю, — что это вздор? Нет, не вздор; нет, это действительно существа высшей природы, в которых есть это естественное благородство и такт, а то другие говорят все и прилично, и хорошо, да нестати в сущности, или то, что не следовало бы говорить, например, делают что-либо для вас, и не хотят это показать, а между тем

делают так, что выказывается это вам». (Свойство, противоположное этому, я точно заметил в Надежде Егоровне: она делает так, что только после рассудишь, что это было сделано для вас, а сразу и не заметишь.)

Меня радовало, что он снова будет бывать и мы снова будем говорить с ним, как раньше, откровенно в некоторой степени; что он не станет думать, что беспокоит, приходя ко мне. Отдал ему 25 р. сер., которые получил. Завтра хотел принести Любиньке «Современник» июльскую книжку и «Домби и сын», 1-я часть⁶. Посылал за табаком (20 коп. сер.; сдачу отдали не мне; итак, истрачено 50 коп. сер.).

У Горлова пояснил себе раньше темную мысль, что налог выдается в расход раз, а с народа берется два раза, в первый раз — когда собирается, во второй — произведениями, за которые снова отдается поставщикам, и что проценты долга государственного (мысль эта раньше мне не приходила в голову) берутся у производящих сословий, а отдаются [не] производящим, а живущим рентою. Работал все время, когда был дома один, с 9—10, 12—5 = 6 часов, кончил Г, разобрал Д и списал до слова «до». 12 часов вечера, ложусь.

Да, прояснилась мысль во время разговора с Вас. Петр., что чем больше понимаю, тем больше высоко ценю папеньку и тем более замечаю в себе сходства с ним. Боже, сохрани его! Думаю более всего о Вас. Петр., несколько об Ол. Як., почти ничего о себе, как теперь обыкновенно; как сестра бывала на глазах, то заговаривал с нею обычным насмешливым тоном — ее беспокоит ее положение: думает, не поправится. Бог знает. Ив. Гр. сказал, входя: «Вы утешаете ее?» — «Да, — говорю, — только, кажется, безуспешно, как вообще бывают утешения». — «Правда, — говорит он, — в это самое время утешения только раздражают нас и более утверждают в нашей мысли; но после мы рассудим и согласимся; что в них есть резонного, в самом деле утешило». Эта мысль вертелась не слишком ясно у меня, а она важна.

Пятница, 16 июля, 12 час. — До 5 часов работал, когда принесла Марья (служанка Катерины Павловны) записку от Александра Федоровича: «Папенька умер, приходите поговорить о судьбе брата». Тотчас пошел. Это известие принял я весьма холодно, Любинька и Ив. Гр. тоже спокойно, снова стали играть в карты, как прежде. Шел, думал, что, может быть, найду его чрезвычайно встревоженным, — он был спокоен, даже лицо с почти обыкновенным выражением; я взошел, мы молча поцеловались, он дал мне прочитать письмо брата; оно было написано хорошо, с умом, связно, с чувством — он говорит о желании отца, чтобы он был на его месте, говорит — «Я сказал, не могу, и как мочь? Нет невесты, кроме грубых, обязанности тяжкие и т. д.». Он хочет быть в светском звании и, если можно, жить вместе с братом здесь, — так подействовало на него одиночество его теперь, «пусть наша могила будет одна». Ал. Фед. говорит: «Я пришел

домой из департамента, письмо лежит, прочитал, ноги и руки затряслись, я был сам не свой, не помню, что писал вам (я пришел верно через 20 минут после этого), теперь начинаю приходить в себя».

Он говорил рассудительно, по виду холодно, сказал: «Как жаль, нет и портрета; я очень рад, что все письма его целы у меня; жаль, нет маменькина; смерть дяди (Минаева) навела меня на мысль, что из наших еще кто-нибудь умрет: всегда умирали по-трое». О брате стал говорить: «Оно, говорит, видно, что ему хочется сюда, хотя он представляет на мое решение; против воли нельзя, пусть едет, место я достану, он будет получать хоть 10 руб. сер., с этим будет у нас 2 000, можно жить». Он говорил о делах, ничего не позабыл, кажется: а как ему ехать? Через год, который остается дослужить до трехлетия для службы в губернских местах, или осенью? Лучше осенью. Мысли эти были у него, я был совершенно согласен. «Пойду, — говорит, — узнаю у Страховского о местах в канцелярии генерал-губернатора». Не застал его дома и зашел к нам; в это время Ив. Гр. не было, мы пили чай; пришел и Вас. Петр. в 7¼ час.; говорил довольно весело, так что другой и не заметил бы ничего в Алекс. Фед. особенного; а между тем это известие должно сильно подействовать на него по его характеру и придает его характеру новый вид.

После он ушел, мы посидели с Вас. Петр. еще до 9 час., он говорит: «Я пойду завтра далеко гулять куда-нибудь». Я говорю: «Лучше пойдемте вместе, заходите ко мне». Бедный, он все более и более приходит в дурной образ мыслей, делается более и более мрачным и более и более впадает в кручину; я хотел пойти с ним, чтобы он не ушел в Петергоф или Царское (как говорил он, едва было не ушел четвертого дня), проводить его, поговорить, может быть, успокою несколько его; тяжело ему, тяжело; а между тем, странно — я как будто не трогаюсь этим, сердце не щемит; жизнь, кажется, отдал бы для его счастья (не знаю, может быть, отдал бы, — если б знал, что не будут слишком тосковать папенька и маменька, конечно, отдал бы тотчас и за счастье не всей его жизни, а хоть на год). «Хорошо, — говорит, — я приду в 10 час. за вами, или вы приходите в 5». Я отказываюсь обыкновенно, когда он говорит «приходите», потому что думаю теперь (дня 3 назад), что это может более раздражать против него тестя, который будет расстраивать Надежду Егоровну.

Говорил с Любинькой, довольно спокойно по наружности, сидел; в 10½ пришел Ив. Гр., за ужином говорил о том, что ему не нравится, когда говорят о высших правительственных лицах нехорошо: хоть палка, да начальник; от этого разрушается государственный порядок и доходит дело, когда каждый мыслит, до того, что теперь во Франции. Я говорю: «Начальники слишком много на себя берут, позабыв, что не подчиненные для них, а они для подчиненных, и тем вызывают осуждение и строгость к себе; не правда существует для государства, а оно для правды. Кто

различает человека и палку, место и власть и человека, занимающего его, тот не должен бояться суждением о нем ослабить в себе уважение к власти; во Франции и теперь лучше, чем у нас». — «Да, — говорит он, — в материальном смысле, а в нравственном что?» Я говорю: «И в этом лучше, чем у нас, и семейные отношения лучше; а что мы думаем, что у нас лучше, — это от самолюбия, которое говорит: лучше нас, т.-е. меня, нет и на свете никого; кроме того, оттого, что мы выросли в этих понятиях и думаем, что иначе и быть не должно, а если есть иначе, то это гадость». Дело делал часов: 9—5 (— 1½), 9—10½, 11—12; = 10, разобрал до З. Букву И только начал разбирать, почти еще не раскладывал по местам. Читал 20 июня «Débats», проект конституции.

Суббота, 17 июля. — В 12 часов пошел в университет за письмами. Когда воротился, убирали и мешали делать дело; это расстроило несколько расположение духа; а Любинька и Ив. Гр. нежничали на диване подле меня и показывались, может быть, именно оттого, что я был раздражен, весьма пошлыми, и давно не чувствованное «тянет с души» было почувствовано мною так, что мне до обеда хотелось уйти из дому, как бывало осенью. После — ничего.

Вас. Петр. не зашел, поэтому я был у него с 6 до 9; после он проводил меня, я его. Наверное он заметил и сообразил то, что я ему сказал неосторожно третьего дня, — что я вычеркнул в письме несколько строк, и сообразил, что это верно говорилось, что прислали деньги; я, кажется, разуверил его, сказав, что это говорилось об отношениях Любиньки и Ив. Гр. друг к другу; говорил ему о чувстве неприятном, которое производят их нежности, да и вообще все *Wesen und Treiben**, и о том, что мне самому совестно его. Он опасается все расстроить своею близостью мои отношения к ним; я разуверял, не знаю успешно ли. Надежда Егоровна читает Лермонтова (стихи, что я замечал и раньше) и «Тома Джонса»⁷ — хорошо.

От него зашел к Ал. Фед. за «Débats» и теперь ложусь их читать. Разобрал и несколько списал буквы И (до иже списал); почти ничего не читал, только дочитал 1-ю часть «Домби и сына» — хорошо, конечно. Почти ничего не думал. Пусто и довольно глупо было на душе и в уме, когда был дома; с Вас. Петр. говорил довольно шутя и остро о Пушкине⁸, Залемане старшем и Орловых петергофских. Работал 4 часа.

18 июля, воскресенье. — В 11½ пришли Ол. Як. и Ал. Фед., просидели до 2½; Ал. Фед. снова пришел в 6 и просидел до 9½; еще несколько времени было отнято тем, что Ив. Гр. пил чай, воротясь домой, и свечу поставил на другой стол; работал около 4 часов, — день, пропавший совершенно. Вас. Петр. не был, это немного беспокоило, однако немного, я что-то как дубина.

* Существо и поведение.

Пришла мысль, возбужденная словами Олимпа Як. про гатчинских воспитанников, что должно сечь их, — дарования необычные и не занимаюсь, а с какой-то бесцветностью и бессмысленностью смотрю* в то время, когда занимаюсь разбором словаря, — что собственно и хорошо делают, если не занимаются школьным делом, — что неудивительно, что дурак в школе бывает обыкновенно умнее хороших и талантливых учеников в жизни: те, все учась, следуют авторитету и не имеют времени свободно жить и чувствовать и мыслить, остаются детьми, забытыми людьми; одним словом, понял, как выходят бестолковые люди из школ и что значит — это забытый мальчик. Да, защищал по нападкам на Ол. Як., как наставника в Гатчине, мысль, что большая часть занимающих места не имеют ни особых дарований, ни познаний, делающих их достойнее занимать их места, чем те, которые не занимают их, и что, напр., он ничем не хуже других, и большую часть чиновников и правителей легко можно бы заменить *durch den ersten besten***, кто сел, тот и умеет сидеть, не человек по уму достоин занимать место, а получил место, так оно и дает тебе ум или репутацию на ум. Споря о чем с Ив. Гр., довел его до того, что он сказал: «Однако этот спор ни к чему не поведет»; через несколько секунд все-таки начал он говорить о вздоре снова.

Думал почти бесплодно и без интереса. Семейные помехи несколько надоедали. Любинька наскучила своими толками о том, что не надеется на выздоровление: и жаль ее, и скучно, и приторно слушать. Читал «Débats» только, разобрал И и К.

19 июля, понедельник. — Утром около 1 часа был расстроен несколько помехами семейными, так что хотелось уйти из дому. Пришли к Ив. Гр. Горизонтовы оба, я не выходил; просидели более двух часов, время пропало, потому что в это время, как нарочно, я рассыпал по полу слова, а подбирать было неловко при них; от скуки читал Горлова и «Débats» без всякого внимания; после обеда был не так, как раньше, расстроен, хотя бы должен бы быть расстроен, потому что от 5 до 9 сидел Алекс. Фед., время снова пропало. Думал несколько о Вас. Петр.; что его нет, а вообще ни о чем, кроме своей скуки, — не будет ли она увеличиваться и не начнется ли снова состояние, как было осенью.

Ал. Фед. просил написать папеньке о том, что будет стоить поминовение в год его отца в нашей церкви, не говоря, что это для его отца; я отвечал, что верно и так написал в синодик, но что все-таки что напишу. Он говорит, что «все более и более грущу и тоскую, гораздо более, чем раньше». От Фрица принесли сапоги (надел головки), отдал 3 руб. сер. и мальчику 6 коп. сер. Разобрал буквы Л и М, работал 8—1, 4—5, 9—11 = 8 часов, но много мешали мне разговоры Любиньки и Ив. Гр. и много сам рассыпал букв своею неосмотрительностью. Когда Любинька спросила, за-

* Слово неразборчиво.

** Первым попавшимся.

чем, отвечал: «Сам теперь не знаю хорошенько; раньше для медали, а теперь не могу писать на нее». — «Почему не можешь?» — Я сказал пустяки.

20 июля, вторник, 12 часов. Писал домой вследствие вчерашнего разговора с Любинькою. Ив. Гр. не было дома, я говорю в 2 часа: писать домой, чтоб прислали мне денег или подождать, что скажут Воронины после вакаций? — Она говорит: «На что ж тебе? Не нужно». Я говорю: «Отдать вам». — Она говорит: «Да разве нужно отдавать что-нибудь?» — «Само собою», — говорю я. — «Ну так теперь есть деньги у нас, можно погодить» (что она скажет погодить, [я ожидал], но что они думали, что я буду даром жить у них — не ждал я), «чтобы погодили до конца вакаций присылать деньги». В университете получил письмо от тетеньки. Думал пойти к Вас. Петр., и когда пришла хозяйкина дочь, которая навела на меня прежнее чувство неприятное, которое овладевало мною обыкновенно при виде и слушании женщин и девушек, — ушел.

Их встретил возвращающимися домой с прогулки, просидел до 10^{1/2}. Мы говорили и играли в карты. Он в суетах позабыл налить в самовар воды, и он распаялся; это было весьма неприятно для меня; они сохранили дух; Над. Ег. выказала к моему удовольствию себя хорошо. Он говорит: «А лучше было, когда вы стояли в доме Фредерикса; не знаю сам, почему мне неловко бывать у вас».

Вчера решился написать словарь так: раньше выставить места, где слова, после уж приискивать вдруг значения слова, когда вообще кончу всего Нестора; это прибавит работы, зато лучше, по месту и значения будут выставлены вернее, а то раньше не знаешь необычного значения слова и, если можно, придаешь старое, после необходимо видишь новое значение, тут его и даешь, а в прежнем месте осталось старое и контроль труден. У Вас. Петр. взял июльскую книгу «Современника» и теперь ложусь читать ее. Расположение духа ничего, думал более о Вас. Петр.; Ив. Гр. и Любинька надоедали менее, чем вчера, и расположение было лучше. Разбирал Н, работал 7^{1/2} часов.

Когда ходил в университет, все слышал хороших с Надеждою Егоровной — все хуже; одна все-таки, девочка лет 15, может быть 16, довольно понравилась (напоминает лицом, особенно плавным переходом носа, довольно острого по обе стороны к щекам, сестру жены Иринарха Ивановича Введенского, брюнетка), так что я остановился, опередив их, чтобы подождать или по крайней мере взглянуть на нее; чувство было чистое, как от хорошей книги или разговора с умным человеком; однако не дождался. Видел ее на Чернышевом мосту; это я сделал едва ли не в первый раз, что оглядывался, чтобы полюбоваться. Хозяйкина дочь пошла.

Вздумалось перед тем, как пошел в университет, когда разбирал Н букву, — не буду ли после недоволен папенькою и маменькою за то, что воспитался в пеленках, так что я не жил, как

другие, не любил до сих пор, не кутил никогда; что не испытал, не знаю жизнь, не знаю и людей и кроме этого через это само развитие приняло, может быть, ложный ход, — может быть.

Ив. Гр. сказал, что хотя нельзя смеяться в глаза над людьми, которых любишь, между тем как не грех за-глаза, напр., над тем, что Ал. Тимоф., не умея играть в карты, садится показывать хорошему игрокам; да, так кажется должно уживаться с людьми, а я все-таки не так думал и думаю: кого любишь, нельзя смеяться за-глаза.

Среда, 21 VII, 1848. — Весь день работал, кроме того, что утром несколько времени и за столом и чаем читал «Современник»; прочитал в июльской книжке 8-ю часть «Домби и сына» — хорошо, но вполне определить не могу, потому что читал, развлекаясь разговором. — Ждал Василия Петр., — не был, завтра узнаю, чего. Вечером был у Раева в 10 ч. по обещанию принести «Débats»; отнес. Работал около 10 часов, обделал О и разобрал по слогу П. Думал, хотя без чувства, о Вас. Петр. и мало, более все вообще и точно ли высшей натуры Над. Егоровна. Говорил о положении женщины с Ив. Гр. и Любинькою. Любинька говорит: «Бедные женщины, потому что всегда в зависимости от мужа». Значит, она хорошо чувствует в этом отношении то же, что и я. Ив. Гр. говорит: «Пустяки, стоит наравне с мужем». Он не понимает этого угнетения, которое нельзя показать пальцем перед судом, но которое ясно в каждом слове и движении сочетанных браком. Я говорил за, он — против, довольно много и умеренно к общему удовольствию. — Вчера забыл записать 20 коп. сер., отданные швейцару за письмо. День почти пуст, потому что занят делом. Ив. Гр. не надоедал, кроме только, когда читал — смешил.

Четверг, 22 VII. — В половине первого пришел Вас. Петр. по дороге к Залеману и священнику Казанскому, просидел с полчаса. Говорит: «Нахлынули родные, я ушел и не буду обедать дома». Взял с него обещание зайти на возвратном пути; он долго отказывался, наконец, согласился и зашел, в 3¼ часа; всего в оба раза просидел с 1½ часа; тут он был весел, потому что застал Залеману мать одну дома и высказал ей, почему не отдает долга, говорит — «не могу»; говорит: «точно гору с плеч свалил»; она говорит: «Володя мне говорил уж: он не ходит потому, что совестится, что не отдал». Приняла она его с большою радостью. После Казанский предложил ему учить детей своих, которые в семинарии, на вакации; хоть немного, говорит Вас. Петр., все лучше, чем ничего. Казанский достал ему «Ревизора» и достанет «Мертвые души»⁹, это также весьма было приятно ему, он был весел; я обещался прийти в 6 час., но завлекся работою, между тем пришел Ал. Фед., принес газеты, когда я хотел уйти, и он хотел: «я, говорит, хочу посидеть с вами», и просидел до 8½. — Я пошел-таки, просидел до 10¼, — пошел тотчас, как ушел Ал. Фед. Поговорили несколько, после я стал читать последнюю часть «Разъезда из театра» Гоголя из 4-й части, которая у Вас. Петр. лежала, — пьеса, которую он не

читал. Надежда Егоровна была в чепчике спальном, он к ней не идет, но все-таки мила; смеялась, не знаю, над картинками «Иллюстрации»¹⁰, которую пересматривала, или над гоголевскими судьями; кажется, несколько раз над судьями; если так — хорошо, значит, понимает. Он говорит: «Я вас с нетерпением дожидался в 6 часов, был один дома».

День прошел ничего, чувствовал только голову, кроме того, когда был у них, было несколько приятно сердцу. Списал П до слова «посѣлкаеми», работал часов 5.

Утром читал «Тома Джонса» в «Современнике» — чрезвычайно хорошо, должен перечитать еще, как и «Домби». В «Débats» при Ал. Фед. пробежал (они 9—14 июля) объяснение Луи Блана против «Débats» на его оправдание в участии в бунте 25 июня¹¹ и ответ «Débats»: как неизмеримо выше он их по уму и мыслям! Ответ «Débats» сделал на меня неприятное впечатление: «Droit du travail» говорит, что всякий делай, что хочешь, а не то, что государство, как вы говорите, должно дать работу тому, который не имеет ее» — хорошо! [He] думал почти ничего, более о Вас. Петр. — Половина первого. — Да, последние дни утвердился в мысли, что в груди у меня перемена: пишу много, а усталость если и чувствую, то в плечах, а не в ней. Любинька сильно жаловалась на боль при отдирании во время перемены перевязки на больной ноге (пальце) мне, что заметно будут от них помехи.

23-го VII. — До 7 работал с легкими (всего с час) перемежками чтения июльской книжки «Современника». Ждал Вас. Петр., который обещался быть. В 7½ пришел и в 8 пошли, потому что он говорит, должен быть дома (он был у Казанского), а мне должно было зайти к Стефаницу Любиньке за сассапарельной эссенцией и в университет за письмом, которое обещался взять ныне Ал. Фед., который думал, что там будет написано о Петре Фед. Вас. Петр. проводил меня к Стефаницу (в Казачий переулок) и после до Каменного моста, потому что верно ему хотелось говорить: «Я, — говорит, — ныне более обыкновенного угрюм, — тесть говорил Наде: что Василий не учит Васю? — Я говорю ей, чтобы она сказала, первых, должен сказать об этом ему сам; во-вторых, он не возьмется, потому что время нужно ему самому, а денег брать с родных не годится. Надя, кажется, начинает понимать наши отношения и что это не годится. Да, понимает, а если и не понимает — ничего; невыносимый человек этот тесть, невыносимый. Прекрасно делает с ним Ник. Самойлович, теперь они не видятся: тесть присылал за деньгами, он сказал — нет, и вообще хорошо, что он так прямо и резко отвечает ему, а то вот предлагает стать на одну квартиру, и когда я говорю — не стану, видит в этом нерасположение, а я говорю, что далеко квартира и пр., и не говорю настоящей причины, а должно высказать; это, говорит тесть, будет выгоднее жить вместе, расходы пополам; так бы и сказать: ведь нас

* Право на труд.

двое, а вас восьмеро. «Да, — говорит, — выгоднее, сколько ведь у вас выходит?» — «Два-три рубля в день», говорю я. — «Два-три рубля? Что это? Лакомства?» и с таким видом, выводящим из терпения. Да нет, я воспользуюсь случаем, когда он будет у меня один, а Надя у них, и выскажу ему; потребую, чтоб возвратил салоп, белье, чайник, кофейник, главным образом, потребую для того, чтобы показать, что я не такой человек, каким он меня считает; скажу ему тоже, что не по мне и это его свинство: войдет и полчасика стоит в шапке и с таким гордым видом, как будто так и следует». — Я, пока говорил Вас. Петр., все время молчал, только вздумал было, в намерении принести пользу Надежде Егоровне, утвердить, примером неверной оценки им с первого раза тестя, убеждение в нем, что нельзя с первого раза узнать человека и что слишком часто мы ошибаемся, — мнение, которое я постоянно поддерживаю перед ним, потому что так должно и потому что это задушевное мнение. — «Нет, — отвечал он, — я его так и с первого раза оценил: пошлый и чрезвычайно ограниченный, хотя и добрый человек; он свинья, и этим объясняются все его поступки».

Мы подходили к Садовой, когда он стал говорить, переменяя несколько предмет и наведя разговор на то, что верно еще более интересует его и о чем хотелось ему говорить сначала, но увлеченный рассказом: «А что более всего меня тревожит, это совершенное равнодушие к жене». — «Почему? Что же, влюблены в другую?» — «Нет, это пустяки и я не знаю, могу ли уж влюбиться, а то, что этак, пожалуй, я и марш: ничего не делает, сначала я заботился о том, чтобы ей не было скучно одной, теперь уж оставляю, как хочет, а кажется, могла бы видеть, что я целый день что-нибудь делаю». — «Эх, — говорю я, — это делается медленно, и это пустое препровождение времени у слишком многих людей: напр., Ив. Гр. ничего весь день не делает, а, кажется, человек не то, что Надежда Ег. по умственной ступени (это, кажется, несколько произвело на него впечатление), и Любинька, — как больна, не встает, а давеча проходили похороны — кричит, а тащится к окну». — «Да, еще: когда одна — ничего не делает, когда я тут или кто еще — шьет, да и только». Это уж на меня подействовало, хотя я не изменился наружно; это нехорошо, это притворство; но тотчас же вспомнил круг, в котором жила она, его привычки и пошлость, и снова извинил ее, а теперь приходит мысль: ничего не делает, — а что делается внутри? Может быть, думает и тоскует, может быть то, может быть другое, а когда человек здесь — естественно, внутренняя жизнь сощемляется и садится от нечего делать за работу. «Она с душком», — начал было говорить он, но здесь был угол и он говорит: «Нет, дальше не пойду, жаль ее заставлять ждать пить чай, теперь будет не совсем приятно ей, если меня так долго не будет, я давно из дому». — Что за человек! И это еще, когда он совершенно равнодушен! А какое счастье быть любимой им! Боже, какая сила чувства, какая сильная, нежная, великая душа! Мнение мое о нем, если можно, еще возвысилось после этого. Велел

приходить завтра. В университете получил письмо Марье; Ал. Фед. заходил сказать на минуту, что ничего нет. Письмо папеньки довольно действовало своим уверением, что «не будет для меня тяжелых дней в жизни» — это в ответ на поздравление с ангелом, верно я желал, чтобы их не было — «я шел тесными вратами и не стыжусь себя». Слава богу! Есть на свете люди, такие как папенька, и слава богу, что такой человек мне папенька! Любиньке была вложена записка от Варвары Дм. Ступиной и Зарубаевой, я не читал ее, когда увидел подпись Зарубаевой; после спросил у Любиньки, можно ли прочитать; в письме Алексея Тимоф. к Ив. Гр. было о смерти Андреева; Любинька сказала мне, читая письмо с сожалением, — это хорошо действовало на мнение о ней у меня: почему не всегда и не про всех так? — Грудь, когда я воротился из университета, была несколько тяжела, — от ходьбы и флакона с эссенцией или работы? Верно от первой причины, потому что теперь ничего не чувствую. Блеснула мысль, которую верно буду приводить в исполнение (потому что не хотелось бы получить что-нибудь через Срезневского при теперешнем мнении студентов о моих к нему отношениях) — отправить словарь не к нему, а прямо в Академию. Чувствовал только головою. Кончил Р и отдела Р и начал разбирать по словам С — разобрал 6-ю часть этой буквы. Работал 8½ часов.

VII, 24. — Утром несколько читал «Тома Джонса» во второй раз и мелкие статьи в «Современнике». Узнал о смерти Фон Швейден (Мариной), бывшей Любинькиной подруги, когда еще были дети обе; они перестали видаться так давно, что Любиньке было еще столько лет, что она и не может сказать, сколько именно; с тех пор я ни разу ее не видел и никогда о ней не думал, даже не могу теперь припомнить ее лица, совершенно не могу, даже цвета волос, а между тем это действовало на меня: я работал и продолжал работать, но выкатилось 3—4 слезы: дай тебе бог царство небесное! Так сильно, верно, воспоминание о детстве. Мне верно было не более 6 лет, когда это знакомство кончилось, и она являлась мне теперь в таких чистых, ясных, хотя совершенно неопределенных воспоминаниях и поэтому-то верно и дорого и свято для нас [то], что соприкасалось с нашим детством: мы тогда чисты, святы, не подозрительны, и поэтому все представляется нам и чисто и свято, так верно и здесь. — Прости навсегда! Известие ни о чьей смерти на меня так еще не действовало, хотя и это действовало более прискорбно, чем сильно опечаливающим образом. Я совершенно остался в прежнем, кажется, расположении духа, но все-таки принял это к сердцу, как никогда раньше не принимал, даже о Федор Ивановичевой или бабенкиной¹²: их я знал большой то же, и они являлись мне людьми с недостатками, а эта как была тогда, так и осталась в воспоминании ангелом.

Проработал до 5¾, после стал собираться к Вас. Петр., как обещался; пока чистил сапоги, Любинька вовлекла меня в прения с Ив. Гр. о полезности наказаний (главным образом, телесных

в школах), — он говорил да, я говорил нет, но довольно мирно и довольно, кажется, с удовольствием. До 9¼ просидел у Вас. Петр.; когда шел туда, встретила Над. Ег., которая шла за Алекс. Ег., чтобы идти гулять; я пошел к Вас. Петр. почитать, пока не воротятся, Гоголя (сначала «Ревизора» я читал). — Немного после пошли гулять через мост на Семеновский плац, через него мимо железной дороги к Вас. Петр.; на дороге я говорил о гоголевой «Переписке»¹³, что все ругают «я первый», что это не доказывает тщеславия, мелочности и пр., а напротив только смелость, что первый высказал то, что думает каждый в глубине души; памятник? Да ведь называли бы дураком, если [б] не знал он, что в 10 раз выше Крылова, а ему ставят памятник, «Мертвые души» нехороши и обещает лучшее? Это притворство, кривляние, чтоб хвалили? Это назвать всех дураками? — Нет, просто убеждение, что исполнение ниже идеи, которая была в душе, и что мог бы он написать лучше, чем написал, — мысль, которая у всех. Что Россия смотрит на него? Естественное и справедливое убеждение и нельзя не иметь его. Вас. Петр. согласился, что этим критикам потому это кажется сумасбродством или высшей степенью тщеславия и мелочности, что не привыкли к этому и сами неспособны питать таких мыслей, поэтому не верят и другим. А Гете, я говорю, делает то же, что Гоголь. Что Гоголь многого не понимает, как говорят, хорошо? Гете не понимал Байрона.

О своих делах Вас. Петр. не говорил ничего; пришедши, пили чай, разговор был общий (и Над. Ег. участвовала) и довольно ничтожный, довольно обыкновенный, говорили анекдоты и проч. Странно, что я у них одних не скучаю и мило мне видеть их ласки друг к другу, между тем как у своих наоборот. Над. Ег. в первый раз поцеловала при мне Вас. Петр. (раньше целовала часто, только в другой комнате); у них всегда сижу спокойно и доволен, — не так как у других, жалея о времени, если и выгонит из дому неспокойное состояние духа. Пришедши домой, работал около 2 часов, всего будет около 8 часов; списал до конца слога си, завтра хотел бы кончить переписку словаря и начать выписывать места, где находится слово.

VII, 25, воскресенье. — Весь день просидел за работою, которую, думал, может быть, кончу к обеду; чувствовал некоторое утомление и лень (чего раньше не было), оттого ли, что надоело, или вернее потому, что вчера, да и дальше, долго не спал. Мелькнула мысль, не принести ли как будто чужое, пославши по городской почте, письмо Вас. Петровичу, в котором предупреждают его о предосторожности, говорят, что я влюблен в Над. Ег., — может быть возбудится ревность и возбудит любовь, если догадается, что это я, и спросит, зачем, — скажу: испытать, как далеко простирается ваша доверенность ко мне. Довольно думал об этом. Заметил еще резче, что у Любиньки навязчивый и капризный, так сказать, характер — это относительно Ив. Гр., которого она раздражает тем, что не отвечает на его заботливо-неуместные вопросы:

«что ты?» — как будто сам не видит, что именно. Действительно, может надоест, но она и про него не хочет понимать, что это от заботливости. А может быть это и потому, что она думает, что уж надоела ему болезнью и что эти вопросы внешнее инстинктивное выражение скуки.

Говорил с ним о дружбе, в которой он сомневается: «Я, — говорит, — более способен к тесному приятельству». Окончательно (еще раньше этого разговора, который после обеда, а то до обеда) утвердился в мысли, что Варв. Дм. Ступина и Анна Андр. Зарубаева женщины замечательные, потому что вот все дружны так долго, и так дружно, что Варв. Дм. говорит: «Несмотря на свою гордость, я пойду в няньки к Анете, так люблю ее». Любинька сказала это, кажется с насмешливым видом, — неприятно видеть такое пристрастие к себе и такую ограниченную несправедливость к другим. Действительно, должно быть как можно более осторожно в выражении своих мнений, которые считаешь благородными, напр., о дружбе, любви и пр., и особенно не должно высказывать, если есть у тебя подобные отношения, которые в твоих глазах придают тебе человеческие достоинства, а в глазах большей части тех, которым будешь говорить, сделают тебя только смешным. — В половой любви, говорит Ив. Гр., нельзя сомневаться, дружбы может быть и нет. Кроме того, где Любинька огорчалась от своего характера, сколько раз оскорблял он ее и по своему неумению: я, кажется, тоже. Какая неловкость! Он, напр., наводит на мысли о Верочке, а после недоволен, что она плачет; да он смеется над слезами вообще, поэтому и она стесняется перед ним в своих чувствах; это тяжело — и не хотела бы плакать при нем, как говорит, поэтому. — Работал часов 11 или 12, кончил С разбирать, и списал Т и У. — Половина первого. Весь день был совершенно спокоен, кроме некоторой скуки за работою или утомления.

Понед., VII, 26. — Утро работал все, и к 3 часам было почти кончено, в 4 часа кончил и было лег почитать «Героя нашего времени»¹⁴ — пришел Ал. Фед.; утром был Вас. Петр., сказал, что тесть заболел холерою; довольно жаль, взял «Современник», я поэтому не могу перечитать снова «Тома Джонса» и «Домби», и принес на возвратном пути «Героя нашего времени» и некоторые листки «Иллюстрации». Мне было досадно, когда после его ухода Любинька не тотчас бросилась на Лермонтова, а, как это обыкновенно делается, стала перебирать картинки в «Иллюстрации» и слегка перечитывать некоторую статью, хотя сама раньше читала ее и решила, что это вздор, а между тем так говорила, что ей так хотелось бы прочитать «Героя нашего времени», что я думал — тотчас на него бросится. Пошедши с Ал. Фед. вместе, пошли — я к Вас. Петр., который звал, он — домой. Когда он сидел у нас, играли в карты, я снова заметил в себе то, что бывало раньше, — что это довольно приятно для меня и я могу, может быть, сделаться любителем этого, потому что люблю в сущности азартность.

Утром приходило в голову, что письмо, о котором думал вчера, покажется бог знает как; что, если он не скажет мне ничего? Любви через ревность не возбудить, а только подозрение против себя (а теперь вздумалось — и против нее), и он начнет чуждаться, между тем как это решительно неприятно было бы для меня, у которого теперь самое большое наслаждение — слушать, как говорит он хоть сколько-нибудь откровенно. — Был у него в 7—10, когда Над. Ег. не было, уходила к тетке; читал «Ревизора»; и только было начал говорить о том, что жалеет, что женился, а то бы ушел отсюда, она воротилась. Ныне была со мною еще ближе несколько, говорила более, чем раньше: она совершенный ребенок, потому что не понимает, что годится, что не годится по условиям общества, но чрезвычайно мила и жива. Я был у них совершенно доволен, но такого благоговения и вдохновенного наслаждения перед Над. Ег., как существом не от нас пошлых, как это бывало в первое время после свадьбы, не чувствовал; мелькала яснее мысль, что очертание между подбородком и шеею несколько грубовато у нее — должно посмотреть внимательнее; некоторые движения (это я тотчас заметил после свадьбы) неграциозны, но это не от нее, а от неумения держать себя и неизучения грациозности своих движений, но решительно должен сказать попрежнему, что это существо высшего порядка; что ореол благоговения пропал — в этом виноват Вас. Петр., который всегда так говорит о ней, как о ее отце.

Мелькнула мысль и утвердилась, что может быть времени на словарь будет нужно слишком много, так сколько бы ни нужно было, может 1½, 2 года, буду делать и верно не утомлюсь, вообще, может быть, только к окончанию курса будет работа эта готова, — делать, сколько бы времени ни понадобилось, но делать хорошо и аккуратно, это необходимо. Так может быть к окончанию только курса явлюсь я с нею, но в более обширном виде, чем думал: весь Нестор, Лаврентьевская летопись, может быть, и все другие древние и замечательные по языку. Вечер весь не был посвящен работе, завтра за нее. Читал до обеда несколько «Débats» — проект закона о судебной организации, а теперь «Героя нашего времени» и этот закон.

VII, 27, вторник. — До 10 час. писал письмо, в котором написал о картине, изображающей Пия IX, похоронах д'Афра и Кокреле; после пошел в университет, оставя письмо, которое они не кончили, отослать им; там повестка на 58 руб. сер., не обрадовался сердцем, головою довольно слегка — отдать Вас. Петр. Через ¼ часа, когда уже шел домой, сказавши швейцару, чтобы отдал подписать — мне самому являться не хотелось — рассудил, что это не мне, а Пластову; это произвело мало перемены в расположении. Пришедши [домой], стал связывать тетради; тут была хозяйка; после начал было вносить, читая медленно места, где какое слово, тотчас увидел, что мелкие листки, много хлопот, когда должно перепорачивать их; вздумал списать на большие и теперь переписываю. Более половины кончил до обеда.

Когда читал несколько «Княжну Мери», вздумал переписать ее; в 11 ч., когда легли, начал переписывать, до этого времени — час — переписал до слов Грушницкого о Лиговских.

Вечером был разговор с Ив. Гр. о великих писателях, их слабостях и пр.; он говорит: «Коли Байрон пьяница, так негодяй, как и всякий пьяница; всякий великий писатель фигляр, между тем как правитель не то». — «Нет, — говорю я, — это те, о которых говорится — вы есте соль земли, это рука,двигающая рычагом, который называете вы правителем, и странно считать ее за ничто, уважая рычаг, и если есть в них слабости, то не от тех причин, от которых обыкновенно бывает у нас: Байрон пил не потому, почему пьет Петр Андреевич». — «Вздор, — говорит, — все одно, издали они кажутся велики, вблизи все равно, что мы». Он отвергает их важность для человечества, я утверждаю ее. «Басня Крылова о разбойнике и писателе, которую приводит он (она и раньше являлась мне, как неприложимая к делу, влияние всегда благотельно у великих писателей), — говорю я, — неприложима, хотя вы ее приводите; мне досадно чрезвычайно видеть, что мы смеем судить о них, мы, которые ничто перед ними, это Западная Европа». — «И, — говорит, — они глупцы, потому что делают ошибки». — «Да мы не падаем, потому что не ходим, хоть, напр., в области богословия. Канту в аду места не будет, а мы православные, и поэтому бог должен спасать нас, как должен был давать победу евреям, потому что у них был кивот завета. Что мы сделали?» Он говорит: «В области науки — ничего, потому что вообще еще должно раньше воспитать народ в нравственности». — «Хорошо мы воспитывали его в продолжение 900 лет! Это уж показывает, что мы ничего не сделали, совершенно не жили, что мы не младенцы, а зародыши, и мы сравниваем себя с ними и прилагаем себя к ним и переносим их понятия и события на себя!» Разговор был довольно живой, хотя умеренный; у меня задрожала левая часть верхней губы, когда я сказал, что чтобы увидеть, что его суждение справедливо, стоит только взять его вообще и приложить к спасителю — он будет фигляр тоже, и других высших побуждений тоже у него не будет, — конечно я выразил это осторожно, — а Пилат и Каиафа были правители, следовательно, по-вашему, люди хорошие и достойные уважения. Вы, я говорю, однако не подумайте из этого, что [я] рационалист — где, куда, — это все неприложимо к нам»¹⁵.

Весь день почти ничего не делаю: 1½ [часа] писал письмо, 1½ — в университете, 1 [час], пока был доктор у Любиньки, не хотелось, после — 2 в бане, 2 разговаривал, час читал; всего было: до 1½ ничего не делал, после от 5¼ до 7¼ в бане и говорил, так что только в 10 сел за переписку словаря. Обещался Любиньке отслужить завтра панихиду по Верочке на Волковом, сам назвался. Ив. Гр. она верно не будет просить — знает, что не сделает, а если сделает, то или скажет, что не стоило б собственно, или насмехнется; а завтра должно быть еще в почтамте. Теперь ложусь читать «Героя нашего времени». Расход — купил конвертов на 15 к.

сер., 10 к. за письмо, 17 в бане = 42. Да вчера табаку 15 к. сер. = 57 сер. Три четверти первого.

VII, 28, среда. — Как встал, и по обыкновению поздно, поел, пошел идти в почтампт — ведь это Пластову, а не мне; да может быть если бы и мне, не пошел бы, так равнодушен; только то заставляет дорожить деньгами, что Вас. Петр. нужны. Докончил переписку первых листочков словаря, переписывал до обеда и несколько после «Героя нашего времени», но на 26 стр. закапал и бросил, после вздумал, что можно [вывести] крепкой водкой, поэтому ходил в аптеку и к Вас. Петр. поздно вечером, но в аптеку не зашел, потому что забыл дома пузырек, а платить за него не хотелось; у Вас. Петр. не раздевался даже, только спросил о здоровье тестя, — «как раньше», говорит; я сказал, что меня дожидается Раев, и ушел, хотя оставляли; как раньше, все думаю — то ли идти, то ли нет, как когда был маленький еще.

День прошел кое-как, как проходят дни, когда нет определенного занятия. Решился перечитывать, развернув словарь на одном листе и подчеркивая в книге, вписывать цитаты слов, которые на этих двух страницах; кажется, это будет скорее, чем по порядку вносить все слова: слишком много времени идет на перевертку листов. — Среди дня был расстроен отчасти мелочью, — напр., [тем], что брали карандаш для записывания выигрышей в пикет, когда он был нужен для подчеркивания, отчасти мнением, которое вчера слышал от Ив. Гр.: «писатели — фигляры, великий писатель — великий фигляр», — это больно, как богохульство, осквернение того, что есть возвышенного в жизни и деятельности человека, и больно видеть близ себя такого человека. Вздумал, что лучшего мужа не нужно Любиньке, а ему лучшей жены: добры, хороши оба, но до известной степени и оба ограниченным образом пристрастны к себе и пошло резки в суждениях о всем порядочном в других.

Вспомнил, идя от Вас. Петр., что я совершенно тот же, как мальчиком был: тогда расплакался о том, что «богатыри так труднились для блага нашего, а мы не хотим даже и знать их, ценить их заслуги и подвиги», — теперь это же самое волнует меня: они наши спасители, эти писатели как Лермонтов и Гоголь, а мы называем их фиглярами — жалкая, оскорбительная неблагодарность, близорукость, пошлость. Это несколько волновало, и я был недоволен.

Писал среди дня, от этого не хотелось к вечеру, когда воротился, ничего. Странно, что ходил узнавать о здоровье тестя Вас. Петр. Правда, думал равнодушно, но все [же] думал о нем несколько, между тем как о бабиньке не думал и не пошел бы сам собою узнавать о здоровье. Значит, я в самом деле люблю Вас. Петр., когда и это занимает меня. Панихиду «служить Любинька посылала Марью. Любинька призналась (это когда Ив. Гр. ходил гулять), что ее мучает, что она в тягость маменьке, говорила: «Я и не думала раньше, что в состоянии так любить человека, как люблю

Ив. Гр.». Я то же самое: не любил Вас. Петр. и думал, что вовсе нет у меня любви. «О Верочке, говорит, только и думаю».

Дочитал «Débats» до 15 июля, особенного ничего не заметил, только все более утверждаюсь в правилах социалистов¹⁶. — Несколькo читал «Княжну Мери». В почтамт пойду в субботу, когда получу письмо к себе, в котором, может быть, будут деньги, так чтоб не лезть два раза в глаза экспедитору. Вносил на первую и последнюю страницы словаря, дочитал до 82 стр. Хочу кончить эту часть работы, вноски слов, в следующую пятницу. Дай бог.

29 [июля], четверг. — Сделал цитаты для полулиста (первая и последняя страницы), это заняло главным образом до 6 часов; в промежутки читал несколько «Героя нашего времени» — 1-ю часть, «Тамань» всю; более чем раньше понравилась, но новая чрезвычайно лучше; блеснула мысль о зависти к Печорину, который видел и испытал любовь столько раз, что теперь даже довольно привык к этому, чувство неудовольствия, что не был еще в делах жизни и борьбе ее, поэтому дитя. Утром ходил в аптеку за крепкой водкой для вывода чернил, ее не дали, а дали щавельной соли, которую должно разводить в воде и которая прекрасно вывела пятна из «Героя нашего времени». Среди дня томился желанием идти к Вас. Петр. — соскучился по нем до того, что (как идти нельзя было, потому что сказал, что не будет) желал, чтобы пришел Ал. Фед. Он в 8 часов принес «Débats» до 21 июля, скоро ушел; я стал читать их и позабыл почти желание видеть Вас. Петр. Вздумал, что я сам виноват, потому что не приглашаю усиленно его. — Прочитал половину «Бэлы». Показалось, что там есть в речах, которые приписываются Азамату и Казбичу, реторика, которой решительно не должно и которая не идет к Максиму Максимовичу, который их пересказывает, однако, лучше должно знать горцев. Это пышное высказывание чувств мне кажется приторным и неверностью; описания Бэлы (кажется) и лошади Казбича не совершенно чисты от этого. Но все же мне понравилось более чем раньше. Другое дело «Мери»! Это удивительно! Теперь буду списывать снова «Мери», не знаю, много ли спишу. — 11 часов. — Час ночи: списал до конца 5-й страницы своей и ложусь. Хорошо!

VII, 30, пятница. — В 10 час., когда Ив. Гр. ушел и я писал «Мери», принес тот же, который раньше, сторож повестки — ту, которую я видел раньше и считал Пластову, и еще на 30 р. сер., которую я почел тут своей. Ничего особенного. Шел и думал бог знает о чем-то; деньги само собою думал Василию Петр., письмо подменить письмом своего изделия. Это думал очень спокойно, даже лениво, как предмет сам собою следующий и о котором нечего говорить. — Взял письма и пошел было домой, не смотря на них, но, ступив несколько шагов, вздумал прочитать письмо свое, зашел в переднюю отделения для приема простой корреспонденции и стал читать: «20 руб. Любеньке, 10 — тебе». Итак, не должно и не нужно скрывать, это меня несколько обрадовало даже. Пришел,

подаю Любиньке письмо, смотря при этом на другое, — оно не Пластову, а Ив. Гр. из дому. До обеда большею частью писал Лермонтова, сидя в зале, после все вносил цитаты, теперь второй лист (60—В), прочитал до конца 98 стр. Лермонтова, списал до 80-той почти, у меня до конца 8 стр. (4 листа), превосходно!

Вечером был у Вас. Петр. (в 8^{3/4}), при прощании сказал он: «То ли дело, когда вы жили холостяком — всегда, когда хочешь, заходишь». Это меня утвердило решительно в мысли, что он стесняется Любиньки и Ив. Гр., без этого бывал бы попрежнему часто¹⁷. Шел и думал все об этом прежде всего: скажу ему завтра (он должен прийти), что, если он не будет ходить попрежнему часто, я схожу, сроку ему для испытания месяц; после прибавилось другое: «Если вы эту неделю не будете часто бывать, в следующем письме напишу домой, что схожу (чтобы узнать их мнение об этом и не слишком ли огорчатся), и как получу оттуда ответ, перехожу»; теперь окончательно, кажется, утвердился в этой мысли, что, однако, решительно не стоило никакого раздумья и колебания; если так, напишу домой почти все так, как есть; попробую это, вместе и полагаются ли они вполне на меня и можно ли с ними говорить откровенно. Ему, конечно, сказал о деньгах; он был весьма весел, кажется, потому, что почти уговорил Казанского отдать детей в гимназию и будет приготавливать их в таком случае. Тесть сидел у него.

Теперь прошла лень и, кажется, начну писать снова «Мери». Пятна чернильные выведены хорошо, масляные только гадят первые страницы.

В тот раз, когда я читал «Ревизора», я спросил у Вас. Петр.: «Правда ли, что я гадко читаю?» Он говорит: «Нет, напротив — хорошо». Я этому почти верю, потому что думаю, что начал читать с некоторым чувством, а не совершенно по-дьячковски, как читал я, говорит Михайлов.

Утвердился постепенно в мысли, как в самом деле важны повести и романы для знания и суждения людей. Ив. Гр. и Любинька решительно для меня были бы непонятны без Гоголя в своих взаимных отношениях.

К Над. Ег., как я и раньше замечал, не идет ни ночной чепец, ни эта голубая узенькая повязка вроде бахромы, опоясывающая спереди чепец, которую она часто надевает; смотрю, правда ли, что лицо грубое — неправда; нос чрезвычайно (в профиль) нежный и изящный, губки тоже.

Вчера Жюль Жанен в фельетоне «Débats» заставил улыбнуться насмешками над Прудоном; хотя я не люблю и не хочу никогда смеяться над нововводителями, но не мог не улыбнуться, читая слова, приписываемые ему «Débats», будто бы сказанные им в бюро: «Христианство s'use*, собственность s'usera» **; может быть, ее станет на 200—300 лет и пока я ее принимаю, хоть это

* Изводится.

** Изведется.

дурное учреждение — в сущности я верю, что будет время, когда будут жить по Луи Блану: *chacun produit selon ses facultés et reçoit selon ses besoins**, — это необходимо должно быть, когда производство увеличится и собственности не будет в строгом смысле, потому что у каждого всегда будет все, чего ему захочется, и потому предварительно захватывать и хранить будет не для чего. Ламартин молодец, по его речи в бюро иностранных дел, которую он напечатал, не зная, что устав этого бюро воспрещает публичность. Кормнен заставил от души похвалить себя своими ловкими сарказмами над Национальным Собранием в защиту того, чтоб президента выбирал народ: он, говорит, дает вам право отбирать у себя деньги — конечно, для употребления в пользу общую, то еще не следует, чтобы он отдавал вам все свои права¹⁸. Остряк, резкий человек! молодец! — 12 часов, ложусь.

31 июля, суббота. — Глаз, который начал распухать вчера, нынче все более и более распухает, это ничего, потому что почти не болит, только немного слышно, что нарывает. Утром dokonчил (около 2 часов) второй полулист (до В) и исправнее, чем первый; потом стал писать «Мери» в одной комнате с Терсинским, положи книгу как будто держа поставленного Нестора; не знаю, заметил ли, что я взглядывал не в Нестора. В 6 часов пришел и с полчаса посидел Вас. Петр. Говорит: «Надя перестала любить своих родственников, потому что поняла, что они дурно поступают с нами, и ныне при мне отказала им (в чем именно из мелочей, я уж позабыл—мое примечание) в... они беспрестанно присылали то за тем, то за другим; ужасно недовольны мною — хоть бы, говорят, теперь мог порадоваться, что тесть выздоровел; глупо я сделал, что женился — вот видите, образование ничего, я скорее согласился бы жениться на простой сельской девушке без всякого образования, чем на такой, которая набралась ложных понятий и взглядов — я сам тоже»... Далее он не стал говорить эти мысли, а, очевидно, думает, что природа обидела Над. Ег. в нравственном и умственном отношении. «То ли дело, — говорит, — свобода, теперь бы я ушел куда-нибудь, все лучше — и соскучусь по ком-нибудь и захочется снова увидеть людей лучше тех, которых встречал на дороге, а то тут такое однообразие, монотонность и сам глупею. Вот видите, я думаю, что я делаюсь совершенно бревном, и все, что есть во мне еще человеческого, погаснет; ну, есть же у людей надежды, мечты, у меня ничего не будет». — Я отвечал ему, что с ним этого никогда не будет, так как я думаю, что, конечно, может быть, что раньше еще более он был жив, но что и при нынешнем его спокойствии я не встречал никогда человека такого пылкого, как он. Он говорит: «Ошибка, что женился, ошибся во всех расчетах». Жаль мне и его, и ее, жаль, но ныне только головою, и сердце не ноет. Я сказал ему, что если он не будет часто ходить, схожу

---

* Каждый производит в меру своих способностей и получает в меру своих потребностей.

отсюда. — «Это, — говорит, — не умеете вы ценить спокойствия». В понедельник придет вечером. А может быть придет и завтра, потому что «Мертвых душ» не получил. Был Ив. Вас.; был Залеман в это же самое время — заходил в надежде застать здесь Вас. Петр., сказать ему, что не будет дома вечером, потому что именинница сестра, и не достал «Мертвых душ», а уж до субботы; просил сказать Вас. Петр., что он непременно ждет его в среду в 7 час. Вас. Петр., странно, до сих пор не может приучиться к моей физиономии и подозревает, что я в нерасположении духа и что принимаю с ним натянутое положение, — напрасно стараюсь уверить его в противном; говорю я ему: «Поверьте, что если бы я притворялся, то вы не узнали бы, потому что мне ничего не стоит притворяться». Действительно, это так. Отдал ему 10 р. сер., он говорит: «А вы как?» — не беря их. — «Да разве я не рассчитываю? Само собою, рассчитываю и очень хорошо». — Взял. Думаю, не видела ли то, как он брал деньги, Марья в окно из кухни: в это время она входила туда брать на стол самовар.

«Мери» списал до конца первой страницы моего 6-го листика. Времени в самом деле пропадает много от Терсинских, а все потому, что сначала вообще не умел поставить себя. Как бы действительно не понадобилось сойти. Любинька обиделась тем, что я стал развивать сказанную ею шутку, которая, я думал, понравится ей, — глупая болтливость; всегда я стараюсь удерживаться, не говорить ни слова, а между тем всегда ввертываю свое слово и по большей части некстати, т.-е. лучше бы не говорить. Она мне снова не нравится, как не нравилась раньше по своему характеру, когда мы жили дома. Действительно, перешедши к ним, я стеснил себя во многом — от своей глупости и от их взгляда на вещи или, лучше, непонимания вещей.

(После некоторого времени, просиженного там без особых мыслей, несколько секунд): я действительно глуп, — напр., как сделал так, что до сих пор они не понимают, что всем у одной свечи, как теперь сидим мы, сидеть нельзя, что вообще, находясь в одной комнате, мы друг друга развлекаем, а что мне, конечно, этого вовсе не хотелось бы. Да, сейчас вздумал — не высказать ли это косвенным образом при разговорах о привычках и проч., особенно с Ал. Фед., и сделать так, чтобы он, который это все хорошо знает, высказал это про меня? Это глупо и смешно прибегать к этим гамлетовским околичностям, но это всегда было в моем подлом характере, и верно я так сделаю. Теперь пишу совершенно в бесчувственном состоянии, хотя по эпитетам можно бы думать, что я расчувствовался. Нет, это так. Вот что значит теперь много дела — переписать «Мери» и Нестора, а я ни одного не делаю, но Нестора потому, что завалился карандаш за диван, на котором сидит Любинька, и хотя она предлагала встать, но, как всегда, я сказал, что не нужно, а «Мери» потому, что под их глазами не хочется. Стану читать что-нибудь. Да и того хорошенько нельзя. Половина десятого.

Августа 1. — День этот ничем особенным не был замечателен; с утра все время, когда работал, я списывал «Героя нашего времени», списал до 173-й или 174-й страницы; писал снова, как [будто] пишу Нестора. Печорин действительно человек, в котором много дурного, серьезно, напр., слова его Вере: «что ж, ты любишь мужа? он молод? хорош? особенно верно богат и ты боишься?». Его сердце в самом деле в некоторых отношениях очерствело.

Пишу это, сидя с одной свечой с Терсинскими, поэтому будет это не так связно. Утром часа два просидел Ал. Фед.; вечером довольно долго читал «Débats»; нового, кажется, не встретил ничего, кроме того, что писал. День прошел решительно мертво и без всякой пользы.

Стану делать обзор своему положению в эти 2½ недели со дня моего рождения.

Отношения мои. Самые важные и интересные для меня — к Вас. Петр. и через него к Надежде Ег. В его положении самое важное — его отношения к жене его, и мои мнения о ней, кажется, остались в продолжение этого времени без всякой перемены; он продолжает считать ее девушкой (хоть так назову за недостатком слова) слишком простою по уму и сердцу, в которой мало высшего и в которой есть душок, как он выражается. Мне она попрежнему нравится более всех женщин, которых я знал когда-либо, не знаю хорошенько, справедливо или нет, но почти уверен вполне, что справедливо: эта непринужденность, прелесть — она делает неловкости, заметные даже для меня, но каждый звук ее голоса идет как бы из души и выказывает душу, свободную от тех мелких недостатков, которые всегда как-то проявляются в каждом движении, особенно у женщины, которые можно назвать, если угодно, мелким кокетничанием женщины самой перед собою и которые выказывают натуру пошлую. Признаюсь, напр., когда Любинька или Анна Дм. говорят: «Пожалуйте, милости просим», или что-нибудь подобное, в каждой ноте голоса есть для меня что-то неприятно задирающее и отталкивающее, и это с первого раза — во всяком случае так теперь помнится мне (подтверждается примером дочери наших хозяев) — видно мне в женщине. В ней нет этой пискливости и, как бы это назвать, этого неприятного оттенка голоса, который придает словам выражение натянутости и нерадушности. Два-три раза из того, как я был у них, мне блеснула мысль, что она не так хороша собою, как раньше я воображал; в самом [деле], чепчик ночной или эта голубая повязка к ней не идет; что в ее лице действительно не довольно выражения и что оправдывается мнение о ней Ив. Вас. и Залемана — простое русское, обыкновенное лицо. Нет, после чувствовал, что это вздор, — а между тем едва ли чувство преданности и глубокого благоговения, которое я раньше питал к ней, может быть, ослабевает во мне и заменяется чувством: «так себе, ничего», которое после может превратиться в «да, точно, на лице есть, что не из аристократии». Не знаю, что в этом виновато: то ли, что я всегда принимаю людей с первого раза

слишком к душе и ставлю их слишком высоко, а потом приходится их сводить с пьедестала, на который сам возводил их, — следствие энтузиастичности, склонности ценить хорошее в каждом и, главное, непроницательности, которая заставляет только после долгих суждений и опытов замечать то, что другим, более опытным, с первого раза бросается в глаза, или это следствие того, что Вас. Петр. постоянно говорит о ней с сожалением, а я слишком высоко ценю его авторитет и слишком недоверчив к себе вообще, а особенно уж когда он не согласен со мною? Я более склонен сказать, что это от последнего. Да, она более не обвораживает меня, а между тем я знаю, что стоит только поставить себя в известное положение, поговорить о чем-нибудь серьезном с нею, чтобы снова очароваться. Но особенно звук ее голоса решительно отнимает у меня возможность считать ее женщиной пошлою и принадлежащею к дюжинным.

Вас. Петр. — Я все более и более, кажется, люблю его; между тем теперь снова, признаться, как-то не мучусь из-за него сердцем, снова нашел спокойный период времени: думать думаю, а тосковать — почти нет. Признаюсь, мне всегда совестно, как я получаю письма от своих, что я о них менее думаю и забочусь, чем о нем, и убеждаю [себя], хотя не слишком долго, с упреками каждый раз, более думать о них, а между тем думается о нем.

Наш и. — Мнение мое о папеньке понемногу, но постоянно все подымается, все более и более ценю его: христианская кротость, смирение, непамятозлобие, много того, что у Альворти в «Томе Джонсе» — непоколебимое благородство; я более и более сознаю сходство между им и мною в хорошие моменты моей жизни или во всяком случае между тем, что я сам считаю за хорошее в человеке. Маменька между тем едва ли, бог знает, не сходит на степень обыкновенных женщин: необыкновенная, решительно материнская, только в высшей степени, привязанность ко мне, большая, сильная любовь к папеньке — это вещи необыкновенные, но в отношении к другим она едва ли не стоит ниже папеньки по своим действиям и суждениям — более пристрастна. Однако я сам не знаю, справедливо ли это; в последнем, кажется, много участвуют рассказы Любиньки и намеки Ив. Гр. про их отношения раньше и во время свадьбы — слова, в которых всегда проглядывает недовольство.

Я, признаться, мало о них думал, менее чем о Вас. Петр. и себе; конечно, жизнь готов отдать, и мысль о них может удержать меня от дурного — «это их огорчит», но ведь это потому только, что мне теперь ничто не доставляет обыкновенно слишком живого удовольствия из того, что в моей власти.

О Иване Гр. и Любиньке мнение. Видимые отношения тоже с их стороны кажутся ничего; [а] я постоянно как будто жду стычки; как-то хочется предполагать в них, что они недовольны тем, другим во мне, и даже отчасти желается, чтобы было высказано с их стороны, чтоб дать отпор и разойтись с ними или

определить отношения. Вот хоть теперь: говорят между собою, Любинька хочет есть постное, он — нет, и, кажется, главное для себя, но отчасти и потому, чтобы не расстроить ее; скука и гадость (я это говорю не в неудовольствии) слушать эти прения. Он ей надоедает своими толками об этом — неделикатность удивительная, с ее стороны тоже. Странная непонятливость, особенно у него — говорит так, что постоянно не так, как бы должно, чтобы производить благоприятное действие на нее, и если она не всяким огорчается (хотя огорчается довольно часто, и часто справедливо, а не от несносности мелочного характера), то это от любви к нему, предполагает, ему не видно. Она тоже его [огорчает], но он более скрытен, и я менее знаю его, — да ведь обыкновенно это он читает наставления и ведет разговор, а не она. Мне почти совестно в душе перед ними, что в сущности я не чувствую никакого расположения к ним; да ведь по-настоящему они ко мне еще менее, если сравнить с тем, что говорится ими (хотя он не говорит, а только по Любинькиным словам должно угадывать) об Ал. Тимоф., который, конечно, так же близок к нему, как я к ней. Мне [кажется, что] эти люди в сущности никого не любят, кроме нескольких, к которым бог знает почему привяжутся — потому что это брат и сестра — да еще непонятная любовь, которая заставляет одну предполагать в женихе, а другого в невесте половину своей души. — Однако он мне кажется довольно порядочным эгоистом и любит ее менее, чем она его, хотя может быть ее любовь и происходит от безделья и оттого, что он надел на нее чепец и вывел из-под власти маменьки и тетеньки. Она его сильно любит, у него — любит, как я; такая любовь называется — так, между прочим; «возлюбилши жену твою», — ну, почему и не любить — сердце мягкое у него, он и заботится о ней, но оставляет ее скучать, а сам уйдет к своему приятелю какому-нибудь, — нет, это не истинная любовь в моем смысле, а вообще пожалуй и любовь. Вас. Петр. вон вовсе не чувствует ничего к жене, а заботится о ней гораздо более, чем он. То-то и есть, что у одного так велико, что ему кажется пламя вулкана, то у другого даже незаметно, так велика его душа.

Теперь о себе. — О своей будущности думаю мало, как-то беспечен¹⁹. Составляю словарь, иногда подумываю, что место и возможность жить получу через Академию за это, иногда что через Срезневского, иногда что через Никитенку, с которым сближаюсь на педагогических лекциях. Занимает мысль о том, что нужно достать свидетельство, чтоб не платить денег²⁰, и тяготит, что вот прошла ваканция более чем в половину, [а] я еще ничего не сделал по этому делу.

Теперь о науках и умственном мире. Но это когда останусь один, чтобы было связнее, а теперь снова пишу «Мери».

2 августа, понедельник. — До 2^{1/4} писал «Мери», всю кончил; после до конца вечера (теперь 11^{1/2}) провел так, как проводил обыкновенно раньше — читал, ничего не делал особенного, то то, то другое; читал «Героя нашего времени» — удивительно хорошо;

все более и более нравится; за словарь примусь с завтрашнего дня, теперь ничего не делал по нем. Писал письмо Саше об экзаменах. Любинька говорила: «Я думаю не шутя, что надоела Ив. Гр. и что он скучает со мною». Нехорошая мысль, которую я подозревал в ней с неделю по некоторым ее выражениям в этом роде, которые, может быть, другой принял бы за шутки. Это так жаль ее, бедную! Такое состояние самое грустное, тяжелое. Доктор сказал, чтобы есть скоромное; это ее огорчило снова, но оправдало, я думаю, в ее глазах Ив. Гр. День у меня прошел хорошо, без неприятности, читал спокойно, лежа в зале; ждал Василия Петровича, и когда не пришел в 7—8 часов, несколько беспокоился головою.

Продолжение вчерашнего. Обзор моих понятий.— Богословие и христианство: ничего не могу сказать положительно, кажется в сущности держусь старого, более по силе привычки, но как-то мало оно клеится с моими другими понятиями и взглядами и поэтому редко вспоминается и мало, чрезвычайно мало действует на жизнь и ум. Занимает мысль, что должно всем этим заняться хорошенько. Тревоги нет. Блеснула мысль: «без религии нет общества», говорит Платон и мы за ним, — да ведь у него самого не было положительной религии, поэтому он под этим словом, конечно, разумел совокупность нравственных убеждений совести, естественную религию, а не положительную. История — вера в прогресс. Политика — уважение к Западу и убеждение, что мы никак не идем в сравнение с ними, они мужи, мы дети²¹; наша история развивалась из других начал, у нас борьбы классов еще не было или только начинается; и их политические понятия не приложимы к нашему царству. Кажется, я принадлежу к крайней партии, ультра; Луи Блан особенно, после Леру увлекают меня, противников их я считаю людьми ниже их во сто раз по понятиям, устаревшими, если не по летам, то по взглядам, с которыми невозможно почти и спорить. В этом убеждают «Débats», которые только голословно высказывают свои убеждения, не будучи в состоянии развить и доказать их; они даже неспособны и к жару почти, а только к жалкой иронии, которая может в глупую минуту вырвать улыбку, но ничего более. Литература: Гоголь и Лермонтов кажутся недосыгаемыми, великими, за которых я готов отдать жизнь и честь. Защитники старого, напр., «Библиотека для чтения»²² и «Иллюстрация», пошлы и смешны до крайности, глупы до невозможности, тупы непостижимо. Чрезвычайное уважение к людям, как Краевский²³, который более сделал для России, чем сотня Уваровых и ему подобных, красующихся в летописях отечественного просвещения.

Мысли: Вас. Петр. и Над. Егор. более всего; свидетельство о неплатеже денег в университет, несколько; отношение мое к студентам — уничтожение неблагоприятного о себе в них мнения; словарь; как выйти из денежного положения, заплатить деньги Терсинским, если Воронины не возобновят новых уроков. Более ничего.

Любострастия меньше чем когда-либо, хотя по ночам приходят глупые мысли, напр., спать нагим, как я это и пробовал делать эту ночь; кажется, усиление стремления полюбить женщину, т.-е. девушку, но любовью чистою, платоническою, смешною, но целью которой жениться на ней; вместе с этим боязнь ошибки и разочарования. Это довольно занимает, семейная тихая радость.

3-го [августа], вторник. — Писал письмо, которое отнесла Марья; писал Саше об экзаменах. После писал словарь (цитаты), почти кончил Ва — все; пришел в 7 час. Вас. Петр., просидел до 8^{1/2}; после я пошел проводить — много говорил, и говорил от души, о Лермонтове, о Пушкине, которого он считает легким; говорит: «Раньше я считал Лермонтова дитятем перед Пушкиным, а теперь нет». Он сильно говорил о том, как бы можно поднять у нас революцию, и не шутя думает об этом: «Элементы, — говорит, — есть, ведь поднимаются целыми селами и потом не выдают друг друга, так что приходится наказывать по жребию; только единства нет, да еще разорить могут, а создать ничего не в состоянии, потому что ничего еще нет». Мысль [участвовать] в восстании для предводительства у него уже давно. «Пугачев, — говорю я, — доказательство, но доказательство и того, что скоро бросят, ненадежны». — «Нет, — говорит он, — они разбивали линейные войска, более чем они многочисленные».

«Станный, — говорит, — вкус: Над. Ег. нравится не то, что должно бы». Я объяснял и оправдывал примером собственного развития: человек на другой ступени развития так странен и непонятен для нас, что мы не поймем его, если не вспомним себя на этой ступени развития, да и себя почти не помним. Ал. Фед. вошел на двор, сказал, чтоб я взял на завтра «Мертвые души» и приходил нынче вечером почитать газеты; в комнату не пошел, потому что, говорит, расстроен. Я этому поверил, хотя может быть справедливо говорит Вас. Петр.: «Он не пошел потому, что видел меня». Когда пошли, я сказал снова: «Если вы не будете ходить, схожу — не считаю за нужное об этом распространяться, напишу домой — и только». — «Хорошо, — говорит, — лучше буду ходить, но я могу повредить мнению о вас Терсинских и огорчить их тем, что вы меня больше любите, чем их». — «Мнение их обо мне меня не интересует, как и я ими не интересуюсь, огорчиться они этим не могут, да едва ли в состоянии заметить, потому что едва ли предполагают; права судить себя я не признаю и не предполагаю ни за кем, кроме папеньки и маменьки, да и то потому, что они серьезно могут огорчиться и радоваться мне».

В самом деле у меня нынче была тоска по нем, хотя только в голове, в сердце не так много, но в голове сильно, несколько мешала занятиям, и в голове моей было беспокойство. «Единственное, что мне доставляет наслаждение, говорю, кроме книг, это свидания с вами». — «Но я отнимаю у вас много времени». — «Раньше я думал бы так, теперь я знаю, что время, проведенное с вами, для меня, чтобы говорить без гипербола, в семь-восемь раз

полезнее, чем за Нестором или т. п.». — Это мы говорили по дороге мимо казарм и по Семеновскому полку (разговор начался: «как ваши отношения?» — я сказал, что отдал 45 р. сер. и что более ничего). А перед этим, когда шли по улице, ведущей до казарм, говорил главным образом о жене: «много благородства», говорит. И, сидя у меня, говорил: «Душа добрая, нежная, сердце способное любить, образования недостает ей, молода; перейдем, говорит, к вещам не поэтическим: как муж, я пас, не потому, чтобы не было сил, а потому, что нет охоты, а она кажется сладострастна. Зайдемте ко мне». — «Нет». — «Почему?» — «Так». — «Потому что не одеты?» — «Очень странно, что вы отгадали, потому что обыкновенно не отгадываете». — «Это ничего». — «Ну, нет же». — После зашел к Ал. Фед., прочитал газеты наши 24 июля — 1 августа. Во Франции идут назад, следственное дело разыгрывается, Ледрю Роллен, Луи Блан попадают под следствие. Это меня огорчило²⁴. Взял «Мертвые души». Вечер прошел весьма хорошо. Люблю Василия Петр., люблю.

4 [августа], среда. — Утром в 11 час., только напился чаю, отнес Вас. Петр. «Мертвые души» и не остался у него, сам не могу сказать хорошенько, потому ли, что знаю — утром не вовремя (кажется, это говорил), или потому, что думал, что один он лучше любит читать. В 7^{1/2} часов [он] принес их, посидел с полчаса. Я до того времени писал словарь, кончил 108-ю страницу — Все-два — и говорил отчасти с ними; они меня удивили, т. е. Ив. Гр. — раньше я все-таки думал, что играют в карты потому, что кроме нечего делать, теперь есть что читать, а он все играет — как это так пусто время у человека? — после стал раскладывать гранд-пасьянс, она сидела подле него — решительно Маниловы со стороны праздного пустого воображения, говорят о вздоре всегда. Вас. Петр. говорит: «Тяжело быть у Залеманов (к которым он шел), теперь обязан им и велят приходить, нельзя не придти; неприятное чувство быть обязанным». Теперь с 8 час. читаю «Мертвые души» и не совсем еще понимаю характеры, не совершенно дорос до них, поэтому мало и пишу. — 11^{1/4}.

5 [августа], четверг, 12 ч. утра. — Вчера дочитал до Плюшкина, ныне утром до визита дамы, приятной во всех отношениях; характера Коробочки не понял с первого раза, теперь довольно хорошо понимаю; связь между медвежьим видом и умом Собакевича и теперь не так ясна, но утром нынче, когда я шел, расставшись с Вас. Петр., прояснилась несколько более, чем раньше: так он и во внешности так же тверд и основателен и любит основательность, как и внутри, — он основателен и все делает основательно, поэтому и избы знает, что выгоднее и лучше строить прочнее, да уж заходит за границы — итак это связано, как внешнее и внутреннее. Чувствую, что до этого я дорос менее, чем до «Шинели» его и «Героя нашего времени»; это требует большего развития. Дивился глубокому взгляду Гоголя на Чичикова, как он видит поэтическое или гусарское движение его души (встреча с губернатор-

скою дочкой на дороге и бале и другие его размышления), но это характер самый трудный, и я не совсем хорошо постиг его, однако чувствую, что когда подумаю и прочитаю еще, может быть пойму. Велико, истинно велико! ни одного слова лишнего, одно удивительно! вся жизнь русская, во всех ее различных сферах исчерпывается ими, как, говорят (хотя я это принимаю на веру), Гомером греческая и верно; это поэтому эпос. Но понимаю еще не так хорошо, как «Шинель» и проч., это глубже и мудренее, главное мудренее, должно догадываться и постигать.

Сейчас мелькнула мысль, хорошо объясняющая скуку Печорина и вообще скуку людей на высшей ступени по натуре и развитию: следствие развития то, что многое перестает нас занимать, что занимало раньше. Это я испытываю, сравнивая себя с Любинькою и Ив. Гр., и эта мысль пришла по поводу Марьи, которая явилась рассказать что-то новое Любиньке. Записать ее я, собственно, и сел. Как ни хочется прочитать все «Мертвые души», но я не стал сидеть за ними ночи, а поступил на авось: удастся — так, нет — нет. Может быть, тут участвовала и физическая не то что усталость, а расслабление некоторое, которое есть отчасти и теперь, но помогла мысль, что они еще будут, через Ол. Як., у Любиньки, и что я теперь еще не совсем понимаю, и чтение это менее принесет пользы, чем «Шинель». Утром думал понести их — не так, как думал вечером, как можно раньше, а так, чтобы иметь вероятность не застать Ал. Фед. дома, чтобы он ушел в департамент. Все-таки не знаю хорошенько, поддался я этой мысли или нет. Пошел в 10 ч.; он не ночевал дома, и таким образом было все равно. Я оставил «Débats» и, переодевшись, отнес Вас. Петр. «Мертвые души». — «Я, — говорит, — почти потерял надежду получить их от Залемана; я сказал, что прочитал только половину, а он не сказал в ответ, что достанет; он стал походить на старшего брата, молчал в его роде; говорит, — характеров нет в «Женитьбе» Гоголя и что «Игроки» еще хуже ее». Он проводил меня до мостика, потому что нужно было ему идти в лавку; оставлял меня у себя, между тем мне не должно было оставаться, как я увидел, когда не остался. Теперь должно ждать — он раньше принесет книгу или Ал. Фед. придет раньше, потому что верно он нынче будет у нас.

Я взял у Вас. Петр. «Иллюстрацию» и предугадал, что [ради] этой глупости бросят «Отеч. записки» Терсинские: бросили, чтобы пересмотреть картинки, Любинька на целый час, а Ив. Гр. и теперь читает ее, а не «Отеч. записки», которые читал раньше. Дети, особенно он, по литературному развитию. Третьего дня, когда он принес «Отеч. записки», и раньше у меня утвердилась мысль, которая была и раньше: не показывать им, что читаю книги, взятые ими, а не мною, и если читать их, то разве когда они лягут спать, чтобы не видели, — несколько детских, но так и быть, — чтобы после на меня ничего не могли свалить или не могли быть в неудовольствии, когда книги будут запачканы и Ол. Як. что-нибудь скажет. Вчера до ужина, читая «Мертвые души», был

сильно не в духе оттого, что должен сидеть вместе с ними и развлекаться их разговором. Много маниловского в них чрезвычайно, т.-е. особенно в Ив. Гр. [много] сходства с Маниловым.

Двенадцатого половина. — В 5^{1/2} зашел Вас. Петр., принес «Мертвые души». Я стал читать, затворившись в спальне своей; потому что день этот мыли полы, и Терсинские, и я вышли в зал. Дочитал почти, когда он воротился от Казанского. Я стал читать вслух, дочитал; после стал читать с 360-й страницы, мы сидели одни; после, когда стали пить чай, я продолжал читать для всех — совещание чиновников, капитана Копейкина и проч., до лирического места о выезде Чичикова. После Вас. Петр. встал, я пошел проводил его до Гороховой. Дорогой говорил о Гоголе только. Придя ко мне, он сказал: «Счастливы вы, что не уважали [никого] кроме Гоголя и Лермонтова, — «Мертвые души» далеко выше всего, что написано по-русски». После дорожкою тоже говорил, что предисловие не кажется ему странным, напротив — вытекает из книги и что он ничего не видит смешного в этом, — это меня обрадовало. — «А эти господа, которые осуждают, — говорит он, — ничего подобного не чувствовали, поэтому не понимают (так в самом деле) и (новая мысль для меня, с которой я совершенно согласен), напиши он это же самое короче, другими словами, все бы говорили, что это так; хоть просто бы сказал: «присылайте замечания». — Так, в самом деле высказался из сердца и поэтому смешно. — «Да, — говорит он, — следовательно, гордости, самоунижения, вообще тщеславия здесь никакого нет». О младшем Залемане и давеча и теперь говорит: «Очень глупеет и пошлеет и будет как старший брат», — он насолил ему замечаниями своими о «Мертвых душах» и «Женитьбе» и «Игроках».

После зашел к Ал. Фед., занес «Мертвые души»: ему не было очень надобно; когда прочитает, снова хотел дать; говорил он со мною от души и [был] очень рад. Давал прочитать два циркуляра, писанные начальником их отделения Струковым, который пописывал * довольно [не] глупо, как говорит Михайлов; действительно, эти циркуляры (о поощрении садоводства через раздачу земель под сады сельским учителям и через поощрение духовенства ко введению у себя улучшенного земледелия) хорошо написаны, с толком и знанием дела, как это пишется за границей. Воротился в 11 часов, не велел подавать себе ужин, так как Ив. Гр. уже поужинал, несколько времени смотрел глупую «Иллюстрацию», теперь ложусь спать. Докончил Все — два и дописал до 85-й стр.; полулист, который составил из (расшитых) Два — Дѣтій и Землѣ — Игумена — союз и буду особо выписывать. — Завтра вечером у Вас. Петр. — Ал. Фед. сделал довольно хорошее впечатление, как говорят. Добрый человек в сущности и благородный и кажется, почти я совершенно уверен, расположен ко мне. «Мертвые души» не так были к спеху, как я думал; вообще я из пустой деликатности

* Неразборчиво. Ред.

тревожу всегда себя и других. Ему особенно понравилась страница 171-я: «Каждому человеку блеснет что-нибудь не похожее на то, что видит он каждый день, и надолго останется светлым гостем в его душе» — по случаю встречи Чичикова с губернаторскою дочкою. Посылал снова за табаком.

6-го [августа], половина третьего. — Затруднялся, как же я пойду вечером к Вас. Петр., когда Ал. Фед. обещался придти; особенно когда Иван. Григ. сказал шутя, что вечером, шутя²⁵ не будет дома, если застанет у себя Яхонтова или другого кого, к кому пошел. Но Ал. Фед. был в час, Ив. Гр. воротился, и все пришло в порядок. Думал — когда сходить за письмом: перед тем, как пойду к Вас. Петр., или завтра? Любинька спросила, пойду ли ныне, и я отвечал, что пойду. Так всегда решается, как в самых пустых, так и в самых важных делах. Докончил Д в а ж д ы — И г у м е н а, теперь начну Д ѣ т і й — З е м л я м». Готовлюсь обедать.

10 час. вечера. — Сейчас воротился от Вас. Петр. В 4^{3/4} начал собираться в университет и к ним; в 5^{1/4} готов, пошел в университет, получил письмо из Аткарска, от своих и Корелкина, дал 20 к. сер. На дороге купил карандаш. Когда шел оттуда, смотрел шар, на котором поднимался кто-то из 1-го Кадетского корпуса. Вас. Петр. не застал дома, как и ожидал, а встретил на дороге у железной дороги. Воротились. «Мы нарочно ходили все здесь, чтоб вас встретить». Когда вошли и Над. Ег. вышла на секунду, он сказал: «Какая капризница, раскапризничалась, что я шел в другие улицы, а ходили не по одной». Я, разумеется, отвечал, что так и должно быть и что это естественно. — Зачем он так делает? — это может и в ней поселить неприятное чувство ко мне, и ему нехорошо. — Когда шли (у угла на повороте с проспекта во 2-ю линию, когда идешь мимо казармы), мне мелькнуло чувство, что нехороша у нее походка — голову слишком вперед держит и между плеч яма, а когда вошли и я посмотрел, когда входила в комнату, — что не слишком хороша, а так себе, как говорит Вас. Петр. Не знаю, утвердятся ли эти мысли и начало ли это переворота в моем мнении о ней; это довольно вероятно; вообще часто случается, что с первого раза — преумный человек, чем далее, тем более приближается к не слишком умному, а после и пошлому человеку. Но скорее это вздор, произведенный случайностью какой-нибудь или словами Вас. Петр.; однако странно.

Когда сидел, она читала «Героя нашего времени», мы говорили о «Мертвых душах», я все более и более чувствую величие их, и точно, это глубже и многообъемлющее всего другого, даже «Героя нашего времени», хоть этого последнего более понимаю, чем их. Он говорил о том, что характер Чичикова не понятен, — это меня удивило; спорить я не стал, потому что сам не умел совершенно его определить, а между тем чувствовал, что он определеннее всех. (Сейчас Любинька спросила: «Что это такое?» Я с секунду не мог прибрать слова, это время прошло в произнесении слов: «это как бы тебе сказать»... и тотчас сказал: «Не то, что университетские

записки, а приготовление для них». — «Так я тебе не мешаю ли?» «Нет, ведь это пишется на память и большого соображения не нужно». Это показывает, что она не знает, что о чем теперь не начинаю говорить сам, о том не должно спрашивать и что они не подозрительны в этом отношении, в отношении к предположению в другом склонности молчать и скрываться. — Я доволен, что тотчас спокойно, не смешавшись и не показывая особенного внимания, отвечал ей.) После нашел, что он не читал с того места, где заставили меня читать, с 360-й страницы, и как я тогда вечером не дочитал до жизнеописания Чичикова, то он не читал, — а между тем сказал, что прочитал. Это и то, что они ходили по той улице, где ждали меня, показало мне, что в нем не менее, чем во мне, этого старания, если что делаешь для другого или в этом роде вообще, то не показывать вида, например, сказать, что обедал, когда не обедал, и проч. Это тонкие деликатности, сказал бы я, если бы не приписывал этого чувства и себе, однако скажу и теперь. Я рассказывал жизнь Чичикова, тотчас встал и пошел. Она, когда я рассказывал, слушала, — значит, несколько понимает. Любинька в письме от своей маменьки нашла желание кольнуть Ив. Гр.: «а я думаю, что там не ждут, и в следующем письме жду, что вы уже определились». — Когда я сказал, что это вообще для того, чтобы написать что-нибудь в том роде, в каком всегда принято писать в подобных случаях, она не согласилась.

11 часов. Ал. Фед. говорил Лободовскому заходить и поэтому мой расчет, что уже не будет нынче, оказался неверен. Что Любинька так спросила, что я пишу, — показывает, что беспокойство мое происходит, может быть, только оттого, что они не знают, что это может быть беспокойство, а если узнают, то прекратят, но как передать? Сказать прямо нельзя, кажется, по Любинькину характеру, который в этих мелочах обидчив.

11.40. — Дописал 84-ю страницу Дѣтій — Землям. — Ив. Гр. воротился; когда спросили, хочет ли ужинать, сказал нет; когда после этого меня спросили, я тоже сказал нет, потому что не хотел, чтобы могли сказать: там только обедал, а здесь и ужинать хочет. Карандаш подчеркивает славно, и это меня радует.

7-го [августа], 11^{1/2} утра. — Думаю с тоскою о том, что если Над. Ег. в самом деле не такова, как мне казалось, а такая, как Вас. Петровичу, и если, как вообще я с первого раза принимаю людей обыкновенных лучше, чем они есть, и только после разбираю, что это люди не необыкновенные, так и здесь.

Сiju, как обыкновенно, за Нестором.

6 часов. — После обеда в 4 часа пришел Вас. Петр.; сидел 1^{1/4}. «Я, — говорит, — человек неспособный к семейной жизни». Я говорю, что часто бывает, что именно того-то мы в себе и предполагаем недостаток, чего в нас весьма много. — «Нет, — говорит, — например, приходит тесть, говорит — собирайся; я смотрю на него: «что же собираться, да куда?» — «К тетке на Крестовский», — и был весьма изумлен, что я сказал, что не пойду; в са-

мом деле, — вообще это-то именно и раздражает нас: человек ничего, только совершенно различным образом от нашего смотрит на вещи, чем мы, и через это делается нам несносным, между тем как мы ему сами также делаемся чудны. А она прекапризная, — вчера до 11 ч. не говорила со мной из-за того, что я не пошел по другим улицам, — я говорил это спокойно, как обыкновенно, — я тоже; наконец, сама же подошла и стала играть и говорить». (Эти слова подействовали на меня хорошо: в самом деле, сердце мягкое весьма.) Я сказал, что он сам неправ и что с ее стороны это естественно и другого нельзя ожидать и так вообще не должно делать. — «И странно, — говорит, — что не читала Лермонтова». Я сказал: «Напротив, при мне читала, и когда я вошел, была положена карта на 130-й странице; ведь это положили не вы?» — «Нет». — «Так она перестала читать с этого места. Да, должно быть осторожным в таких случаях, — сказал я: — как давеча я вижу, Любинька сидит, не читает «Отеч. записки», — и осудил в душе и приписал это опошлению строго и серьезно. После приходу — лежат «Отеч. записки» перед нею, на открытой странице таблицы, гляжу — статистика Петербурга Веселовского. — Разве ты все повести прбчитала? — Все. — Итак, я глубоко виноват перед нею». — «Семейная жизнь, — говорит он, — начинает несколько надоедать, что-то кажется пошловато», — это выражение в первый раз я слышу, — «и я не создан для семейной жизни; никогда не было у меня времени счастливее того, как когда я путешествовал, и на следующее лето я, если бог даст, выеду отсюда; скажу, что в Ригу на две недели, а сяду на петергофский пароход, оттуда пешком в Варшаву». Довольно грустно для меня это, но чувствую голову, тоски нет.

Вас. Петр. не думает, чтобы Гоголь был православный в душе, я, напротив, думаю, т.-е. не о православии, а о том деле, верующий ли он в откровение и проч., или только человек, как все великие люди, крепко верующий в промысл, или христианин в старом смысле.

Кажется, В. П. по себе судит о других: я нет, следовательно, и другой нет, — мысль, от которой не удерживаюсь и я, только в другом приложении: я верю в прогресс и то, что мы питаемся крохами Запада и дети перед ним, следовательно, и все люди умные тоже, и Иннокентий жлет, если говорит: «С нами бог, а кто с вами — не знаю»²⁶.

9^{3/4}. — Вас. Петр. говорил еще о Воскресенском, профессоре химии: «Пошлый, грубый человек; жаль, что вышел из университета и негде будет его встречать, а хотелось бы чаще смущать его и припоминать ему его подлость; когда я вошел в первый раз в его аудиторию, он смутился заметно и смешался, я не сводил с него глаз».

Думаю я теперь о папеньке по поводу приписки в письме: «Пусть холера идет туда, где не жалеют жизни, режутся»: человек, чуждый партий и даже не знающий их, — что было бы, если по-

«его мнению, конечно глубоко беспристрастному, устраивать дела? Мог ли бы он отказывать в *droit du travail**, над которым так безжалостно смеются и которое истинная причина переворотов (т.-е. пауперизм)?

Когда я говорил о Над. Ег., что не читает Лермонтова и пр., что читает «Иллюстрацию» и проч. против него, и сказал: «Это так естественно по степени ее развития; это вещи такие, что вы не вправе огорчаться», или что-нибудь в этом роде, он сказал: «Да огорчаюсь-то вовсе не я, а вы». Не знаю [как] первое, а последнее верно: если он сказал это не нечаянно и не в шутку, то трудновато обманываться ему и в другом, — в самом деле, это как бы личное мое дело, так я говорю об этом и думаю всегда, и когда расположен — чувствую. «Меня удивляет, — говорит он, — мое совершенное равнодушие к ней: я думаю, что я люблю ее как одну мою двоюродную сестру, которую весьма люблю, — нет, менее».

10.40. — Дописал Дѣтѣй — Землям и написал И до конца 104-й стр.; часто работу прерывал на несколько минут разговорами с Терсинскими. Спина устала, грудь нет.

8-го [августа], воскресенье. — День ничего, несколько лучше других дней. Утром был Ив. Вас., звал к себе, после Ал. Фед., с которым условился идти ныне в 4 (после, в 6, я хотел идти к В. П.); сначала я отказывался идти ныне, потому что Ив. Вас. звал на завтрашний день, но Ал. Фед. сказал, что ему должно будет быть у вечерни, чтобы отслужить панихиду, которую не успеет, как думал, отслужить в обедню, но успел, и поэтому теперь можно идти. Ему хотелось ныне, и я согласился, только сказал, что долго не могу сидеть, должен уйти. — «Куда?» — Я сказал, что к Славинскому, потому что из деликатности (что нужды было говорить, как понимаю свои чувства — где хорошо — хорошо, где маниловщина — маниловщина, где худо — худо) стараюсь не дать ему заметить, что я с Вас. Петр. более близок и чаще вижусь, чем с ним: конечно, глупость, но мне кажется, что это могло бы огорчить его, и поэтому я старался скрыть.

В 4^{1/4} пошли к Ив. Вас. на новую квартиру. Он уже напился чаю, но тотчас же велел поставить еще. — Признаюсь, это гостеприимство, — во-первых, напился уже, во-вторых, теперь это было еще рано, и мы собственно должны бы ждать или уйти так, — это понравилось и даже как-то хорошо расположило меня в его пользу и вообще придало хорошее расположение духа и вместе с этим, когда я сравнивал это с тем, как бывало в подобных случаях поступали у нас дома и теперь поступают Терсинские: что «кормить всех, не накормить», — то я как-то отдал ему и Ал. Фед. и другим, им и мне подобным, [предпочтении] перед этими господами семейными людьми, и это расположило меня на час или два смотреть идилически на такую жизнь холостую, открытую, весьма радужную и почти никогда [не] скряжническую.

* Право на труд.

Пошел к В. П. в 6 ч., предчувствовал как бы, что опаздывать не годится, и как бы предчувствовал, что они, т.-е. Ив. Вас. и Ал. Фед. это узнают, куда я, а между тем, когда сидели за чаем, Ал. Фед. спросил: «Это что за картинка? Ваша или их?» (То был женский портрет, висевший над чайным столиком, верно какая-нибудь знаменитость или какой-нибудь идеал, скорее первое.) Ив. Вас. отвечал на это, обращаясь ко мне: «Посмотрите, есть сходство с Лободовскою». Я, когда это имя услышал, как-то вздрогнул сердцем, как это всегда бывает, когда услышу, что заговорят о том, что задевает за живое, — впрочем, таких предметов весьма мало, — но сердце вздрогнуло. Я поглядел: точно, есть — нос и части около носа, что я мельком заметил и раньше, когда посматривал так мимоходом.

Странно, что я всегда вздрагиваю, когда что-нибудь подобное относительно ее, напр., раз, когда показалось, что навстречу мне идет она, — и вот в этот же раз, когда я ныне [был] у Ив. Вас. и смотрел в окно, и мне показалось, что она с Пелаг. Вас. прогуливается и т. п. Значит, я этим сильно интересуюсь? Я думаю, подобным образом вздрогнул бы я при встрече у кого-нибудь с Красевским или при начале знакомства с Гоголем, или, в другом роде, при свидании с попечителем, — мне неприятно однако сближать его и Над. Ег. А между тем, когда я бываю у них, ничего, решительно ничего; иногда и довольно часто я радуюсь и наслаждаюсь; когда руки наши дотронутся, снова решительно таким образом ничего, все равно, мои и ее или мои и Вас. Петр. руки встретились, да и вообще никакого смущения.

Когда я пришел к ним, он сказал, — когда она вышла из комнаты, — кажется от неудовольствия, — что она сердится оттого, что он не пошел гулять (потому что ждал меня) и сказал, что болит голова. Я стал уговаривать его идти, он — нет. Я сказал, что если так, я уйду. «Хорошо, я спрошу, хочет ли она». Вышел, воротился — «не хочет». Я подумал: или он ей не говорил, или она в неудовольствии сказала это: в самом деле это неприятно, и он нехорошо это делает, и это меня как-то стесняет. Я его заставил идти снова, она сказала: да, и он стал одеваться. Пошли; он сказал, что устал; гуляли мало; они шли не под ручку, и дорогой, особенно на возвратном пути, он говорил (что мне было неприятно) со мною и шел подле меня, а она часто отставала, или он шел от нее довольно далеко, потому что я шел не по панели, а подле нее, и он, приближаясь ко мне, должен был отдаляться от Над. Ег. Но все-таки, когда мы воротились, она перестала быть в неприятном расположении, развеселилась, играла с ним и с котенком, и проч.

Да, как мы вышли, встретились нам — мы шли по проспекту на Обуховский — Ал. Фед. и Ив. Вас., которые шли; это мне было неприятно: и так открылось, что я солгал перед ними. Хорошо еще, если Ал. Фед. заговорит об этом: я скажу, что шел точно к Славиному, но он попался и затащил к себе. — «А, — сказал Ал. Фед., — Ив. Вас. все подкарауливал вас». — Мне неприятно и то,

что Ал. Фед. увидел Над. Ег., когда она была не одета хорошо, верно и на него сделает дурное впечатление.

Когда воротились и она играла с В. П., то, между прочим, когда он стал на стул на коленки лицом к спинке, она подошла и стала нагибать стул; нагнула несколько и приложила свое личико к его груди, говоря ему в лицо (свеча стояла на чайном столе, стул прямо перед ним и свет падал на нее хорошо довольно, т.-е. полусвет, потому что она была в тени за Вас. Петр., но ясный) — у них завязался разговор: «Ты убьешь меня, матушка, впрочем убивай, будешь интереснее — молодая вдова». — «Нет, лучше пусть я умру, или, лучше, если умирать, так вместе, так что если я умру, чтобы ты не оставался вдовым, если ты умрешь, я не оставалась вдовою». Она с нежностью смотрела на него.

Обыкновенно, — по крайней мере, я это замечал на Любиньке и кажется (однако не помню хорошенько) на других, — чувство особенное нежное, особенно любовь, особенно в этом роде, каком-то идиллическом (я говорю про этот случай), гораздо полнее заставляет бросаться в глаза физические недостатки или, лучше, несовершенства лица и недостаток или ложность этого выражения на нем; это верно потому, что здесь апотеоз лица, оно проявляется в полном блеске, все и хорошее, и дурное в нем — потому что выступает в него душа. Вообще, обыкновенные лица несносно приторны или уморительны в такие минуты, и только уважение к чувству, вызывающему это смешное выражение, заставляет не смеяться над ними, как, напр., и над кислыми и скверными гримасами обыкновенного лица, когда оно плачет; вообще все в эти минуты выказывается на лице резче и яснее. Я смотрел внимательно, старался отыскать что-нибудь, что было бы не так, как следует, в ее лице, и не мог найти ничего; оно мне показалось весьма, весьма хорошо, обворожительно, и мне показалось (однако не могло истребить сомнения у меня), что мои сомнения насчет ее красоты, решительной красоты, — вздор; что грубого у нее в лице ничего решительно нет, следовательно, однако я еще колеблюсь сомнением. Однако радости на сердце было; но не через меру.

Чаю пить я не стал у них, хотя и говорили, и это, кажется, на несколько времени рассердило его, т.-е. он думал, что я потому, что не хочется мне с сахарным песком, или, может быть, думал и то, что это по расчету в его пользу я делаю. Она, как всегда, тоже говорила, чтоб я пил, и даже сказала было, когда ушла в другую комнату: «я не стану пить», — верно, чтобы заставить меня или потому, что это было неприятно, или, как это сказать, что я не пью. Ушел я в 9 часов, провел время как обыкновенно, так что не раскаивался, что был у них; она произвела хорошее впечатление, радости, однако, не было у меня; в нем я осудил недостаток внимания к ней: не знаю, следствие ли это тягостного для него расчета (как в отношении к Залеманам — обязан, следовательно...), или в самом деле вследствие того, что я в самом деле ему лучше ее, он оказывает мне больше внимания, чем ей, и это мне неприят-

но, напр., хоть гулять не идет, когда она хочет и когда он ждет меня. Завтра хотел зайти; я это, может быть, скажу ему.

9-го [августа], 8¼ утра. — Вчера вечером читал в «Отеч. записках», в 3 или 2 № за этот год, отзыв о Луи Блане в книге автора «Ораса» и «Компаньона» (кажется, Жорж Занд)²⁷ «великий писатель Луи Блан и великий человек!» Хочу непременно купить его, как только смогу. Ив. Гр. не стал ужинать, я тоже. Вчера закончил И, довольно неисправно, судя по тому, что недостало 30—40. Сосчитал строки и подписал их по углам во всем Несторе и написал до конца 72 страницы — И г у м е н е — К н я ж а щ ю .

12 час. вечера. — Утро сидел за Нестором, только не все время делал дело настоящее, а от 1 до 2 час. составлял дроби, выражающие отношение между числом строк от конца каждой страницы до начала и до конца той части Нестора, которой я теперь занимаюсь. Голова довольно разгорячилась в арифметическом смысле, и я, как говорит Амос Федорович, своим умом дошел при этом до непрерывных дробей, так что только после заметил, что выдуманый мною способ есть только непрерывная дробь, делая быстро и в уме. Думал, сколько могу вспомнить, довольно живо; чувствовал нетерпение увидеть Василия Петр.; он пришел в 4, просидел до 5, ушел и обещался быть снова, возвращаясь, когда я сказал, что пойду с ним, когда он пойдет покупать утюг. Говорили больше о литературе. Все-таки он сказал: «Мне было неприятно вчера встретиться с Ив. Вас. и Раевым, особенно когда Ив. Вас. стал в струнку и показал на меня, на нее и на Раева, как будто говоря: вот видите сами, что моя правда — она не хороша». Не должно ли предполагать по этим словам, что в сущности он сам считает ее, как и я, красивею, хотя и не говорит этого, т.-е. не то, что считает, а почти считает, и не то, что красивею, а выходящею далеко из круга женщин ни то, ни се, хорошеньких только потому, что молоды. Если так — хорошо.

«Домби» окончание ему не нравится: трескучесть, говорит. «Том Джонс» в августовской книжке тоже, говорит, много слабее.

Когда он ушел, я — бог знает с чего пришла охота делать не дело, а в сущности для него, потому, что он курит из трубки — стал чистить чубук и провозился с ним с час; после сел снова писать, дописал прежний полулист до 102-й стр. середины. Он пришел, мы напились чаю, пошли за утюгом; когда шли около Министерства внутренних дел, я сказал ему свое вчерашнее наблюдение над лицом Над. Ег. в то время, как на нем выражалось нежное чувство; он не стал противоречить, может быть потому, что мы подошли, пока я говорил все, к железному ряду, но скорее потому, что не наблюдал за этим и не мог ничего сказать, а еще скорее потому, что заметил сам и то же, что я. А раньше, когда мы шли к Чернышеву мосту и были уже недалеко, он сказал снова то же, что говорил и в первый раз, когда был в 4 часа ныне: «Ныне утром разразилась на меня она упреками и слезами, что я мало бываю дома, да когда и бываю, то все читаю или

пишу, а с нею ничего». Я сказал, что этого должно было ждать, говорил в этом тоне. «Я, — говорит, — немало говорю с ней». — «Для вас немало, потому что у вас каждая минута на счету, и чтоб говорить, когда вы говорите, для этого нужна воля с вашей стороны, а не самому хочется говорить и не самому заговаривается».

Когда пошли с рынка через мостик на Крюковом канале, мимо больницы, он стал говорить, что заботится, что долго нет писем из дому: «Один зять написал, другой написал и писали, что наши пишут тоже, а между тем ничего нет; это или я что-нибудь написал, что им не понравилось и они не хотят отвечать, или кто-нибудь умер». Тотчас перешел к тому, что он, однако, всегда был только горестью для родителей, как говорил ему и отец. Я говорил против этого — не знаю, хорошо ли я это сказал или нет, но прискорбно видеть, как он этим мучается: «Что вы приносили им более радости, чем горя, это доказывается тем, что они вас любят». — «Да ведь он говорит противоположное, сам отец». — «Да это обыкновенная фраза, сама собою выливающаяся в минуты грусти или дурного расположения, да и вы сами разве не видите, что причины, по которым они были на вас в неудовольствии или огорчались, были безосновательны? Это похоже на то, как бабушка горевала, что папенька не хотел выходить из семинарии, чтоб занять дедушкино дьяконское место». — «Да ведь они не могут рассудить того, что их неудовольствия и огорчения неосновательны». — «Могут». В это время мы подходили к квартире. Он заговорил о том, чтобы я зашел, я не зашел. — «Я, — говорил он мне ныне, — сам жалею, что она скучает и грустит с своими, она тоже что-то не бывает у них. Я сказал ныне — побывай у них, Надя, — она не пошла». — «А вот вы и не знаете, что это такое и отчего она в неудовольствии с ними». — «Я жалею ее, но равнодушен к ней», говорит он, как раньше.

Оттуда зашел переодеться, пошел к Ол. Як. У него был Ал. Фед. Мы пошли оттуда вместе. Он заговорил о вчерашней встрече: «Я поколебался вчера в своей уверенности в вас — это первый случай, когда я заметил, что и вы кривите душой, а раньше я был убежден в противном». Он говорил это таким тоном, что в нем было видно в самом деле некоторое сожаление о том, что он разочаровался относительно меня; действительно, это, верно, произвело на него действие вроде того, как измена друга или разочарование в поэтическом воззрении на жизнь, разница только в объеме впечатления, а не роде его. Я прикрыл душой, как следует, и отвечал веселым, но правдивым тоном: «Вообще я не оправдываюсь, часто случается кривить душой, где бы и не следовало, кривлю, но только здесь не виноват: я в самом деле шел к Славинскому, Лободовский встретился мне около нашей квартиры и утащил к себе; какое бы вам доказательство? да вот: я был без шинели, значит, я был у себя до-

ма». — Это, кажется, убедило его. Совестно мне не было при этом обмане, напротив, я желал, чтоб он удался вполне, потому что хоть это дело и ничтожно, но все лучше для меня и него (Ал. Фед.), если он останется в убеждении, что я не кривлю перед ним душою.

После, пришедши домой, стал писать письмо Корелкину в таком тоне, как некогда в Саратове писал письма: так, ни о чем, только пустая болтовня, совершенно без всякого предмета, только, может быть, остро — смешно и умно, или глупо и более ничего, как угодно. Например, после того, как написал о начале лекций и, во-первых, о Михайлове: «во-вторых, писать уже не о ком, поэтому от лиц перейдем к вещам лучше, и как о вещах писать тоже нечего, кроме того, что сюртуки у меня износились окончательно, то напишу вам об этом и перейду к событиям. Итак: сюртуки у меня износились окончательно. Теперь перейду к событиям».

«Из того, что делается в Петербурге, я не знаю ничего, как есть; раньше знал по крайней мере, что делается в неимоверном количестве набрюшники и перцовка, но теперь холера прошла²⁸, ни набрюшников, ни перцовки более не делают, что делают вместо них — я не знаю; в провинциях делается весьма многое, — например, в лесных местах весьма хорошо делаются оглобли и лопаты, а в безлесных — кизяки (если вы не знаете...), но эти вещи или недостойны просвещенного внимания, или, если достойны, то я не могу, без некоторого оскорбления вам и несправедливости, предполагать, что они ускользнули от вашей любознательности, а как таковое предположение необходимо для того, чтобы я решился писать вам о них, а этого предположения именно сделать я и не вправе, и не решусь, то и не могу писать вам об этих делающихся в наших провинциях вещах. Теперь долг рассказчика повелевает мне приступить к рассказу о совершающемся за границей, ограничиваясь пределами того, чего я не знаю. Итак: во-первых, я не знаю, совершается ли на Западе покупка хороших карандашей по гривеннику серебром или соответствующей ценностью своею гривеннику монете, или совершается она у нас или дешевле, или — чего не дай бог, потому, что зачем же желать дороговизны? она сокращает потребление, а следовательно, и производство — дороже: нет, я надеюсь, что дешевле; но, увы, я только надеюсь, но знать наверное я не знаю; это для меня так прискорбно, что я принужден стереть выкатившуюся от избытка чувств слезу и обойтись посредством платка. Слезу стер и посредством платка обошелся. Теперь продолжаю: во-вторых, я не знаю, совершаются ли на Западе купчие крепости так, как у нас в местах присутственных второй инстанции или, может быть, и первой. Многого и другого я не знаю из совершающегося на Западе, но эти два пункта самые важные и сомнение относительно их весьма тяжело для души моей, а средств разрешить так занимающие меня вопросы эти никаких, никаких!!! О; как многого не знает еще человек вообще, и я в особенности, из того, что знать ему было бы необходимо».

для его спокойствия и для его блага... Грустно жить на свете после этого. Единственная моя отрада в таком грустном житье на вышереченном свете, что я надеюсь увидиться с вами к началу сентября. Ваш... Ах, да! Вообразите себе свинью. Вообразили? В таком случае можете меня и не воображать, потому что я весьма похож на нее — забыл написать вам свой адрес (это не из письма уже), для того, чтобы зашли ко мне, когда приедете...».

Это буквальная выписка.

Ив. Гр. не ужинал, я тоже, только спросил хлеба. Свидание с В. П. и слова его об отношениях к Над. Егоровне не произвели грустного впечатления, как обыкновенно это бывало, потому что теперь подают надежду. Свидание с Ал. Фед. благоприятствовало моим мелким планам относительно лжи об обмане их, и я этим довольно доволен. Когда шел, расставшись с В. П., думал о них, был весел, пел, как это почти всегда бывает, но не в таком веселом духе, как теперь, и вздумал, поя песню Маргариты из Фауста — *Meine Ruh ist hin**, которую я довольно часто пою, что хорошо бы, если бы она знала ее, и мысли — отчего хорошо, если бы она знала по-немецки, а главное хорошо, что он стал бы ее учить и время шло [бы] у них в этом; скажу, чтобы он учил ее.
^{3/4} первого. Ложусь.

10-го [августа], 12 час. утра. — Странно, сердце снова при постоянных мыслях о Над. Ег. беспокойно, как это бывало в первые дни после их свадьбы; снова есть чувство; странно, что это такое? думаю — это вздор, от моей глупости; нет, это оттого, что действительно они оба выше, чем то, что обыкновенно видишь, и достойнее всех других любви: в самом деле, есть что-то особенное, это не глупость, а только необходимое следствие того, что я его довольно близко знаю: зная, нельзя не интересоваться ими в высшей степени и не любить их от всей души. И мне приятно это биение сердца или, лучше, не биение, а как-то особенным образом оно сжимается или расширяется и что-то в самом деле чувствуешь в нем.

Вчера Ив. Гр. попросил меня уйти в залу, чтобы свет не мешал Любиньке спать; это ничего, ни хорошо, ни дурно. Я ушел и в первый раз с давних пор, когда кончил писать, лег без свечи. Любинька ныне говорит: «Верно ты сам отнесешь письма, потому что Марья стряпает». Я не хотел раньше, но уж пошел переодеваться, как взглянул на Марью, — она стоит так. «Есть тебе время?» — «Есть». — «Ну, отнеси». Так-то все случай, — не будь ее в это время в прихожей, я бы и порол по Гороховой, а после по Невскому, потому что давно уж не видал картинок и хочется посмотреть их. Да, а о Надежде Ег. все думается и не равнодушно.

^{1/2} 12-го вечера. — Ждал Вас. Петр. и думал; часто находили довольно продолжительные периоды, когда сердце билось спокойно, как обыкновенно в таких случаях, что его нет, когда обе-

* Мой покой исчез.

щался; приходили в ум разные глупые предположения о том, что не случилось ли с ним или с нею чего, и что именно могло случиться. К чаю приехал доктор, рассказывал анекдоты, уморил; чрезвычайно хорошо говорит, и хороши, и новы рассказы. Когда уехал, Любинька сказала, что он врет к стати и некстати. Это мне показалось досадно: удайся хоть в 10 раз хуже рассказать что-нибудь подобное Ив. Гр-чу, она была бы в восторге и не знала бы, как и смотреть на других и как заставлять их преклоняться перед таким умником. Что за пристрастие к другим в худую сторону: только мы умны, все другие дураки... — После, спустя сказала: «Вот хвалился, что это он сделал, что академикам дают чай вместо сбитня». Я говорю: «Почему ж не он? Разве весело ему возиться с больными?» (он сказал, что от сбитня больных бывало много). — «Уж слишком! Семинарист, который жил с свиньей в одном хлеве, да делается еще от этого болен!» Мне хотелось сказать, что Ив. Гр. тоже принадлежит к этим господам, о которых она так отнеслась; он сам горячо вступился против этого: ее слова задели его за живое. Пресмешно! Она замолчала. Через несколько времени говорит: «Вы дадите мне свечу на диван перевязать ногу?» Ив. Гр. снял и поставил. Что раньше не спросил меня, — это взбесило мою голову, впрочем, не слишком сильно, а встал и пошел, не от сердца, которого вовсе не было, я был решительно холоден, а так; сделал несколько шагов по улице (мы все сидели у дивана, свеча горела на столе, я писал Нестора).

Когда вышел, пришло в голову зайти на двор к В. П., посмотреть в окно, что они делают, и побежал было; но стал накрапывать дождь, ветер скоро наносил тучи, и я, прошедши за переулок, который на Загородном проспекте (около 320 шагов), воротился. После ужина Любинька стала укладываться спать, сидя на моем диване, о чем она долго уж говорила. «Вы пойдете в залу», сказала она нам. Иван Гр. с «Отеч. записками», в которых читал Прескотта²⁹, я с бумагами пошли; свеча оставалась на столе. Я подошел и стал складывать бумаги на стол в зале перед диваном. — «Принесите свечу», — сказал он мне так, как говорят людям, которыми распоряжаются; это меня более прежнего задело, но снова за голову, а не за сердце. Странно! Эти люди не понимают, пока не скажут им прямо: «пожалуйста, будьте не так, как до сих пор; если я вам спускаю, так ведь это по снисходительности, которую всякий человек чувствует, если только он порядочный человек, к людям, которые гораздо ниже его по уму». А до тех пор они это перетолковывают как выражение уважения. Все-таки свечу я принес.

Любинька устроилась, он читал. Тут-то, когда дело было кончено, он стал приставать к ней с нежными, но чрезвычайно неуместными заботами: о том, что ей здесь будет неловко, на постели лучше, — как будто не знает, что если неловко, она сама увидит и перейдет снова туда, а всегда человеку должно дать испытать то, что ему кажется лучше: может быть, в самом деле лучше, а если

и хуже, то теперь ему кажется лучше и будет век казаться, если он не испытает, и не позволить ему сделать это значит сделать ему неприятность. Она с прискорбием несколько времени отговаривалась, наконец, по своему характеру вышла из терпения отрицательным образом: взяла, перешла на постель и принялась плакать. В самом деле, она не может улесться на постели от своих болячек и спать, а на диване надеялась спать сидя и давно об этом мечтала. Она стала плакать, он пришел и сел читать Прескотта, сделавши свое дело — настоявши на том, чтоб она поступила так, как ему кажется лучше, а ей хуже. Я несколько жалел о ее слезах, но, глядя на него, мне было пресмешно, и я даже несколько раз на секунду улыбаясь.

Кончил прежний полулист и дописал до конца 110-й страницы К о - М е е. — Вчера у меня в доме В. П. говорил о Сидонском, как умном, но своекорыстном, тщеславном, пошлом человеке, но который постоянно занимается, о Казанском, как ужасном негодяе: «Что, кажется, мне сделал человек? а так бы и убил его, когда он напустился на жену и детей за то, что один из детей уронил чернильницу». Говорил и о Шатобриане и Дюма.

11 [августа], 5 час. 20 мин. — Сейчас ушел В. П.; разговор нашел на то, что я или он (оба кажется) сказали, поправляя у себя в штанах: скверно, что нам дана эта вещь. — «В 42 году мое положение весьма бы улучшилось, если бы я не был сам виноват. Жил я у помещика Мирного; человек почтенный, но я связался с его женою. Но разве один Иосиф Целомудренный мог бы устоять, я не устоял. Он узнал и хотел меня высечь — и высек бы, если бы она не предупредила меня. Я бежал ночью; в четырех верстах была приготовлена лошадь, а должно было проходить по местам, где паслись стада, собаки, страшные, сейчас разорвут, ночь ужасная, темная, должно было пробираться с величайшей осторожностью; пробрался. Приехал за 25 верст к жиду, который обыкновенно приезжал к нему лудить, чинить посуду и проч.; он верно что-нибудь догадался, потому что запер меня и сказал извозчику, что не раньше отпустит, как когда ему сообщат ответ от Мирного, что это такое. Ночью я спустился и убежал, и 200 верст дошел домой с одним чемоданчиком без денег. А у него дети готовились в корпус, и он хотел ехать вместе с ними и говорил: «Тысячи, двух не пожалую, чтобы вас приняли в университет». — «Что ж, разве она весьма молода?» — «Не молода уже, лет 35». — «И слыхом хороша?» — «Ни се, ни то, разумеется, ничем не хуже моей Нади»...

С этим он и ушел к Казанскому.

Это: «разумеется, ничем не хуже моей Нади», поразило меня, даже теперь задает за сердце серьезным образом. Итак, мало надежды, что его мысли о ней переменятся и, кроме того, они так дурны, как я и не предполагал. Когда он ушел, перед тем, как я сел, пока я брал в руки перо писать это, мне даже мелькнула мысль: боже, неужели этот человек уже так много видел и проч.

В таком роде, не хочется сказать износился, а приелось ему, что он уже не в силах, т.-е. не хочет понять это простое, милое создание, которое досталось ему законным образом? Я не думаю, чтобы эта мысль у меня удержалась господствующей, потому что я вижу, что он вовсе не износился, как говорит, не истерся — свеж и юн и чист даже, чище гораздо меня, — но грустно видеть то, что он ее так низко ставит; весьма грустно, — для сердца, а не для головы.

Теперь стану писать о предыдущем времени дня. Ходил в университет, главным образом, узнать, есть ли к нему письмо. Так это беспокойство его насчет того, что он не получает, заняло меня? Разумеется, нет. Оттуда шел по Невскому смотреть картинки. У Юнкера много новых красавиц; внимательно, долго рассматривал я двух, которые мне показались хороши, долго и беспристрастно сравнивал и нашел, что они хуже Над. Ег., много хуже, потому что в ее лице я не могу найти недостатков, а в этих много нахожу, особенно не выходит почти никогда порядком нос, особенно у этих красавиц, у переносицы, и части, лежащие около носа по бокам, где он подымается; да, это решительно и твердо.

Ночью (неприятно писать это на той же странице, где говорится о Над. Ег.) я проснулся; попрежнему хотелось подойти и приложить... к женщине, как это бывало раньше; подошел и стал шарить около Марьи и Анны; но в это время проснулся Ив. Гр., — а, может быть, и не спал, — и стал звать их. Это мне было неприятно, что отнимало у меня эту глупую возможность пошлым образом дурачиться, хоть это не доставляет мне никакого удовольствия, просто никакого. Мне вздумалось, что это бог попускает меня делать такие глупости — просто глупости в самом определенном смысле слова — для того, чтоб я не стал кичиться своею нравственною чистотою. Неприятно мне было подумать, что вот опять я под влиянием мыслей глупых и пошлых, и подлых, которые считал отставшими от себя. Думал я это в то время, когда шарил около них.

³/₄ десятого. — Заходил В. П., по условию, чтоб я проводил его; проводил. Дорогою ничего особенного, только он говорил, как и вчера, что: «Пишу, да что толку, когда сам видишь, что дрянь? и охоты нет, и усидчивости, а когда бы знал, что будет хорошо или полезно, деятельность нашлась бы». Я говорю: «Покажите что-нибудь». Он говорил: «Писать бы что-нибудь из истории, по актам, разумеется, а не по Карамзину». — «Да, — я говорю, — для этого нужно много средств и приготовления». — «Главное — средств, — сказал он, — нет». Еще когда давеча в первый раз был, сказал, что он собирался и в солдаты, и пробовал, да нет, везде нужны деньги. «Эх, — говорит, — палками бы меня по пяткам за то, что женился: ушел бы теперь в Варшаву». Это он говорит и ныне.

Да, — еще, когда ходил в университет, оттуда ворочаясь, повстречал Воронова. Он меня проводил и сказал, что половину экзаменов выдержал, другие остались, и, может быть, он додержит, да еще сам не знает, успеет ли. Да, — еще В. П. говорил, когда был

в первый раз, что писал к Адамовичу, чтобы узнать, где теперь Антоновский: «Через него всегда скорее всего могу узнать, что делается у нас, — если нужно, он даже съездит; это 200 верст от Курска». Так сильно занимают его родные!

Докончил прежний полулист, до обеда; после обеда дописал до 104-й страницы следующий М з — Н а с и. — Спина уставала, грудь нет. Читал я эти дни весьма мало, только во время еды и когда что-нибудь помешает писать, читал «Цивилизацию во Франции» Гизо — превосходно³⁰. Великий человек! я много о нем и о его судьбе думаю.

12-го [августа]. — Утром был в бане (четвертной) и остригся; в 4 часа пришел В. П., просидел с четверть часа, и мы пошли к Ив. Вас. Я смеялся, но верно прерывистым волнующимся голосом, потому что мое сердце было беспокойно, как обыкновенно, когда думаю о Надежде Ег. — Пили чай; после пошли к Вас. Петр.; Ив. Вас. также зашел, раскланялся странно довольно, так что я заметил. Вас. Петр. после говорит: «Он поплатился бы мне за эту кичливость, если бы я был равнодушен к Наде». Мы не говорили как-то ничего особенного, я все играл с котенком, она была огорчена сначала его грустным видом: «Ты всегда ворочаешься домой такой сердитый, — хотя бы раз я видела тебя веселым». Не понимает, бедная, отчего он такой! Все говорила, что нужно переменить квартиру, эта ей ужасно не нравится, так что мне головою стало ее жаль. Когда она вышла, сказал Вас. Петровичу, чтоб учил ее по-немецки или французски. Он говорит: «Нет, не захочет». — «Неправда». — «Да разве я уже не пробовал?» — Не знаю, правду ли он говорит или нет, что пробовал; он от вопроса о квартире отделивался неловко; меня сегодня еще более чем когда-либо занимала мысль, как ему выйти из этого положения. Заставили пить чай, хотя я не хотел, ушел в 8.35¹. — Думаю прямо обратиться для него к Срезневскому, сказать ему, право. Кончил прежний полулист, дописал до 85, следующей Н — О в. Читал только Гизо и буду читать, когда лягут все, и июньский номер «Отеч. записок», который не читал раньше.

13-го [августа], 3 часа. — Утром писал Нестора; вчера читал до 2¹/₂ «Отеч. записки», ничего хорошего не нашел и решил, что В. П. критику написал бы не хуже, если не лучше. Так мы вырастаем! Из этого источника раньше я воспитывался, а теперь смотрю на этих людей, как на равных себе. Это первая критика «Отеч. записок», которая пробудила такие мысли, что В. П. или я сам не хуже их. — В 11 час. пошел за письмом, потому что думал, не будет ли денег или письма Вас. Петр.; собственно для него я пошел так рано, что мог и не найти еще письма в университете. Письмо себе нашел, ему нет. Встретил, выходя из университета, Фурсова, — заявил, что поступает к Zubову репетитором, — хорошо, дай бог; разговаривали; Никитенко выхлопотал ему кандидатство. — благородный человек этот Никитенко! Смотрел картинки на Невском, решительно уверился, что все хуже Над. Ег.

11 часов. — В 8¼ пошел посмотреть на Лободовских, пришел: когда подходил, сердце билось довольно сильно; пошел мимо окна, они пили чай; окно у чайного стола, как обыкновенно, было завешено, и нельзя было хорошо видеть их: он сидит перед столом, Над. Ег. в углу под образами. Когда прошел и увидел их хоть мельком, сердце стало снова спокойно. В продолжение этих дней меня сильно занимает вопрос: откуда мне взять денег, чтобы В. П. мог жить (и хорошо, да и следовало бы, чтобы он мог жить лучше, чем теперь) до того времени, когда выдержит экзамен и получит место? Ничего не могу придумать.

Докончил полулист Н а с т — О в. День был довольно странный: сердце сжималось не так много и не во все время, а работал я как-то слишком с большим рассеянием и как-то не хотелось. Утром так утомился ходьбою с узким застегнутым воротником, что после обеда лег и заснул и проспал до пяти часов. Читал Гизо 5 том, теперь начал 4, несколько и Баранта.

Прибавление к 11 числу. — В. П. заходил; [пошли] с ним в лавку за сыром; когда шли мимо казарм около церкви, он сказал: «Ныне мы не готовили, а просто поели молока и вот поедем сыру — надоело мне возиться с этой стряпней».

Прибавление к 12-му. — Когда мы были у Ив. Вас., Вас. Петр. взглянул на портрет, когда мы сидели за чаем, и сказал: «Это что за моська?» — Ив. Вас. отвечал: «Вглядитесь хорошенько, может быть и увидите». Тот стал смотреть. Ив. Вас. через несколько секунд сказал: «Есть сходство с вашей половиной?» — Вас. Петр. снова прибавил «моська», хотя, может быть, был сконфужен, что раньше так выразился, и сказал, что сходства нет. «Нет, есть». — «Где же?» — «В овале лица». — «Да это всегда у всех одинаково» (по мне часто нет; действительно, как я после разглядел, главное сходство в овале лица). Когда Ив. Вас. вышел к М. С. Туффе, которая присылала за ним, чтобы переговорил со швею, В. П. сказал: «Кто же это в самом деле?» Я взлез на стул — издание русское, Поля Пти (P. Petit). Я догадался или вздумал, что есть сходство с женою наследника, и вспомнил, что В. П. сам хвалил ее за то, что выражение ее лица у нее весьма мило, так что нельзя не любить ее, и сказал в намерении выгодно подействовать на него: «Это портрет жены наследника, только, может быть, не слишком похож». Он сказал, что, может быть, и вероятно. Это писал я в 9½, 14 числа.

14-го числа [августа], 9½ утра. — Думаю все о них более всего. Пишу Нестора; вчера читал Гизо и Баранта. Ночью опять приходила глупость некоторая: я снова подходил шупать, но тотчас же ушел, оттого что поленился, или не захотел. Странно, как в человеке совмещаются совершенно противоположные качества и поступки. Когда думаю о Над. Ег., я совершенно чист, совершенно, как только может быть чист человек, а тут приходят в ум такие глупости.

11¹/₄. — Думаю все о Вас. Петр., довольно щемит сердце, теперь думаю о финансовых делах: денег у меня не будет долго, может быть, месяца два, как же быть, где ему взять? Это трудно. Отыскал в журнале³¹, когда было отправлено письмо, в котором писал, чтобы не присылали денег: 20 июля, и не получен ответ на него. Уж и теперь заметил мельком в журнале много такого, чего не упомянул бы без него.

4¹/₂. — Я закончил тот лист и разлиневывал новый, когда пришел В. П. Долго мы сидели молча, только его физиономия стала расстраиваться, так что я даже это заметил. «Чорт знает, какую глупость сделал, что женился; а однако, все ничего, ко всему можно сделаться равнодушным»; — с дурным видом были произнесены эти слова; — «сколько я ни стараюсь объяснить себе свое теперешнее положение, никак не могу; а надобно внимательнее смотреть на свой череп, не показались бы тут какие-нибудь бугорки или что-нибудь этакое — какой-то червь залез под череп и роется там; досада смертная каждый день, и сам не знаю, отчего: кажется бы не от чего, — а досада, тоска ужасная» (я думаю, это оттого, что он досадует на себя, что ничего не делает, чтобы выйти из своего положения); «человек с умом напр., Ив. Вас., — давно бы сошел с ума, а я ничего; другой бы, не такой пошлый человек, как я, [не] стал бы ни есть, ни пить, тосковал, худел, так и умер бы, а я ничего: ем препорядочно, сплю преспокойно, только от скуки лежишь, свистишь да глядишь в потолок. Ну, пишешь; пока пишешь — ничего, как прочитаешь — только засвистишь и изорвешь». Показывать мне не хочет ничего, — не стоит, говорит он. — Бог знает, может, и в самом деле не стоит, а скорее напротив. «Что делать, — говорит, — коль бог не дал таланта». — Мне стало думатья несколько теперь, что вот, что угодно, как угодно будь добр и прекрасен человек, но может быть поставлен в такое положение и приведен в такое состояние духа, что не будет составлять удовольствия другому. Итак, Над. Ег., конечно, грустит и тоскует, глядя на него. — Снова он говорит об этой смертной досаде, тоске. Как я бестолков, что не вижу, пока мне не скажут, а когда скажут, то вижу, что иначе и не могло быть и что должно было бы давно это видеть. — От Казанского обещался зайти, чтоб вместе идти гулять. В понедельник хочет быть в университете, потому что ждет письма.

11¹/₂. — Был в 5¹/₂ Ал. Фед. Когда уходил, я спросил, можно ли взять «Мертвые души», — он велел приходить в 9 часов; я пошел, взял, посидел час, — он утомил и наскучил мне и показался более ограниченным, чем обыкновенно. В. П. не был; завтра утром отнесу «Мертвые души». Меня занимает, помимо прочего, мысль о переходе от Терсинских; беспрестанно мешают. Так ныне, когда я, как стало темно, стал брать свечу, Любинька сказала: «Что это, ты никак уже хочешь зажигать?» По их понятиям, конечно, этого не нужно, а с ¹/₄ часа должно просидеть так, пока будет настоящим образом темно. Я поставил свечу и ушел в другую комнату, после

стал перебирать письма, перекладывать несколько их в один конверт. Она говорит: «Что же ты, зажги свечу, что копаться так?» (уж было достаточно темно). Я промолчал. Странные люди; кажется, с ними не должно церемониться, потому что они не хотят предполагать это, а нельзя не церемониться, если слушаешь их мнения и суждения. С завтра начну пить по одному стакану чаю. Дописал до 94-й [стр.] конца По б ъ — По я.

15 числа [августа], воскресенье, 6 час. вечера. — До сих пор день был самый пустой, что касается до дела, и самый беспокойный, что касается до сердца. До 12 час. читал я «Современник», августовскую книжку, которую вчера принес В. П., и носил к нему «Мертвые души», он оставлял, я не остался, хотя тотчас же стал жалеть, что сказал, что не буду после обеда: в самом деле, лучше было бы согласиться, что буду. Когда читал «Современник», ничего еще, читал последнюю часть «Домби» — хуже много первой, и особенно я это увидел, когда Вас. Петр. сказал, что хуже, — у него действительно вкус тонче и разборчивее моего, он создан быть критиком. Когда кончил и хотел приняться за дело, не стало делаться — так растосковался о Вас. Петр., отчего долго с ним не виделся и не говорил, как бы мне хотелось, и что еще сутки с лишком не увижусь, что ужасно. Довольно давно не было так тяжело на душе. Как и что он будет делать? т.-е., во-первых, чем будет жить? а это главное, чтобы у них теперь было много денег, и он был бы доволен в этом отношении; тогда, я надеюсь, его мысли относительно Над. Ег. переменились [бы], и он стал бы счастлив.

Я не мог продолжать писать Нестора, бросил, лег в зале читать Баранта и заснул, к счастью. Нехорошо было на душе. Проснулся перед самым обедом; когда пообедал, я хотел было писать — снова не пишется, тянет к нему, да и только. Я уже пошел в университет, главным образом так, чтоб прошло время, но обманывал себя надеждою, что может быть найду письмо ему, — нет, ему нет, а было Ив. Гр. Чорт возьми, подумал я, которых писем не нужно, те есть. Но ходьба рассеяла мои мысли и мрачное расположение. Оттуда я шел по Невскому, встретил Михайлова брата, узнал, что он недавно писал им и пригласил его к себе. Теперь ничего, довольно спокоен, хотя Нестор не пишется, — лень ли, или скорее предчувствие, что снова задумываюсь о В. П., не знаю. Уж хоть пришел бы Ал. Фед., все бы разговорились о чем-нибудь — желание, которое у меня бывает только во время довольно порядочного неудовольствия. Жду, когда откроются курсы, что-то будет, — может быть, от Воронина что-нибудь такое, чем можно будет В. П. воспользоваться, а может быть и мне. Нестора дописал тот лист, всего до 104-й стр., теперь снова сажусь за него, не знаю, много ли напишется.

10 ч. 40 м. — Все читал «Современника», прочитал «Тома Джонса» и дочитал «Домби». В самом деле Том Джонс здесь много слабее, чем в прежних книжках, но я не знаю, заметил ли бы я это, если бы раньше не сказал это В. П.; думал во время чая

мало, конечно, и читал спокойно. У него вкус более гораздо развитый, чем у меня — от природы, или упражнения, или от лет. Дописал всего до 110-й стр. — День прошел в чтении, а не в письме. Теперь снова ложусь читать.

16-го [августа]. — День довольно незамечательный. О В. П. не тосковал, хотя он не был; весь день писал Нестора. Вчера читал вечером долго «Космос», критику в июньской книжке «Отечественных записок»³². Хорошо, и несколько новостей в голове. Читал несколько Гизо и Баранта; докончил следующий полулист и написал 72 стр. Разг — С в я т о с л а в. В 8 час., как В. П. не заходил, пошел к нему; он не выходил из дому, потому что думал, что дети Казанского не будут дома; говорил довольно живо. Он в очаровании от Гоголя, ставит его наравне с Шекспиром. Она понравилась попрежнему — ни более, ни менее. Пришел оттуда в 10 час. почти. Он курит табак, говорит — не выдержал, купил четверку в грустные минуты; это меня несколько обрадовало: значит, у них деньги еще не подходят к самому концу; она все попрежнему. Сам я не думал почти ни о чем весь день; в разговоре с ним ничего почти, кроме того, что написал теперь, нового не было; завтра хотел зайти ко мне в 6 час. Делал еще, до 74-й стр., итого в день 1½ листа. Работал с начала дня с жаром; после ничего, как обыкновенно. 11 час., ложусь, буду читать «Отеч. записки».

17-го [августа], вторник. — Вчера читал «Отеч. записки» вечером, прочитал, между прочим, начало в июньской книжке Дютроше³³; запада в душу мысль там, которая есть: «Чем более у кого абсолютных истин в известной отрасли ведения, тем ниже он стоит в ней. Простому человеку покажется смешным вопрос, отчего падает тело на землю: как же ему не падать? так всегда бывает и было и этого, по его, довольно; смешно и то, отчего корни у растений вниз всегда направлены, стебель вверх».

Писал письмо нынче утром, в котором говорил худо о сочинении Терещенки и словаре Р. Академии, в ответ на папенькино письмо³⁴. Пошел отнести письма, чтобы побывать в университете; Любинька дала 30 коп. сер. вместо 20, потому что Иван Григорьевич тоже написал два письма; я думаю 10 коп. сер. оставить пока у себя и отдать ей после, когда получу от Ал. Фед. В университете слышал, что Срезневский режет на экзаменах из русского, это мне показалось неприятно; на дороге туда встретился с Галлером, он уже приехал из Гатчины, и говорю: «не пишу Срезневскому»³⁵. Пришел домой, — да на обратном пути пошел по Невскому для картинок, у Дациаро новые — две молодые прекрасные женщины на террасе, выходящей в море, одна сидит и целуется с молодым человеком, другая смотрит за занавес малиновый, отделяющий террасу от других частей дома (это что-то вроде балкона), не подсматривает ли кто-нибудь. У нее лицо в профиль весьма хорошо, но хуже много Над. Ег., хотя есть некоторое сходство, почему я долго смотрел; шейка также вперед и грациозна. У другой лица нельзя хорошенько рассмотреть, потому что не в профиль, а прямо; также хороша.

Мария Магдалина молится перед крестом, лампадой и черепом в пещере, — это я раньше видел; освещение понравилось почти от лампы, лицо довольно хорошо, но много хуже Надежды Егоровны. — Пришел домой, — Иван Григорьевич спросил у Любиньки мелких денег, сказавши, что нет табаку; я сказал, что должен гривенник, и вынул его и еще 6 коп. сер., которые только у меня и были, а он послал кажется за водкою, а табаку не хочет. Что-то будет, когда придет Василий Петрович, а у меня нет с чем послать за табаком; если не купит к тому времени, разумеется, спрошу у Любиньки, хотя глупо, конечно, сделал, что не рассудивши отдал деньги. — Ивана Григорьевича на месте помощника утвердили потому что, говорят, — министр верно согласится (2½ ч. дня).

9½ вечера. — В 4 были Ив. Вас. с Вас. Петр. Вас. Петр., действительно, как сам говорит, слишком дурно думает об Ив. Вас. и не может даже удержать этого; это на меня действовало неприятно, что он его обижает, между тем как я сам делаю то же и еще более и чаще. Ив. Вас. приходил затем, чтобы поручить узнать о дипломе Герасимова. Вас. Петр. хотел после зайти, чтобы идти вместе до квартиры. Я спросил у Любиньки деньги на табак, ничего не сконфузясь и даже без всякого усилия, как будто так и следует, а давеча не хотелось этого. В 6 час. пришел Славинский. Его приход меня обрадовал тем особенно, что, значит, он не смотрит на меня особенными глазами и не думает отстраняться от меня, но, кроме того, я в сущности чувствую расположение к нему. Тотчас пришел Благовестлов старший о Неволлина записках, я указал на Раева, он побегал, а меня пригласил на завтра. После пришел Вас. Петр. Говорил с Славинским о духовных преемниках Московского и Антония, о политике. Радецкому дали Георгия 1-й [степени], — странно и неприятно³⁶. Славинский сидел довольно долго; был, бедный, как обыкновенно, не совсем здоров, ушел в 8½ или ¾, а может быть и 9. Они и Вас. Петр. пили чай. Вас. Петр. принес «Мертвые души», которые теперь читает Любинька; они ей нравятся, сверх моего ожидания. Я дописал Нестора до 104-й стр. и только, потому что весь почти день писал письмо (которое писал на простой бумаге, потому что почтовой недостало); после ходил в университет, после 4¼—8¾ все были люди. День прошел почти бесполезно, но довольно порядочно, все шло хорошо.

18-го [августа]. — День решительно пустой и бесплодный, кроме разве того, что прочитал несколько из «Мертвых душ». Вставши, читал их, после с полчаса писал, после к Славинскому, там обедал, видел Лыткина; в 3 часа воротился, до 4½ ч. читал и несколько писал, поджидал Вас. Петр., поэтому не уходил к Благовестлову. Тут пришел Пелопидов, после Ал. Фед., который взял «Современник», просил меня к себе за ним завтра, — попрошу денег, — может быть, принесет и «Débats»; в 8 часов ушел. Я несколько снова писал, читал «Мертвые души». Теперь 8 ч. 40 м. и кажется Нестором более не буду заниматься уже, а как будут

деньги, [куплю] бумаги и [буду] писать Срезневского лекции³⁷, потому что времени едва достанет.

У Славинского видел Алексея Герасимовича, который, когда он сказал о Пестеле, что, идя на виселицу, сказал: «Это цветочки, а будут и ягодки», — «стало быть, говорит, у них был сильный покровитель» (мысль, которая была вовсе некстати и нелепа по ходу разговора), «который, как он знал, поддержит их предприятие», а я отвечал: «А, может быть, он сказал это и не потому» (разумеется, потому что был убежден, что должен совершиться переворот — правда ли это или нет), сказал: «а что вы думаете, — это он говорил как пророк? — как Иоанн Предтеча: «глас вопиющего в пустыне?» — Я был этим удивлен: ловкость мысли и приведение примера из священного писания, что я так люблю и делаю сам с таким удовольствием; странно показалось мне: человек самый пустой, ограниченный, но только довольно бойкий и несколько остроумный и говорит, как говорю я, — следовательно, может быть, и я ничем не лучше его? И другие мне подобные и мною уважаемые ничем не лучше его? — О Вас. Петр. думал мало, когда был один, почти не думал и вовсе не тосковал, т.-е. в голове всегда он, только кроме этого есть другие предметы, — это оттого, что я был развлечен, всего часа два был без гостей и не в гостях.

19-го [августа]. — Почти весь день прошел в чтении, во всяком случае большая часть. Утром читал «Мертвые души» и Гизо IV томик, несколько писал Нестора, наконец, после обеда в 5 час., не дождавшись В. П., пошел к Алекс. Фед. сказать, что не могу быть у Благовосветлова; ему также было некогда; тотчас же я воротился; не хотел я идти к Благовосветлову, потому что дожидался Вас. Петр. После он пришел, говорил только о «Мертвых душах», посидевши 1/4 часа пошел, я проводил его и не пошел к нему, потому что лицо было покрыто красными царапинами от угрей, — не хотелось так явиться перед Над. Егоровной. Алекс. Фед. и вчера и ныне говорил о следствиях, которые имела для меня женитьба Лободовского: «Я, — говорит, — писал об этом Михайлову, писал, что вы весьма часто бываете там и что наслаждаетесь». — Странно, если он угадал, что Надежда Егор. для меня кажется не то, что другие молодые женщины или девушки. После почти все читал Гизо или «Мертвые души». Дописал до конца 93-ю стр. Св — Ст; решился теперь оставить это, а завтра же, или когда будут деньги, купить бумаги и писать для Срезневского лекции. Тотчас же подам просьбу и о свидетельстве. 11 1/2 — ложусь читать Гизо и «Мертвые души».

20-го [августа]. — Весь день как-то Нестор не писался, только dokonчил прежний полулист и начал и дописал до конца 78-ю стр. Ст — Т я. — Среди дня вздумал бросить пока, а ныне же приняться за сличение записок Срезневского, и начал в 8 или 9 часов и несколько сличил из начала 2 чтения — его буду писать раньше, потому что это веселее, а после уже dokonчу первое. — Ни-
90

чего почти не думал о В. П., почти как всегда, но без тоски, а больше читал Гизо и «Мертвые души», больше Гизо; дочитал IV томик и начал V, теперь дочитал до 83-й стран.; заняла, между прочим, мысль его (начало лекции о Филиппе Прекрасном): деспотизм и тогда, когда употребляется для бескорыстных, благих видов, как употребляли его Карл Великий и Петр Великий, есть орудие дурное, прививающее зло к добру, которое производит.

В 3 часа, тотчас после обеда, пошел в университет взять письмо, узнать о дипломе Герасимова, может быть увидеть Срезневского. Экзамен, когда я пришел, уже кончился. Мне повестка на 20 руб.; 10 оставляю у себя, тотчас куплю бумаги и буду писать записки Срезневского. Теперь в голову почти не приходило скрывать эти деньги от Терсинских, мало представлялась эта мысль; что им за дело? так думаю я, хотя сам знаю, что неправда. В. П-чу сначала хотел отдать 15: теперь 10, а 5 после, если будет надо. Что присланные деньги — голову обрадовало, сердце ничего.

День прошел нельзя сказать, что бесплодно, потому что читал, но и без плодов. В. П. был в 6 часов по условию от Казанского; я решился не идти, потому что еще угри не сошли, а завтра верно будет меньше, и не пошел, хотя он звал; хотел придти завтра. Мне было самому досадно несколько головою, что я не пошел (после, когда он ушел, я это вздумал хорошенько, при нем слабее), что в самом деле это может его оскорбить, обидеть или огорчить, во всяком случае должно казаться странным. Не говорил ничего, когда он сидел, ровно ничего. Теперь 10 часов, принимаюсь читать Шафарика, верно прочитаю немного, а возьмусь за Гизо и «Мертвые души».

21 августа, 2 часа дня. — Ночью снова чорт дернул подходить к Марье и Анне и ощупывать их и на голые части ног класть свой... Когда подходил, сильно билось сердце, но когда приложил, ничего не стало. Дурно напившись чаю, пошел в университет; когда подходил, билось и сжималось сердце, как бы что-то предчувствовал, — так и есть: «Вот, — говорит Савельич, — еще письмо Лободовскому, привез Пархумов, который остановился в «Лондоне» и желал видетсья». — Это тот их откупщик, который был любим и любил его старшую сестру. Получив это, я в первую минуту только обрадовался и ничего. Зайду, говорю [себе], в почтамт, после перескину сапоги и вычищу брюки дома и пойду к ним. Сделал несколько шагов — нет, в почтамт не зайду, чем скорее, тем лучше, зачем ему ждать и в это время бог знает что может случиться? Шел по мосту, думал и то, и другое: теперь не зайти, шутя не успеешь получить ныне деньги и 2 дня еще пропадет; когда подошел к концу моста, без всякого раздумья, а как дело само собою следующее, пошел на Гороховую, не заходя в почтамт. Когда шел по бульвару и через площадь пройдя его, вздумал, что лучше и не заходить домой, так и быть, что гадкие сапоги и проч. и что собственно нехорошо так являться перед Надеждой Егоровной: время дороже этих пустых эгоистических расчетов опрятности;

итак, иду прямо туда. Идучи по Гороховой, думал, как сделать, чтобы передать ему письмо так, чтобы она не знала; думал, что скажу, что заходил к Ивану Вас. по диплому, который отправляется ныне, и что не могу быть после обеда у него, поэтому прошу Вас. Петр. передать это ему, а сказать думал на немецком ему: «Письмо от вашего батюшки»; обдумывал эту фразу, чтоб не сделать ошибки против языка, потом вздумал, что верно он сам выйдет отпирать дверь, и я скажу эго в прихожей. Но на дороге, по линии между казармами и первой линией, встретил его. — «Вам письмо, читайте же». — «Некогда — Надя пошла в баню, так я хочу воротиться, чтобы она не злилась». — Дойдя до... (сажусь обедать, кончу после обеда).

Дойдя до места парада против церкви, говорит: «Прощайте», — с таким затруднением. — «Куда же вы?» — «Я так», — и поворачивает по Крюкову каналу, где ходят обыкновенно на толкучку. Из этого и того, что он постоянно действовал одной рукой, а другая была занята у него, я догадался, что он идет что-нибудь продать, верно икону. Прошло несколько времени, я послал его домой и, кажется, он воротился, зная, что я иду в почтамт, следовательно, должен получить деньги. — «Странно, — говорит, — как получу из дому письмо, — дрожу». — Как он мне попался, это еще более утвердило меня в мысли, что должно делать все тотчас, что должен делать, и отлагать не следует, потому что всегда может что-нибудь случиться в это время, а когда я увидел, что он шел туда продавать, я чрезвычайно обрадовался, что успел во-время встретиться и остановить его. — Пришел в почтамт, получил: 15 р. — Любиньке, мне только 5; это мне было неприятно головою; через несколько времени вздумал, что либо можно подать просьбу и дать Василию Петр. сколько нужно, [либо] можно, как я и раньше думал, взять у Ал. Фед. Оттуда пошел через Невский, купил бумаги тонкой дести 50 коп. и почтовой полдести; первая Невской фабрики, вторая Аристархова — 25 коп. сер., и теперь принимаюсь писать Срезневского. Или нет, раньше несколько отдохну, потому что от ходьбы (3 часа ходил) некоторая усталость в спине, как обыкновенно. — 2 часа 50 мин.

11 час. с четвертью. — В 7^{1/4} пошел к Вас. Петр., потому что он не заходил; как пришел, он стал говорить о том, как был он у Пархумова. «Как вхожу, он кричит: «Марья Петровна, братец пришел». Я побледнел и задрожал весь; в соседней комнате что-то зашевелилось, — я страшно перепугался: ну, что если в самом деле она с маменькой приехала? это тем более возможно, что у него свой экипаж, и он с того времени как провинился перед нами, чрезвычайно услужлив». Он поговорил с ним о своих прежних товарищах, и то, что они все хорошо служат и уже играют довольно важные роли, между тем как в сто раз ниже его по всему, горько ему: один правителем канцелярии у генерал-губернатора, другой старшим помощником этого правителя, хотя только два года [назад] кончил в университете курс действительным студентом. Он

стал рассказывать мне, между тем, как сам готовил самовар, как он обманул Пархумова, сказавши, что он живет в Петергофе и только приехал. «О женитьбе, — говорит, — ничего не сказал. А наделал я ему довольно хлопот: отец спрашивал, где я живу, я написал и что только вздумалось, так написал: должно быть, написал дом, какого вовсе нет, — что в «доме Фредерикса в Графском переулке». Он перерыл там всю книгу у дворника, был два раза в университете, наконец, уже отослал письмо с человеком в университет». Мне было неприятно, когда он говорил это, как и всегда, когда он говорит при Над. Ег. о том, что скрывает свою женитьбу, — неприятно и жаль его и ее. Он раздувал и накладывал самовар, она стояла у дверей в прихожую, я в той комнате у зеркала, она иногда начинала играть с котенком. Мне показалось ясно, отчего он равнодушен к ней: у нее нет той развитости, ловкости, которых никак не может придать, как я думаю, природа, а должно придать общество и образование, и без которых действительно женщина не то, чем могла бы и должна бы быть. Пришел Ив. Вас., мне это в первую минуту показалось хорошо, что я могу передать ему о дипломе, после неприятно несколько, что он застал меня там и будет думать, что я там беспрестанно и скажет это Ал. Фед., а главное, что сам застал. Скажет или нет? — Ушел в 8½ час., шел дождь; я дорогой думал об этом: «Марья Петровна, братец пришел», — а он дрожит, и мне стало довольно тесно на сердце — жаль его, жаль, и все время вчера было так и теперь так. — Дело: дописал весь 17-й лист, вышло 5 страниц, надеюсь все кончить к началу лекций, судя по началу. Завтра пойду к нему: глуп, что не отдал 3 р. сер., должно отдать, — а может быть он уже продал что-нибудь, — и пойду в 4½, чтобы придти, когда Над. Егоровна спит, как кажется всегда она спит, чтобы он мог поговорить свободно. Бедный (это однако теперь головою пишу).

½ 12-го. — Да, что в самом деле, если так, как мне показалось, что будто я чувствую другое? Если в самом деле Над. Егор. уже перестала иметь для меня прелесть, и я перестал быть уверен в том, что она заслуживает и заслужит любовь Вас. Петровича (достойна его) и составит его счастье, потому что может и должна составить, и что она не более как всякая довольно хорошенькая, но довольно и грубая девушка? это говорит сердце, хоть и не сильно, а так; а голова говорит: нет, вздор; посмотри, как она ведет себя, разбери степень развития и отличи его от самой натуры и увидишь, что нет. В самом деле, так естественно, просто, непринужденно, хотя иногда и не изящно, но всегда чрезвычайно мило, если под мило разуметь, что вообще должно быть, и притворного, фальшивого, пошлого — ничего нет. Напр., хотя теперь: пришел Ив. Вас., который, конечно, она понимает, смеется над нею и над ним, и она над ним тоже смеется, а между тем это так хорошо, что Любиньке никогда не удастся это сделать.

22 августа, 11 час. веч. — Утро прошло так: писал Срезневского только; был Андрей Иванович и весьма занимательно рас-

сказывал о своих дедушках и кулачных боях, так что старина наша так и выступала перед вами. Большой мастер рассказывать!

Ничего особенного, даже почти ни о чем не думал, кажется. В 5 пошел к Вас. Петр., как раньше думал, так; оба спали, он проснулся, говорит: «Надя нездорова». Говорил о Марье Петровне и Пархумове. Я просидел 10 минут и ушел в действительности потому, что она нездорова, хотя раньше думал уйти не поэтому, а просто так, как обыкновенно. Сказал ему, что уйду потому, что будет Раев; хотя солгал, но вышло так. Когда выходил, сказал в сенях: «Вам нужны деньги?» — «Да ну», — сказал он с обыкновенным своим в таких случаях видом. «Со мною теперь немного, всего 3 целковых», — и положил ему в руку. Он отнекивался почти, только было, конечно, неприятно отчасти ему, как разумеется само собой, и несколько пожал мою руку, но слабо, так что как будто не хотелось выразить и то, что благодарен. Это меня растрогало головою, сердце ничего. Деньги ему весьма нужны, я должен спросить у Ал. Фед.

Пошел домой; пришел в 6 час. Ал. Фед. и просидел до 10^{1/2}, говорил много и хорошо и о нем и от души и все, как всегда, даже лучше, но что это перед В. П., как и Ив. Гр., что перед Вас. Петр.! Не человек перед человеком, Булгарин перед Гоголем! Это я пишу головою. Все время, когда он сидел, сердце у меня, хоть слабо, съеживалось, и думал о Вас. Петр.; денег все-таки не спросил — просто потому, что не привелось, а не почему-либо и не какому-либо затруднению или что замешался бы — это вздор решительно, это я пишу в твердом убеждении, что это вздор — тут действительно нужны, а я что перед действительною нуждою? и моя щекотливость! она при этом случае и не мешает в дело и хорошо делает. А не спросил главным образом потому, что знал, что скоро буду у него, завтра же, и завтра буду в 9 час., в ответ на его предложение, чтобы я был у него. Завтра хотел зайти В. П., отсюда, т.-е. от Казанского, и посидеть.

Писал Срезневского и теперь написал до конца взятия*... 10-я страница. Теперь несколько буду продолжать, однако верно немного. Теперь решительно ничего почти не чувствую — 12 час. Дописал до устройства дунайских славян.

23 августа. — В 6 час. вечера пришел Вас. Петр. Мы сидели, несколько времени разговор был пустой, после он стал говорить: «Вы сами запутываетесь, давая мне; и странно, для чего вы это делаете; думаете ли вы, что после этого я более буду вас уважать? вовсе нет, да это и сами вы знаете, да и не интересуетесь моим мнением». — Это его сильно тревожит и ему даже как-то неприятно одолжаться, как он и говорил ныне и говорил два раза, тут и после, когда я пошел его проводить. Встал уходить. — «Зачем?» — «Да она теперь, я знаю, что плачет; мне ее жаль, я знаю, что ей тяжело, очень тяжело, хоть ни слова об этом не говорит. И зачем я это

* Одно слово неразборчиво. Ред.

сделал? Если бы не она, ушел бы, да и кончено, был бы спокоен; а теперь вот нет. И ушел бы, если б она была одна дочь у отца или мог бы оставить много денег. Эх, я какой! У Казанского 10 000 сер., взять бы, да знаю его, что умрет, а жалость есть в сердце, — жаль, умрет, если взять; так жаль было бы, что половину отнес бы снова ему, пусть пропадают, ничего, а 2 500 ей бы, да 2 500 домой, а сам пошел бы в Сибирь». Это говорено было с таким видом и тоном, как обыкновенно говорит он такие вещи, так что видно, что он не то, что думает это, а вообще нечто в этом роде. — «А жаль ее; она, бедная, много переносит горя и чувствует его, между тем как я уж и не чувствую; и не заслуживает его, потому что у нее в душе много добрых качеств, очень много. Да хоть бы уж одна скверная квартира чего стоит, сколько делает огорчения! И она надеется, что вот я получу степень в университете, и тогда вдруг переменится наша участь, а я уже не знаю, чего и надеюсь, сам не знаю».

Он говорил это таким тоном, что мне жалко было, это само собой, но вместе мне показалось, что он с большим чувством говорит о ней, чем раньше. И сам же удивляется: «Как я равнодушен к ней! Это оттого, что я решительно окаменел; а между тем она так много меня любит, что я даже не знаю, за что». — Я говорю ему: «Конечно, вам это покажется смешно, но на это скажу я вам словами Веры из письма ее к Печорину: «В тебе есть что-то такое, что любящая тебя не может не смотреть с презрением на всех других мужчин», и действительно, стоит только сравнить кого-нибудь с вами, чтоб он совершенно исчез со всеми своими качествами, обратился в ноль». — Он это принял серьезнее, чем я ожидал: «Я знаю, что вы это говорите от души, но дело в том, что вы знаете только одну половину меня, а другую не знаете, и что я хуже, чем вы предполагаете. И чего я ни делал, чтобы выпутаться из этого положения, да вот недостает практического ума и опытности, и не могу — вижу, что все не успеваю: у Абазы сказали, что мест нет таких, которые были бы хороши, а конторщик получает всего 25—30 руб. ассигн. жалованья. Одно остается — поступить на службу, но знаю наперед, что с полгода не выдержу, не знаю, когда срок приемный». — Вообще, пока мы говорили, он более, чем раньше, порадовал меня, хотя, конечно, в сущности все грустно: он не теряется, не отчаивается, все отыскивает средства и способы. — Великий человек! И она, кажется, более и более пробуждает его участие, хоть он и говорит, что попрежнему равнодушен к ней. Он говорит: «Я не понимаю, сколько у вас доброты, что вы занимаетесь чужим горем, я не охотник до этого, потому что — верно оттого, что сам много натерпелся его — во мне чужое горе возбуждает самые неприятные мысли». — «Да ведь вам может быть легче, когда вы скажетесь?» — «Да, иногда бывает». Его стесняет и это! Боже, какой человек! А когда он говорил о деньгах! Я был так глуп, что даже не переменялся в лице и не сконфузился, как ожидать должно было, но не нашелся переменить предмет разговора и переме-

нил, уже когда довольно много говорил об этом неприятном предмете.

После пришел Ал. Фед., вскоре после [него] Снежницкий и Горизонтов. При них, разумеется, у нас разговор шел кое-как, — говорили о детстве, о том, как он был в семинарии; он хотел уйти, я говорю: «Неловко; слышите, стучат, значит чай, должно напиться». Он хотел притвориться, что не слышит, но снова застучали, и он остался. Когда напились, он пошел, я за ним; дорогою говорил об Ив. Вас.: «Это человек, что он всем, кто на палец ниже его, наносит оскорбления, и мне нанес бы, если бы я не был так зубаст, а вот Надя слабее, так он и делает; и я думал, что она не понимает — нет, понимает весьма хорошо и оскорбляется, — напр., тем, что тогда, когда он был без меня, он был в пальто, без сюртука и расстегнулся и высунулась рубашка; это свинство, и она сильно оскорбилась, и тем тоже оскорбляется и замечает, что он вообще и раскланивается с ней, и делает ей такие вопросы странные, и говорит так, — это свинство, и я не думаю, что это не намеренно». — «Что в пальто без сюртука, — сказал я, — это может быть без намерения, а поклоны и вопросы и тон обращения очевидно умышленно». — «Да, — сказал он вдруг, — позабыл взять «Мертвые души» (мы были в это время у Гороховой). — «Воротимся, — сказал я, — и возьмете». — «Нет, теперь уже 8 час., и она плачет, бедная; да и не хорошо, потому что Раев здесь; я зайду завтра». — «Она читала?» — спросил я. — «Читала». — «И понравилось ей?» — «Конечно, потому что у нее много природного ума и здравого смысла, и она эти вещи понимает, конечно, во сто раз лучше Ив. Вас. и ему подобных и никогда не назовет «Женитбы» и «Игроков» вздором и не скажет, что «Ревизор» ни то, ни се». И стал снова говорить о деньгах: «Я много думал после, как вы ушли». — Звал к себе, — странно, зачем, когда видел, что я не одет, — но, конечно, не стал принуждать. Когда я воротился (в 8^{1/2}), гости уже ушли, что мне было несколько неприятно. После читал «Мертвые души» несколько, несколько сверял лекции, с 10 до 11 спал, после ужина. Дописал до религии южных славян, сверял до богослужения. Ничего почти нынешний день сердцем не чувствовал, и когда говорил с Вас. Петр., только тогда чувствовал несколько, но не так сильно. А он когда говорил, то дышал даже так тяжело, что было видно, так весь колышется. 12 часов, ложусь.

24-го [августа], 12 час. вечера. — Утром писал письмо, сам понес, чтобы быть в университете; там получил от Алексея Тимофеевича Ивану Григорьевичу и прочитал газеты Санкт-Петербургские за нынешний день. — Луи Блан, Коссидьер отданы под суд³⁸; вообще, как видно, большая реакция и много уже двинулось назад с февраля. Это нехорошо. Дома Любинька прочитала, что в Академию посылают Промптова, Клюкова и Кипарисова. — Мне вздумалось несколько о Левицком. Хорошо, что Промптов туда едет. После писал до 6^{1/2} час., перемешивая это чтением вслух «Мертвых душ» и разговорами. После пришел В. П., пошли

к нему. Он говорит: «Лучше б у меня болели зубы, чем у нее», и вообще все себя несколько, едва-едва, лучше; но мне стало неприятно: все-таки она всегда ласкается к нему, а он никогда не приласкает ее. Она в самом деле весьма, весьма добра: зубы болят весьма сильно, и она чрезвычайно хорошо держит себя — не кукуется, не хнычет, а тверда; мне сказала: «Я собиралась вам сделать выговор: зачем вы всегда подойдете к воротам и уходите назад?» — Я сказал В. П., что это нехорошо, что он рассказывает, в самом деле она может этим оскорбляться, что мне скучно бывать у них или т. п. — «Если б, — говорит он, — я нашел 10 тысяч вместе с Николаем Гавр., уходил бы его». — «А я, — говорит она, — так разделила бы». — «Нет, ты позвала бы его сюда к нам делить, а я уходил бы». — «Нет, не дала б, как можно?» — «Мы оба с ним не сладим?» — «И стала бы кричать». — «Да ведь он пропадет за это?» — «Нужды нет, зачем хотел убить». — Когда стали пить чай, я не хотел, потому что пил и потому что это ведь расход для них. Она и раньше меня заставила как-то выпить, и теперь. — «Ну, так не наливай и мне, и я не буду пить, пей один». — «Да ведь он в самом деле пил». — «Нужды нет». — «И если бы он хотел, то сказал бы». — «Нет, не скажет», — сказала она. — Он уверен, что я не поцеремонюсь, а она напротив и лучше его угадывает меня — это меня порождало, как доказательство ее ума и проницательности. Тогда это только в голове, а теперь рождается убеждение, что она заставит его полюбить себя и в самом деле; и когда припоминаю все, как я был у них ныне и она вела себя, на меня нисходит самое благоприятное впечатление: «Я, — говорит она, — не могу видеть не только как человек, даже как кошка или собака страдает»; — в самом деле, чрезвычайно доброе сердце. — Он говорил после чаю, когда она ушла, потому что зубы заболели сильно, что «Мертвые души» Гоголя выше, по его, «Гамлета»: «Вот, — говорит, — сказать это Никитенке — разинет рот, а почему разинет — сам не будет знать; это, говорит, удивительно». — Лермонтова, за которого стихами по просьбе Любиньки и Ал. Фед. собственно я заходил, не было у него дома.

Идя оттуда, встретился с Ив. Вас., который рассказывал про свои дела, после о Марье Константиновне, после о том, как он доказывал ее брату, что он глупо сделал, что женился, а у того уже дети. «1 000 руб. жалованья и жениться — да на что? Ко мне будет ходить для этого прекрасная и преблагородная за 400 р. в год». — Человек решительно без души и сердца и дурной. Мы проходили с ним полчаса, он сказал, что устал, а между тем я ушел, а не он. Мне было даже весело его слушать: так это все странно, глупо, тупо, надменно, самоуверенно.

Пришедши домой, Любиньку застал одну, она дожидалась Ив. Гр. Чтобы не дать ей тосковать о нем, я стал ей говорить об Ив. Вас. и вместе смеяться, хотя, конечно, ей это было не совершенно занимательно, но несколько было, когда я сказал, как он убеждал женатого человека в глупости женитьбы и что он осуждал

Ив. Гр. за то, что женился. Она этим заинтересовалась сильно и стала расспрашивать и говорить об этом и осуждать Ив. Вас., между тем как раньше постоянно заступалась за него. Так, то справедливо, что только когда нас коснется, мы интересуемся, и наше положение имеет чрезвычайное влияние на нас.

Ив. Гр. в 11 час. воротился и сказал, что Кульматицкого посылают в уездные учителя, потому что не выдержал экзамена, и переменить этого нельзя. Сердцем ничего не чувствовал, только теперь, когда писал о Над. Ег., несколько чувствовал; на голову произвело теперешнее писание о ней сильное влияние — почти убедило, что он полюбит ее, между тем как когда я был, кажется, я был почти решительно не переменен в своих мыслях. Половина первого, ложусь. В. П. взял «Мертвые души». Дописал до обрядов и сверил до введения христианства.

25 августа, среда. — Все время писал Срезневского, кроме только обеда и чаю. Да, чаю я все пью по два стакана, кроме того только, что утром на другой день после вечера, когда решился, выпил только один; увидел, что это бесполезно, да и лень отстать. После обеда приходил Ал. Фед., просидел 1½ часа; когда я спросил денег, он сказал, что верно нельзя будет дать, однако, посмотрит. Когда он ушел, я несколько задумался пишуци: — что же теперь? где взять? во-первых, на прошение, а во-вторых, для Вас. Петр.? Думал продать книги, да это вздор, на 3 р. сер. не продашь. Однако, головою только несколько думал нынешний день, да и то мало, сердцем ничего почти не чувствовал. Теперь 10 час. вечера.

26 августа, 11 ч. веч. — До 6 писал, в 6 пришел В. П. Когда входил, мне показался веселым несколько — я немного подумал о притворстве, но слишком бегло, а скорее думал, что в самом деле довольно легкая минута у него. «Идем». — «Посидите». — «Нет, идем». — Это должно было возбудить подозрения, однако ничего не вздумал я. Пошли. Он снова не говорил, или если говорил, то рассеянно и пустое довольно, так что снова должен был возбудить подозрения, я снова ничего не думал. Переходим мы по камням от Введенской церкви к мосту, он, оглянувшись, сказал: «Право, если найдет слишком тяжелая минута, я узнаю, у кого есть 1 000 р. сер. в кармане, и украду; половину отдам Наде, половину домой, а сам пойду в Сибирь». — «Нет, это чрезвычайно нехорошо», стал говорить я; он не согласился, говорил, что пустое, а я говорил: «Если бы вы были один, я ничего не мог бы говорить против этого, но вы подумайте о ней». — «Что ж? я не скажу имени; конечно, будут бить, — ничего». — «Но что будет она делать? во-первых, отец возьмет ее и отнимет, и она будет жить как работница у него; а если и не отнимет, то что [такое] 1 000 р. сер.? на 4—5 лет, а после что? Нет, вы гораздо лучше сделали б уж, если бы... но я не хочу и говорить этого (я думал: если бы обесчестил ее в девушках и бросил, лишивши имени и чести). Одним словом: нельзя ни за что осудить человека, но это чрезвычайно нехорошо с вашей

стороны относительно ее. Это с материальной стороны, а кроме того, есть и нравственная, сердце». — Мы подошли к углу, я повернулся, он звал к себе, я был не одет. Он говорит: «Это хитрость, что не одеваются, — вам скучно». Я уверял, что нет, он не верит. Пришел домой.

Его слова поразили мою голову (т.-е. как тяжело его положение!), но сердце ничего и теперь ничего, только когда я шел, несколько сжималось. И я отчасти виноват в этом! написал домой, чтобы не присылали денег! не мог рассчитать! Когда сидел за чаем, вздумал, если не будет у Ал. Фед., можно спросить у Ив. Гр., хотя для себя никогда или после всего спросил бы. Не знаю, говорит ли мне что, что он выйдет из этого положения, но мне не верится, что он кончит ничем! Не знаю, но этого не должно бы быть!

Был у хозяев после — она именинница и за мною присылала, поэтому я нехорошо сделал, что не поздравил утром. Там нашел сына их и когда увидел, что ограниченный человек, мне показалось, что раньше я с первого раза этого не заметил бы и теперь стал проницательнее от Вас. Петр. и встреч с людьми, которых разбирает он.

Странно, что я не мучусь Василием Петровичем и думаю теперь о нем немного разве менее хладнокровно и лениво, чем о своем свидетельстве, — вообще верно чувствительность изнутри, а не извне, как я раньше замечал, что чувствования зависят не от места, а от времени, так и волнение сердца не от событий, а так от чего-то беспричинного.

Вчера дописал до построения Болеславии, ныне до княжеского рода. Завтра в 5 час. в университет, оттуда к В. П., чтоб не оставлять его одного и чтобы уверить его несколько, что я не скачаю у него.

27 августа. — До 5½ час. писал и ни о чем не думал, после пошел в университет; там Савельич говорит о Срезневском слишком нехорошо — на него слишком жалуются, как на экзаминатора, и когда я шел оттуда, мне кажется, что мое прежнее расположение к нему сильно поколебалось, и я вздумал, что решительно правы те, которые были недовольны моим поведением относительно его, и что я не должен никаким образом подавать на медаль. Прочитал письмо — поразила заботливость и постоянная дума о нас.

Пошел к Вас. Петр. Должен сказать, что Над. Ег. весьма понравилась собственно мне: как при таком тяжелом положении и столько еще иногда веселья и внимательности! Она была вчера у матери и мать ныне у нее. Он, как я вошел, сказал: «А Надя всегда говорит, когда мы ходим посмотреть квартиру и не можем найти, что это бог дурак не дает нам денег!» Она прибавила, что, может быть, он не слышит. Я говорю: «Нет, слышит, да жаль, последствий из этого нет», т.-е. не дает, хотел я сказать. Она поняла не так, кажется, и сказала: «Да уж лучше бы он наказал

за это и умерла бы». — Потом они все говорили между собою, я все молчал, это было два часа целых, и во время разговора я сидел как будто в другом месте, совершенно бесчувственно сердцем, хотя головою чрезвычайно; нехорошо: вот и она заговорила о деньгах и все говорит! верно, слишком мало! и тесно им, тяжело, грустно! Но сердце ничего не чувствовало и не чувствует — странно, как раньше было перед женитьбою его.

Он говорил несколько нехорошо с нею по-моему, и, напр., сказал, что мне весьма не понравилось: «Украдь у Шереметьева 10 000 р. сер., тебя пустят, ты скажешь, что тебе нужно, женский пол пускают». Как бы сводник! Недостойна, конечно, его мысль, — подумалось мне! Вот до чего доводит тяжесть бедности такая даже благородных людей. Она говорит: «Лучше умереть, чем жить в этой зале», как она называет насмех комнату, и все ласкается, целует его. Ныне вела себя при мне более свободно, чем когда-либо, хныкала шутя, напр.: — «Что ты мне мало сахара кладешь, а себе много» и т. п., весьма мило. Лицо решительно самое милое, характер самый прелестный, какой только я встречал, такой непостижимо добрый и вместе и сильный характер, и веселый. Я это так говорю, а сам ничего не чувствую. Или говорит ей, когда она говорит: «Тебе еще можно здесь жить, ты часто не бываешь дома, а я всегда тут»: — «А что не ходишь к маменьке?» А ведь, разумеется, она не ходит из-за него, что не бывает. Бедность, бедность! О, скверно, скверно! Он говорит об убийствах при ней и говорит: «того-то убил бы», и проч., и это нехорошо, однако это уж не знаю, нехорошо ли! Теперь я в первый раз увидел, что она слишком хорошо понимает, что теперь у них нет доходов и нечем жить. Мне снова пришло в голову, что и теперь он уж виноват перед нею. В 8^{3/4} ушел. Она заставила снова пить чай.

Дописал до религии чехов. Срезневского хочу оставить, если он не переменится, а должен буду приниматься за Куторгу, Устрялова или Никитенку. 11 ч. 50 м.

28 августа. — Нынешний день, конечно, от влияния вчерашнего, прошел довольно нехорошо и неприятно. Весь день не хотелось делать дела, может быть и кажется оттого, что вчера же вздумал, что подло это, с одной стороны, прислуживаться Срезневскому, когда он так делает и когда другие имеют справедливые причины быть им недовольными.

Встал в 10 почти часов, утром почти ничего не делал, после обеда тоже. Расположение духа было довольно неприятное; несколько, хотя мало, щемило, главным образом, конечно, оттого, что думалось о В. П., потом, конечно, и оттого, может быть, что думалось о себе после этого, — что я не устроен, покровителей нет.

Этой мысли ясной не было, но может быть была темная, и пришло, когда пришел Ал. Ф.: да что в самом деле? В. П.-чу только 9 месяцев прожить как-нибудь, после диплом и пошли дела. В 6 час. пришел он, говорит: «Пойду». Не хотел ни минуты сидеть, принес только «Современник», чтоб [я] отнес к Залеману и ска-

зал, что он нездоров, — ему с ним видется что-то не хочется. В ту минуту, как я одевался, пришел Ал. Фед., просидел до 8 слишком часов, было прескучно, мне было тяжело, я думал о В. П., который уходя сказал: «Иду к тестю, нужно быть там». — «Что же?» — «Третьего дня была Надя, он сказал: ступай вон; и вчера прибил жену, которая в слезах пришла и просила, чтоб я как-нибудь помирился: это, говорит, ты ее избаловала! и бьет ее». — Не вышла бы история, т.-е. не растрогался бы слишком В. П., хотя я знаю, что это глупо: не тревожится он каждый час. Завтра буду у него, как сказал. Ал. Фед. приходил звать завтра к себе помочь перевозиться. После писал несколько, с час, теперь ложусь читать. Дописал до Велеса у чехов. $\frac{1}{2}$ 10-го. Луи Блан, сказал А. Ф., бежал.

29 августа. — Утром ходил к Залеману, отнес «Современник». А когда просыпался, был весьма обеспокоен своим положением: свидетельства не достал и денег нет, и В. П., так что сделалось весьма тошно. Залеман сказал, что будет в час у В. П. Я пошел к нему сказать, чтоб он приготовился принять или не ушел. Пришел — его не было дома: ушел к Казанскому. Над. Ег. была одета и была весьма хороша, весьма хороша, так что я давно не представлял ее себе такою хорошею. Она сказала, что он верно через час воротится, и звала к себе, чтобы вместе гулять. Я колебался, когда идти, — в 5 или $7\frac{1}{2}$ час., чтобы не заставить ждать себя. Сказала, что они хотели идти вместе с ее отцом и проч. к тетке на Крестовский, куда 6 августа звал отец, а В. П. не пошел, отчего и началось разногласие. Я посидел 5 минут, более не стал. В 7 час. пошел (после обеда вчера несколько заметил, а теперь сильно подумал и несколько убедился, что после обеда точно хуже расположен к занятиям) к ним. На дворе выпало стекло из очков и разбилось. Я пошел к Шеделю, на дороге встретил Ал. Фед., который позвал к себе — он был вместе с Лилиэнфельдом, и сказал, что Лилиэнфельд хочет со мною познакомиться. Я обещался зайти и сам подумал: как в самом деле случай все устраивает: нужно денег и я не хотел просить, — он заставляет просить, и я хотел у Любиньки, что было бы мне неприятно — он сделал, что теперь есть случай у Ал. Фед. У Шеделя закрыто. Воротился к Ал. Фед., стал говорить с Лилиэнфельдом. Дело [началось] с того, что Ал. Ф. сказал: «Вот он вам расскажет, что было с Луи Бланом». Я сел, заговорили об университете, после о политике; я защищал социалистов, Францию и ее вечные волнения, Прудона, он говорил против. Человек умный и человек, который хорошо держится против меня в этих вещах, в которых Лыткин и другие спрашивают меня. Хорошо, он мне понравился, умный человек. Он говорит, что осуждает крайности, что лучше английская конституция, где мысль раньше должна пройти через высшие слои и там созреть, между тем как во Франции она еще не готова, не довершена, а уже низвергает настоящий порядок, и проч. Однако вскоре меня поразило то, что как мы почти равно знаем события

и историю, то очевидно, что мы оба знаем, т.-е. я знаю, плохо; между тем как когда я говорю с Лыткиным или т. п., то я всегда кажется все знаю и история вся служит мне. Наш разговор был настолько беспорядочен, что мне снова показалось (что я замечал и раньше при разговорах с Ив. Гр.), что я не умею еще держаться в споре идеи главной, так, чтобы не дать себе и другому запутать предмета. Я хотел бы продолжать знакомство с Лиэнфельдом, умный человек, — по крайней мере, так показалось. После остался с Ал. Ф. один и взял 3 р. сер., потому что видно, что много, так, чтобы можно было взять для Вас. Петр., дать он не может. Лиэнфельд сказал, что Адлер, знакомый В. П., получил премию и место инспектора у Лазаревых, — об этом должно сказать В. П., не получит ли он через него.

Дописал я Zyt Wrat*. Кажется, теперь мои дела относительно свидетельства устроятся; что-то В. П. — У Ал. Фед. просидел с 8 до 10^{3/4}, теперь 11^{1/4}.

30 августа. — Весь день ни о чем не думал, был так себе решительно, как бы думать о чем-нибудь человеку и не следует. Писал, все как следует, и только. В 12 час. пришел Корелкин с Дозе, новым студентом. Я ему много врал, напр., что очки сняты с меня по указу Михаила Павловича, и проч. Он пишет на медаль и написал словарь. Скоро ушел обедать к родным. После Любинька сказала: «болят зубы». Я сказал: «схожу за лекарством», и пошел в аптеку в доме Сутугина. Там дали мне не того, какое я брал раньше, но которое было главною составною частью того и действует одинаково, хотя может быть не так сильно. Я взял пузырек из дома, который был с гофманскими каплями, и от этого лекарство воняет ими, а не собою. Купил чернил на 15 к. сер. — После обеда, в 7 час. веч. к Ал. Фед. Он был один. Просидел до 10, говорил с ним о Лермонтове, о великих людях; я все говорил о В. П., как его знаю, о сердце великих людей, таких, как Лермонтов, о «Герое нашего времени», он слушал и только делал замечания. Я говорил с охотою и некоторым волнением, хотя решительно без одушевления, которого у меня с ним не бывает; другое дело с кем-нибудь другим. Проговорил до 9^{1/2} час. После пришел Ив. Вас., я ему стал врать об устройстве нехороших домов на Сенной, где, я сказал, я сам бываю. Пришедши домой, писал письма домой и к Кондрату Герасимовичу, в котором ничего нет, только просил денег.

Дописал до того, что молитвы пелись у чехов. Теперь ровно 12; не знаю, какую пользу принес мне нынешний день, — кажется, никакой.

31 августа, 11 час. вечера. — Утром думал так: отнесу очки, после письмо, после пойду дожидаться очков к Вольфу³⁹, после в канцелярию обер-полицмейстера справиться, как и что должно писать и на какой бумаге, после куплю ее и завтра подам. В 10

* Неразборчиво. Ред.

пошел, все так; пришел к Вольфу, там читал газеты: Луи Блан в Лондоне, во Франции все более и более реакция, так что мне было неприятно; неприятно и то, что немцы так своекорыстны и глупо самолюбивы касательно Ломбардии: она всегда должна принадлежать Австрии, говорится в «*Illustr. Zeitung*»⁴⁰. Там взял чашку чаю — 15 к., прождал до 2 час., и шел дождь, то уж некогда было. Когда шел домой, раньше вздумал спросить у хозяина перед тем, как пойду к Ал. Фед.; а от Ал. Фед. к Вас. Петр., главное затем, чтоб сказать об Адлере и навести на мысль обратиться к нему. Но когда обедал, хотелось удержаться, ничего не говорить о западных делах, однако не удержался, стал говорить — что за глупость. К Ал. Фед. пошел в пять, дописавши до конца чешскую религию. Пришел, тотчас пришли носильщики, он ушел с ними, я, отделившись от Катерины Павловны, лег на диван и стал петь, сначала: «Ай, вдоль по улице молодчик идет», сколько знаю, «Ах, как пошел наш молодец», хотел «Сени», после, когда кончу, но запелось уже по-немецки *Wie herrlich leuchtet*⁴¹, после песни Маргариты, при которых я постоянно думал о В. П. и Над. Ег. — ее положение довольно трудно, как и Маргариты; наружного сходства никакого, внутренние я нахожу, их я перемешивал, все думал о ней; Шиллеровой Теклы *Der Eichwald brauset...*⁴² Когда пел эти песни, постепенно расчувствовался так, что стали катиться слезы. Так провел я с полчаса или более, лежал на диване, раскинувшись на спине и поя, слезы понемногу катились из глаз. Я думаю, что можно бы пользоваться квартирою А. Ф. для разговоров с В. П. — А. Ф. пришел, пошли туда, на новую. Когда там сидели, я спрашивал, будет ли он запирать, он говорит — нет, я думаю: хорошо. С ним вместе пошли. Когда шли мимо Олимпа, я зашел к нему и сердечное получил удовольствие, видя его и говоря с ним: добрый и хороший человек, и я к нему чувствую расположение. Посидел до 9; после пошедши, пошел к хозяину; он принял весьма хорошо и сказал, что это будет в 3—4 дня. — Хоть бы в две недели, хорошо бы! Завтра буду утром за бумагой, после в университет, после стану проверять лекции и выставлять цитаты, после обеда — у В. П. Жаль, что я не успел его видеть ныне. Думаю отдать Срезневскому написанные тетради, 14 листов, где южные славяне и чехи. Остается еще более половины.

Сколько могу заметить, в этот месяц я нисколько не переменялся ни в своих мнениях, — только разве стал немного холоднее к Срезневскому и перестал чувствовать враждебное расположение к Терсинским и почти не стал скучать ими, хотя чувствую, что это [не]хорошо так жить, — ни в положении; узнал в это время только Лилиэнфельда.

До свидания, милая тетрадь, теперь за другую. Дай бог, чтобы мне было можно более приятного и более хороших поступков, более радостного о Вас. Петр. написать в следующую тетрадь — дай бог. 20 минут 12-го, ложусь.

Сентябрь 1848 года.

1 сентября, 11 час. вечера. — В 10¹/₂ пошел за бумагой и в университет, в 5 хотел быть у хозяина, после к В. П., завтра подать прошение. Бумаги купил, у молебна не молился и не думал молиться, а говорил, а если не говорил, то так себе ничего. Стоял там вместе с Лыткиным и Славинским. Лыткин встретил как обыкновенно, даже, может быть, радушнее; за молебном узнал сына Сидонского, который идет по филологическому отделению и из 3-й гимназии. Проходя в церковь, на площадке, через нее у окна увидел Касторского и поклонился ему; после молебна он подошел, подал руку и сказал несколько слов. Это меня обрадовало: значит, он думает обо мне хорошо, как я и предполагал. Когда читали список и до меня дошли, сердце несколько дрогнуло, как бы я не совсем был уверен, что не оставлен. Наши переведены все, и Пшеленский и Соколов, а в I курсе оставлен Грефе. Что все переведены, это меня порадовало. Когда услышал, что Благовестлов исключается, [так] как не был два года и не явился на экзамен, несколько подействовало на голову; решился ныне же сказать ему. Когда сходил вниз, внизу встретил Куторгу, который довольно много поговорил со мною, как бы обрадовался, увидя меня, и это меня развеселило.

Пришедши домой, застаю Серапиона. — Как я счастлив: не нужно теперь идти. Он принес три первые части Гизо «Цивилизации во Франции». Когда он уходил, я, провожая его, сказал, что брат исключен. В обед пришел Ал. Фед., здесь обедал, после просидел до 7 час., играли несколько в карты, я несколько с охотою; пришел Ив. Вас.; Ал. Ф. позвал почитать газеты, — хорошо, я пошел, прочитал 24—28 августа, где есть о Луи Блане, что он в Лондоне, и протест журналистов — молодцы; а «Débats» и проч., которые не участвовали, нехорошо, если не по глубокому убеждению, но я склонен назвать их подлецами. В 6 час. был В. П., посидел с полчаса и играл за меня в карты. Он пришел с папиросами, и я в нем ничего не заметил особенного; сказал об Адлере — он схватился за «Кто виноват», а не о месте через него подумал. У А. Ф. увидел те номера «Débats», которые последние были у меня, — это, верно, он только [что] получил их от Савина или как зовут этого господина, который их брал, и есть надежда, что снова будет брать, между тем как раньше я решительно думал, что он перестанет. О «Мертвых душах», о которых говорил вчера мне, что надо взять, теперь позабыл, между тем как я несколько беспокоился, — что если узнает, что теперь их нет у меня. Однако, я думаю, знает.

Шел когда домой, встретил Олимпа, которому сказал о Репинском, о котором он просил узнать, что поступил; он говорит: «Сечь бы, остался в правоведении, а теперь переходит, а отец ничего; а как я вышел, он и ругался, и отцу писал». Олимп говорил горячо, и это на меня подействовало не знаю как сказать: во-первых,

как глубоко человек чувствует оскорбления! — Что ему сделал, говоря так, как говорил, Репинский? Чрезвычайно мало, и только раз посудил о нем, как теперь он судит сам о его сыне, а Олимп высказал, что не может вспомнить об этом хладнокровно и хорошо это помнит. — Ледрю Роллен, читал в газетах, говорил так хорошо, что даже «Débats» говорят, что должно все позабыть. — В 9 час. домой, хозяина не будет дома до завтра. В университете был, чтобы узнать расписание, а не для того, чтобы быть на молебне. Дописал чехов до обеда, а после прочитал 10 страниц.

2 сентября. — Ночью ходил за обыкновенною гадостью, но ничего не успел. В университете был — лекций много, скверно; у Грефе на второй был, читает совершенно как Фрейтаг, меня уморила эта детскость их, господ классических филологов. Грефе совершенный ребенок по понятиям своим, и мне совестно было смотреть на человека этого, которому 75 лет. На Софокла не остался и уговаривал других не оставаться, некоторые не послушались; я не буду бывать, как и на педагогических лекциях у него. У Никитенки буду бывать. Куторга читал о характере главных европейских народов, — основные мысли из Гизо, но распространение свое и много, кажется, не так; мне показалось, что это Корелкин, только в другом виде. Начатие лекций не произвело никакого впечатления, как будто они и не прекращались. Говорил я как обыкновенно, кричал, но разговор ни о чем не вязался между лекциями. В третью лекцию, когда был у Грефе Софокл, читал у Эрша⁴³ Hebert, Herault de Sechelles, и мне показалось, что я террорист и последователь красной республики. Я несколько поопасался за себя. После читал Hebraische Sprache, говорит: ни одна книга не раньше Давида. Что же, я говорю, разве откровение должно распространяться в букве, а не духе? Несколько родилось желание приняться за еврейский и библию.

Когда пришел домой, они не обедали. Это хотя порадовало мое самолюбие, но попросил Любиньку впредь не дожидаться и, кажется, не с такою нежностью и признательностью, как должно. После обеда был у Ив. Вас.; оттуда я пошел на полчаса к В. П., где Над. Ег. заставила пить чай. Он снова сказал: «что ж, если не хочет». Он думает так, она иначе — и угадывает. Пришел домой, говорили с Ив. Григ. о разных житейских отношениях, как-то о взятках и т. п., что необходимость брать, единодушно и весьма довольны друг другом. В. П. сказал, что выражение у Ал. Фед. иногда бывает нелепое; в самом деле, я сам это заметил по лицу его в полуоборот ко мне третьего дня, что действительно читаю недалеко от него на нем, — да, дурака часто можно узнать по этому. Просмотрел еще 8 страниц, писать не хочется, делать дело тоже. 11 час., ложусь.

3 сентября. — Снова не подал прошения и вижу, как худо сделал, что не подал раньше — теперь некогда. В университете объявление на 25 р. — не знаю, что, и мне ли, — никакого впечатления. У Фрейтага два раза срезался: во-первых, пересчитывая цезарей,

смешался, перемешал Калигулу и Клавдия и сказал in Florentia. Когда я стал говорить, он сказал: «Carissime Tschernyshevskil! Saepius eram offensus voce tua obscura^{*}, постарайся сказать яснее». Carissime — значит не сердится. Он показал и Грефе меня. Устрялов понравился, как раньше, но необыкновенного впечатления не сделал. У него видел В. П., ничего не говорил особенного. Куторга ничего, немного лучше, чем раньше. Пришел домой — Любинька ждала обедать; я просил не ждать впредь; она говорит: «нет, ничего». Это хорошо на меня действовало. Ходил в лавки по Садовой за Светонием, которого раскупили в магазинах — дорог, но видел Гете — 10 р. сер. и Шиллера — 8 р. сер., это меня задело: так дешево! — Пришел Ал. Ф., просидел до 8^{1/2} и сказал, что привез газеты; «Мертвые души», чего я боялся, не спросил. Любинька говорила, когда еще его не было (за обедом): «отчего В. П. не пьет чай и уходит, как слышит стук или т. п.?» Это меня порадовало. Весь день ничего, более хорошо, чем дурно. Пересмотреть еще до 32-й стр. завтра не успею, хотя хотел раньше так. Куторге также не успел сказать, что хотелось бы быть у него на педагогических занятиях. В университете отличался циническими разговорами. Ал. Фед. сказал, что я должен был отсоветовать В. П. жениться, Любинька сказала, что это нельзя. Итак, А. Ф. не удержался и начал говорить, и сказал, что у него нет такого близкого человека, как я к В. П.

4 сентября, 5 час. — Проснулся в 6 часов. (Да, вчера ночью ходил снова, где Марья, наша прислуга, и клал свой... подле.) Стал тотчас читать лекции Срезневского, не успел однако. Фрейтаг показался ужасным педантом. Куторга говорил все старое. На третью лекцию пошел в почтамт, после читал в библиотеке несколько, пересматривал каталог французский, чтобы посмотреть сочинения Proudhon, L. Blanc, P. Leroux, Ledru Rollin, Guizot. Срезневский говорил против наших беллетристов и критиков: «Этот вздор, — говорит, — высоко ценят, ученый труд — ничего». Это меня несколько встревожило; он однако увлек и показался одним из лучших, кого я слышал. Он сказал между прочим: «Напр., хоть в «Отеч. записках» писал критики человек⁴⁴, который кроме новейшей литературы ничего не знал, да и вообще у нас пишут критику, сами ничего не зная, хоть, напр., чтобы писать на сочинение по политической экономии, должно же знать ее». Неужели это так, и критик, беллетрист тоже не имеет чрезвычайного влияния и чрезвычайных заслуг? И это не пристрастный взгляд? — Программа его обширнее и лучше, чем я ожидал. Воронин сказал мимоходом, что они живут еще на даче, — это меня с этой стороны совершенно успокоило. Из университета я шел не в хорошем расположении духа, теперь еще хуже, отчего — сам не знаю: поводов никаких нет, напротив, мне прислали 10 руб. сер., Любиньке велели отдать 15 р. сер. Из этих 10 р. сер. 5 ныне же

* Милейший Чернышевский, меня часто раздражал твой невнятный голос.

отдать должно В. П-чу. Фрейтаг уморил бы, если бы не было скучно и совестно, своим детским педантизмом и своею глупостью, надутостью или как это назвать.

10^{1/2}. — Весь вечер до 8-ми ничего не делал, кроме того, что прочитал повесть в «Отеч. записках» 1839 г. «Прошрое» Корфа⁴⁵, которая понравилась; хотя несколько заметил пошлого, но мало, и хорошего больше. После пошел к Вас. Петр. отдать 5 р. сер. и взять «Мертвые души» и сказать о «Современнике», что он у За-лемана готов. Просидел час, говорили об университете; для Над. Ег. было скучно. После пошел домой: поговорили несколько о зверинце, где был Иван Гр.; после читал в «Отеч. записках» 1839 г. «Лев»⁴⁶, — довольно хорошо.

5 сентября, 11 часов. — Ходил к обер-полицмейстеру, подавал прошение, но был пожар и поэтому не принял. После заходил оттуда к Ол. Як., которого встретил и прошелся. Ждал В. П., читал более «Отеч. записки», несколько страниц «Мертвых душ», большую часть дня провел, как проводил раньше, в так называемом бездействии, но все-таки написал две страницы новых лекций — образ жизни балтийских славян и дочитал прежнее. Вечером был А. Ф., принес «Débats» 22 июля — 27 августа, а после, когда он ушел, [я] несколько читал их и теперь буду читать. Почти ни о чем не тосковал. Завтра подам просьбу и отдам Срезневскому тетради. Прудонову речь в ответ донесению Финансового Комитета (Тьеру) начал читать — какой необыкновенный жар! В самом деле (хотя это никакого особого впечатления не сделало еще на меня), не решительно ли [я] революционист, что не осуждаю с первого раза его и сужу о нем, что он высоко стоит и будет стоять в истории? — Ждал В. П., он не был; я о нем мало думал.

6 сентября. — Вчера вечером и этот день утром читал донесение Следственной Комиссии Национальному Собранию⁴⁷, и странное дело — в сущности нет ничего странного: оно несколько не переменило моего прежнего мнения о Луи Блане и о партии, которая теперь стала снова господствовать во Франции. Там приведены отрывки из речей Луи Блана в Люксембурге⁴⁸, которые не были напечатаны в «Монитере»⁴⁹, они провозглашают, что это говорить есть великое преступление и что они в ужасе от этого, а мне кажется это самыми обыкновенными теперь речами, выражением мыслей, которые должен предполагать каждый умный человек во Франции у себя и у другого умного человека — что народ выше Собрания, — следовательно, имеет право повелевать им и т. д. Действительно, эти люди пристрастны, как партия, а мне кажется, я сужу, как история, как судил Гизо прежние времена. Они, конечно, не могут удержаться от преследования этих идей, но эти идеи велики и в них благо человечества и грядущее его. Луи Блана я уважаю, как и раньше! Что за сила, что за последовательность мысли и слова в этом человеке! И как он одушевлен своим убеждением! И как он убежден! И как он предан своим идеям и

верит в их могущество и право и святость, и в то, что победят они и победят сами собою, как всегда правда и право должны торжествовать, потому что ничто не устоит против них, и что по этому-то самому они не нуждаются в насилии, в интригах!

После пошел к обер-полицмейстеру, подал; в библиотеку нашу; туда пришел В. П., мы вышли к XI аудитории, где никого не было, и сидели. Я стал говорить о событиях, которые читал, о следствии этом. Пришли Залеман и другие; он просил меня зайти к Залеману за «Современником», за которым, говорил, зайдет сам, между тем не зашел, хотя я «Современник» взял. Срезневскому отдал написанное. Он кажется не ожидал и предлагал мне все книги, которые нужны для этих или настоящих лекций, и свои тетради, как материалы для их составления; я об этом завтра скажу. После все читал «Современник», т.-е. IX №, «Тома Джонса», — не то, что «Мертвые души»! только факты, правда, а не слова, в словах нет необходимости, это вообще болтовня, а в «Мертвых душах» не то! здесь и слова, и дела! Все лежал на диване, читал несколько «Débats», теперь снова ложусь читать. Ровно 11 часов. День был веселый довольно, приятный, т.-е. расположение духа вообще хорошо, ни о чем не думал, как почти все эти дни. Разумеется, как всегда, главный предмет В. П., но *implicite*, а *explicite* * нет мыслей и не теснит сердце.

7 сентября. — Утром читал, как и остальной день, «Débats». В университете шумел много, особенно с Корелкиным, которому читал сильные речи. У Никитенки на педагогической лекции был один наш курс, — я получил надежду выйти через него, — он сказал: «Кто же, господа, имеет готовую мысль, чтобы писать?» — Я хотел сказать, что буду писать разбор «Княжны Мери», но Главинский предупредил, и я остался так. Идя дорогою, вздумал, что всего много, лучше взять один характер, и выбрал Грушницкого, что верно и буду писать, если не буду писать об отношении поэзии к действительности⁵⁰ — тему, которую предложил Никитенко. Я теперь думаю о себе, что сделаюсь деятельнейшим участником этих бесед и могу через это выиграть — 1) мнение Никитенки и Плетнева, 2) и дальнейший ход.

Пришел домой. Пришел в 4 часа Вас. Петр., посидел около часа, все порываясь идти домой; тут он несколько проговорился и сказал, что «ведь вы будете читать» и «я буду в тягость», и я увидел, что он не ходит и не сидит не потому, что не хотел бы оставить одну Над. Ег., а потому, что думает, что неприятно его присутствие и, во-вторых, может, мешает мне. Он говорит: «Она довольно сносна; и хорошо, что не походит нисколько на отца, этого преподшлого человека: сына хотел лишить места, потому что им ничего не присылает; я ему сказал, через мать, что если он это сделает, я не позволю ему войти к себе». Я сказал, что у нее много проницательности (и разумел под этим то, что она заставляет пить чай, между тем как он думает, что я не пью потому, что не хочу

* Внутренне, а внешне.

или что не нравится). — Он говорит: «Да, есть пронизательность». — Я стал говорить — в это время мы стояли, облокотясь на комод — он к двери боком, задом к двору, я задом к улице: «Да, вы нехорошо делаете, что говорите такие вещи, что, напр., поступить на место за Троицким мостом помешало вам [то], что вы женаты, — от этого недалеко мысль, что «следовательно, я ему помеха», и это может быть причиною большого горя». Он говорит: «Это ничего, она об этом не думает, точно так же, как и о том, что я не пишу родным; напр., не читала еще письма, хотя я оставил его на виду». Я стал говорить, что из того, что она не показывает вида, что это ее огорчает, нельзя вывести, что не огорчается, и привел в пример Любиньку, что многое не говорится Ив. Гр-чу, о чем она говорит мне, напр., происшествия во время похорон дочери и пр. в этом тоне. Не знаю, согласился ли он со мною; во всяком случае, ничего не сказал: или не хотел спорить, или согласился, — первое скорее.

Пришел Ал. Ф. и вел себя относительно В. П. не так, как должно, — напр., начнет разговор и снова уйдет к Ив. Гр. После, когда В. П. ушел, он посидел и пошел вместе к Ол. Як., у которого он велел мне просить 50 руб. сер. для него; следовательно, думаю я, он не понимает настоящих денежных моих отношений с В. П., не думает, как я опасался несколько ранее, что что я могу достать, то, конечно, достану не для него и, пожалуй, если выразиться романтически, не для себя, а для В. П., как и ни пронизателен он и пр. и догадлив вместе, это правда. После читал «Débats», теперь следует читать 26, речи Ледрю Роллена, Луи Блана и Коссидьера. 11 час. Ничего не писал Срезневского.

8 сентября. — Вчера до 3 час. читал объяснения Ледрю Роллена, Луи Блана и, пропустивши Коссидьерово, — конец заседания. Ледрю Роллен сказал превосходно, не хуже, а, может быть, лучше какого-нибудь Верньо, которого, однако, я знаю только по отрывкам у Беккера. Что за высота, на которую он возвел прение! Он не оправдывался, а разил своих противников, он обвинитель, а не обвиняемый, и не совсем-то ловко должно было быть было Комиссии, когда он так говорил. Он говорил собственно не о себе, а об общих началах, и о Луи Блане и Коссидьере: «Нет, вы не должны отдавать их под суд!» — Превосходно, так что я начал, наконец, читать вслух. После также хорошо стал говорить Луи Блан. В первой части своей речи, когда он говорит об общем направлении дела и оправдывает свое участие, он также велик, может быть, еще выше Ледрю Роллена по красноречию и увлекательности; во второй, когда он объясняет свое поведение в мае, он удивителен, хотя здесь интерес не такой общий. По моему мнению, он совершенно уничтожил, точно так же, как и Ледрю Роллен, все обвинения, на него возводимые, совершенно уничтожил, так что я даже дивился, как у него достало, как и [у] Ледрю Роллена, средства и силы так оправдаться. Я всегда считал их невинными перед историей, теперь вижу, что они невинны должны быть и перед судом

полиции, если только судить будет она беспристрастно. Великие люди! Поведение Следственной Комиссии недостойно — она, как справедливо доказывал Ледрю Роллен, переступила границы, ей назначенные для исследования, рылась там, где не должна была, и не искала того, что должна была искать, и все-таки ничего не нашла, что бы не возвышало этих людей. Она, как доказал Луи Блан, отыскивала клеветы, принимала свидетельства, не заслуживающие никакой веры, даже сама дополняла их своими догадками и оставила в своем докладе в стороне все, благоприятствующее Луи Блану. Они вели себя (г. Одилон Барро и пр.), как люди, ослепленные политической ненавистью, и вели себя неблагородно и нечестно. Одним словом, эти защищения были так основательны, что странно, как могли решиться обвинять: ведь знали, что имеют дело с людьми, которые тверды духом и чисты совестью и сильны словом. Да, они (Луи Блан) имели право сказать: «Я убежден, что ни один честный человек не может не быть убежден, что я невинен». После — какая недостойная сцена, эти требования генерального прокурора и Кавеньяка! Какое пристрастие, и этот Кавеньяк явился мне, судя по своим речам, глупым, хотя, может быть, и честным человеком, который выучил несколько фраз и переминает их и который думает, что глупостями можно успокоить Францию, а не излечением социальных зол! Эх, господа, господа, вы думаете, дело в том, чтобы было слово республика, да власть у вас, — не в том, а в том, чтобы извратить низший класс от его рабства не перед законом, а перед необходимостью вещей, как говорит Луи Блан, чтобы он мог есть, пить, жениться, воспитывать детей, кормить отцов, образовываться и не делаться мужжины — трупами или отчаянными, а женщины — продающими свое тело. А то вздор-то! Не люблю я этих господ, которые говорят свобода, свобода — и эту свободу ограничивают тем, что сказали это слово да написали его в законах, а не вводят в жизнь, что уничтожают законы, говорящие о неравенстве, а не уничтожают социального порядка, при котором $\frac{9}{10}$ народа — рабы и пролетарии; не в том дело, будет царь или нет, будет конституция или нет, а в общественных отношениях, в том, чтобы один класс не сосал кровь другого. И какое подлое лицемерство! «Мы не требуем приговора над ними», вы не суд. *Vous ne préjugez rien!** — Что за низость, — играют словами и накидывают маску! Если когда я был убежден в справедливости чьего дела, так это Ледрю Роллена и Луи Блана. Великие люди! Особенно я люблю Луи Блана, это человек духа, это великий человек!

А это сильное разочарование видеть, что так преследуют этих людей те, которые ничто перед ними, и, может быть, несколько подобных вещей, как решение Национального Собрания о Луи Блане и Коссидьере, заставят меня оставить мое убеждение, что не те теперь времена, как в 1793 г., когда казнили все всех, и что

* Вы не предрешаете ничего!

настали времена новые и лучшие, где уважают убеждение в противнике, где не думают, что законопреступно все высказать, всякое сильное убеждение, всякую новую, т.-е. новую только для господ, которые не хотят видеть ее во всей истории, мысль. «На эшафот! На эшафот! туда его — он говорит, что он сын божий! по закону нашему должен есть умереть!» Да, великую истину говорят Ледрю Роллен и Луи Блан — не уничтожения собственности и семейства хотят социалисты, а того, чтобы эти блага, теперь привилегия нескольких, расширились на всех! О, боже, дай победу истине! Да победит она.

11 час. утра с $1\frac{1}{2}$. — Это я писал, написавши письмо Дм. Ем. о Соломке. Утром читал «Венецианского купца» Шекспира — ничего особого не вижу. Правда, вижу, что есть большая сила таланта и что действительно говорит так, что видно, что человек, заставляющий говорить, весьма умен, но особенного ничего.

10 час. 40 мин. — После того, как написал предыдущее, стал писать Срезневского, написал $1\frac{1}{2}$ страницы; после пошел обедать; после пошел в канцелярию справиться, — записали в книгу, узнаю, должно быть, после. — Воротился домой через Невский, смотрел картины и женщин: ни одной лучше Над. Ег. Сердце, когда я шел оттуда и думал о том, что будет у них, несколько сжималось как-то. Пришел домой, лег читать газеты, которые прочитал до чаю; особенного ничего не вычитал. В 7 — к Вас. Петр., как обещал. Просидел там до $9\frac{1}{2}$; говорили о литературе и привидениях и пр. Она несколько говорила о привидениях, и разговор был хороший; говорили об Ал. Ф. и Ив. Вас., смеялись, как обыкновенно, над ними; говорили о Куторге, Никитенке, Устрялове, о которых имеем привычку говорить. Ныне и в прошлый раз я успел откатиться от чаю, между тем как раньше она заставляла. Мне как раньше понравилась она. Не знаю, однако, что это: когда я ее не вижу, а думаю о ней, то несколько мне боязно, не покажется ли она мне хуже, чем как бы мне хотелось, когда я ее увижу. Нет, не хуже. Ныне я любовался через стол (я сидел у дивана на стуле, она в углу) на ее шейку, которая была открыта, — грациозна. Завтра он хотел зайти.

9 сент. — Теперь пишу у Грефе на лекции. Буду писать об отношениях своих к людям. Самое главное место в сердечном отношении занимают Лободовские. В отношении к нему мое мнение остается попрежнему: я все так же его уважаю, так что не ставлю никого наравне с ним из тех, кого знаю, не исключая даже и самого себя. Но, к сожалению, должен я сказать, что в последнюю неделю, или даже две, мы не были с ним так часто и так коротко вместе, как бывали раньше, и поэтому я не так может быть много им занимаюсь, как раньше, и нового о нем долго не узнаю ничего. О ней мнение мое снова прежнее; ореол красоты и телесной и душевной, я сам не знаю хорошенько, окружает ее в моих глазах или нет, одно, я могу сказать верно, — что когда я жду, что увижусь с нею, мое сердце находится в волнении, подобном тому, как

[если б], напр., я должен был увидаться с Лермонтовым или Гоголем. Большая часть этого волнения, кажется, происходит оттого, что я трепещу за то, не открою ли я в ней что-нибудь разочаровывающее; после много происходит и от самолюбия, которое всегда говорит нам, когда мы должны увидаться и говорить с людьми, мнением которых мы очень дорожим: «как-то ты покажешься ему? как-то он будет судить о тебе? не оплошишься ли ты в его глазах?» А, наконец, бог знает, нет ли чего-нибудь и вроде той привязанности, которую, бог знает, как назвать — любовь, или дружба, или просто высокое уважение — последнее имя, кажется, будет лучше всего. Признаюсь, я мало думаю теперь об их положении, так, как будто не знаю его хорошо; это, конечно, оттого, что теперь у меня нет определенных планов и средств помочь ему, но также и от бог знает какого-то забвения, к которому я очень способен. Относительно его я думаю, что как Ал. Воронин скажет мне, что у них возобновятся уроки, я скажу ему: «А вот что: если б можно было, я бы хотел лучше, чтобы вместо меня пригласили одного человека, который, смею вас уверить, в миллион раз лучше меня». Не знаю хорошенько, много ли меня огорчит, если Воронин не согласится, но, конечно, будет для меня весьма приятно, если он согласится.

Относительно Терсинских я потерял почти всю враждебность против них и не готов схватиться и меня не занимают различные планы и расположения битвы с ними. О том, что я должен им, я мало думаю, потому что думаю, что они считают полученными как бы от меня деньги, которые получили из дому, однако, сколько всего получено, я хорошенько не знаю. О нем мнение как бы сродно с мнением моим о Куторге: бог знает, пошлый отчасти, отчасти нет, человек; главным образом пошлость выражается в манерности; человек очень неглупый, что касается под глаза падающих житейских истин, т.-е. не только своекорыстных, но и вообще. Например, «отчего так раньше уважали архиереев?» — как-то стали мы говорить: оттого, что в самом деле за 50 лет он, говорит, был один ученый человек в епархии, все остальное были провинциалы, между которыми семинаристы были самым просвещенным классом.

Отношения с другими не переменились нисколько; новых людей узнал только Лилинфельда, которого видел только раз.

Вчера В. П. говорил о переписке Розена с Шевыревым, которая выписана отчасти в сентябрьской книжке «Современника»⁵¹, назвал их детьми, как и я постоянно называю подобных людей и называл при нем Грефе. Это несколько подало мне мысль, что он не всегда считает мои суждения о людях неправильными. Когда мы с ним говорим, много места занимают разговоры об Ал. Фед. и Ив. Вас. и часто о Корелкине, о котором постоянно говорю в ироническом духе. Не знаю, как это назвать: это не сплетни, мне кажется, а род разбора человека и вывода фактов о том, что такое пошлый и ограниченный человек.

Я намерен сказать В. П. снова, что если он будет так редко и мало бывать у меня, то я сойду от Терсинских. Но я боюсь постоянно говорить ему это, потому что, бог знает, может быть, он не бывает и не потому, что считает это неприятным или тяжелым для себя и думает, что присутствие его не совсем приятно для Терсинских, но потому же, почему не бывает у Залеманов, у которых, напр., обещался быть вчера и не был утром: он мне сказал: «Как это тяжело быть обязанным, — теперь вам говорят: «Будьте у нас», и вы должны идти». Может быть, то же и относительно меня.

«А если он, напр., ответит: «сойдите», спросят меня: ведь вы предполагаете его принудить бросить церемонии и бывать у Терсинских, — будет ли это вам приятно? верно озадачит?» — Я ничего не могу сказать, ни да, ни нет, — не произведет ровно никакого впечатления, кажется, а просто заставит сделать, потому что нельзя не сделать.

Вообще как-то странно я устроен: иное производит впечатление, а другое никакого и вообще просто увлекает меня, как дерево: плыву и только, и ничего не чувствую, ровно ничего. Напр., хоть то, что я решился не писать Срезневскому на медаль: как будто ровно ничего не бывало, не пишу и не могу писать, да и только. После лекции объявляю слова Срезневского, что если кто хочет составлять лекции, может брать материалы у него, и скажу: «Кто будет брать?» и воспользуюсь этим, чтобы объяснить гг. товарищам, что я знаю их мнение обо мне и Корелкине и решился прекратить сношения с Срезневским, потому что они думают серьезно, что это подло, но что, по-моему, они совершенно ошибаются.

Вот таким образом я осуществляю мысль, которая давно была у меня: пользоваться лекциями Грефе и Фрейтага для этого дневника, и во всяком случае нынешний раз дело было так удобно, как нельзя лучше. Мысль [эта] постоянно была за две недели до начала лекций. Так как остается 7 минут до конца, то кончаю — Грефе начинает переводить.

10^{1/2}. — Пришел из университета, стал обедать; после обеда лег, потому что спина несколько устала, как и прежние дни, и читал «Débats» до 1 августа. В 5^{1/2} часов пришел Ал. Фед. и просидел до 9^{1/2}. Мне было не досадно, что он отнимает время, хотя особенной занимательности не было; мы говорили о людях, их сердце и проч. в его духе. После я писал несколько Срезневского и дописал до религии (т.-е. написал страницу) балтийских славян. — Вот сколько дней проходит без дела. В. П. не был, хотя обещался быть; завтра, если не будет в университете, схожу к нему. Студентам не сказал про отношения к Срезневскому, потому что не помнилось хорошо, и не пришлось видеть Фурсова, — он назначен учителем истории в Псков: свинья попечитель не согласился позволить остаться ему здесь жить у Зубова. Теперь ложусь читать.

10 [сентября]. — Теперь снова сижу у Фрейтага и пишу. Мне вздумалось ничего не говорить у него, потому что я не люблю его, сам не знаю хорошенько за что, и потому что, если отвечать, то должно отвечать на все по-моему, а как не могу на все, то должно уж ни на что.

Пришел из университета, читал «Débats»; после был разговор около 1½ часа с Ив. Гр., который я вел спокойнее, чем раньше, о наказаниях и необходимости их в обществе. Я говорил, напротив, что наказания ничто, главное — должно возбудить нравственное чувство и общественное мнение. После к В. П., где просидел с 8 до 9½, говорили занимательно, как всегда. Он высказал, что хотел бы более всего заниматься нашей историей, но много должно средств, что Терещенко дурак, но содержания много, и сам Кавелин не без странных взглядов на историческую жизнь. — После, когда шел сюда, вздумал писать Куторге о Прудоне, на которого он взвел противное тому следствию, которое он хотел произвести своим предложением. Это письмо положу на стол завтра. — Конечно, не положу, останется в кармане.

11 сент., 11 час. вечера. — Если когда, то ныне я ничего не делал в университете, ничего хорошего, только много хохотал и смеялся. Перед лекцию Срезневского сказал, стоя у кафедры с Галлером, Залеманом, Корелкиным, что Срезневский сказал, что если кто хочет составлять записки, может брать у него материалы. Залеман сказал тотчас и довольно резко, что этого не должно делать, потому что это он хочет узнать, кто составляет. Я совершенно согласен, что не должно. — Пришел домой, читал «Débats». Ныне обедали без меня. В 6 час. или раньше пришел Ив. Вас., посидел до 8½, говорил ужасно скучно и утомительно. Я проводил его в намерении зайти к В. П., хотя это должно было быть в 9 час., потому что он не был ныне у меня, когда обещался; но их не застал дома, т.-е. в окнах не было света. Решительно так прошел весь день; о В. П. несколько думал и с некоторой тоской, особенно тоской ума.

12 сент., 11 час. вечера. — Утром все читал «Débats». Получив повестку из квартала по делу, пошел на часть с намерением после зайти к В. П. В части Федот Матв. сказал, что это должно быть из квартала. Я пошел к В. П., хотя думал, что, может быть, он заставит просидеть до Залемана, и это попрепятствует быть в квартале. Пришел совсем не во-время: стряпня была в полном разгаре. Н. Е. была не одета, почему и не выходила; я тотчас ушел, и он не удерживал. Оттуда в квартал, где высокий чиновник с завязанным глазом принял меня весьма хорошо. Бумага пришла и требует, из какого я состояния, между тем как должно требовать, какого я происхождения. Во всяком случае, я так думаю, и вероятно, когда они ответят, а они сказали, что иначе отвечать не могут, как на этот вопрос, то те снова пришлют к ним и выйдет проволочка, и я должен буду заплатить деньги.

К Федоту Матв. вечером не пошел, а сказал это Ив. Гр., который был у них; он говорит тоже.

Весь день читал все «Débats». Странно, как я стал человеком крайней партии; мне кажутся глуповаты и странны и смешны, но главное — жалки и пагубны для страны все эти мнения и речи господ приверженцев большинства в настоящем Собрании. Прочитал все, которые напечатаны там, *dépositions** и решительно увидел, что нельзя требовать отдачи под суд гг. Коссидьера и Луи Блана⁵². Но вместе с этим я убедился, кажется, что — хоть в слабейшей, чем у нас, степени — и там тоже преследование за мнения, которые сами собою подразумеваются, — напр., что [народ] выше представителей и т. д., что поэтому народ может сменить свое Собрание, если оно делает не то. Конечно, это принцип, который сам собою разумеется, как же вы боитесь его высказать, когда сами в него верите? Должно бояться не принципа, а ложных приложений, а ложные приложения делаются возможны и успешны только тогда, когда не освещен вопрос. Одно дело возмущение и распускание Национального Собрания буйною, пьяною толпою; другое дело, когда страна видит, что нет ей спасения от этих людей и она должна переменить их. — Господа, господа! все вы пусты и робки и так гаупы и тупы, что думаете, что будет иметь какое-нибудь другое следствие, кроме обнаружения вашей мелкости и робости, то, что вы преследуете за то, чего нельзя не думать.

Кроме того, какое пренебрежение к низшему классу! Теперь буржуазия, как я увидел, решительно снова берет верх, но и то хорошо, что она берет верх, как хищница, а не — как раньше — по закону: конечно, хищение легче разрушить, чем закон. И вот печатают в обвинение Луи Блана бумаги демократического общества, в которых ровно ничего нет, решительно ничего, и эти бумаги схвачены у правителя! И, кроме того, тут говорится как о деле естественном, отчего производился обыск у министра Флокона во время его отсутствия из дома! О, господа! вот как уже далеко [зашли] вы! *allez, allez toujours***.

Когда я лежал после обеда на диване в зале и читал, Терсинские играли в карты и шутили. Ив. Гр. весьма мило пошутил: «свинья ты, свинья!» весьма мило; мне показалось и жаль, и смешно: жаль потому, что я не мог предположить, чтобы, если не теперь, то после, это не огорчило сестру; смешно потому, что это было сказано с таким добрым и невинным намерением пошутить, а с ее стороны было отвечено на это милыми тож вопросами: «ах, друг, кого это ты так называешь?» или: «как ты меня обижаешь», и т. п., — и оба стали смеяться и целоваться, — прелесть! В. П. истинно великий человек. Велик по сердцу, может быть, еще более, чем по уму, — это по случаю того, что я застал его в полном разгаре приготовления кушанья.

* Показания.

** Идите же, идите.

13-го [сентября], 12 час. — Пошел в 10 час., чтобы зайти к Ол. Як. и занести Каткову посылку, которую так долго задержал у себя. Ол. Як-ча встретил на дороге и, идя, шутил с ним довольно резко, как и он со мною. Занес к Каткову, его не было, я отдал сторожу. Оттуда в Казанский, где достоял обедню, после смотрел иконы, между прочим, Марии Магдалины, которую называл красавицею Ив. Гр., в том приделе, который дальше от входа; напротив, мне не понравилась. Особенного ничего не чувствовал в церкви, хотя шел и думал, что с усердием помолюсь. Когда смотрел у Юнкера, несколько пошевеливала мужской член какая-то картина; да, спит или полуспит брюнетка. Должно сказать, что я постоянно сравниваю всех — и картины, и живых — с Над. Ег.

В университет пришел В. П., я сказал ему, — что он не приходит? — Говорит: «Она скучает». — «Верно, говорю, не то». — «Ну, так я могу наскучить и буду тяжел». — Воронин сказал: «Приходите вечером». — «С удовольствием», сказал я. (В. П. обещался придти после обеда.) Я, конечно, почти наверное знал, что [звали] затем, чтобы предложить уроки. В. П. пришел, посидел час, мы смеялись над всеми, особенно профессорами, много над Фрейтагом и Грефе; и Куторга и Никитенко не ушли. Любимке и Ив. Гр., я думаю, было неприятно. Пошли; он проводил меня до Мещанской. Дорогою сначала говорили о вздоре, после этого он стал говорить, как ему надоедает и вчера вечером особенно надоел тесть, — а она все дает им. «Чорт знает, я трус, — сказал он, переходя Семеновский мост, — да, трус: вчера мчалась бешенная тройка, только поставить бы ногу и тотчас же в одну минуту был бы измят и без шума; и думал, но просто струсил, а между тем тут-то и можно было не струсить, потому что времени сообразить не было — одна минута». Все это не сделало на меня особенного впечатления на сердце, которое не билось, а на голову, которая, однако, признаюсь, тоже не была сильно взволнована, а находилась как бы в сонном состоянии.

Пришел к Воронину, он сказал — «пожалуйте туда». Я сказал: «Вы верно хотите сказать мне, чтоб я снова давал уроки братцам? нет, мне было бы приятнее, если бы вместо меня давал их один молодой человек, которого вы видели у Устрялова на лекции». — «Да отчего же вы не хотите?» — «Напротив, я буду с удовольствием, если вы не согласны, чтоб давал он, но мне было бы приятнее, если бы стал давать он, а не я». — «Кто он?» — «Кончил курс в Харьковском университете, а теперь слушает некоторые лекции здесь. Это было бы мне весьма приятно». — Он пошел к гувернеру и минут пять там побыл. Гувернер, кажется, сначала не согласился. Когда я говорил и после, когда дожидаясь, я был совершенно спокоен и сердце нисколько не билось, и нисколько не сконфузился, как это обыкновенно бывает, когда дело идет о предметах, по моему мнению, вообще справедливых, и когда он был у гувернера, сердце тоже было совершенно спокойно, хотя довольно с любопытством ожидал, что будет, и почти уверился,

что не согласится гувернер, и это было мне неприятно. Он ворвался. — «Так пусть он пожалует сюда завтра». — «Когда?» — «В два часа». — Я хотел уйти, поблагодаривши, но он оставил пить чай. Я был совершенно хладнокровен, совершенно, как только могу быть, и ни радости, ничего не было, решительно как бы этого не случилось, а я только думаю об этом, и то еще думаю, не разгорячаясь мыслью. Я несколько раз сказал раньше Воронину, что это мне весьма приятно. Когда он подходил к своей комнате, я перекрестился, кажется, так, по «авось, это так и следует перекреститься», чем по непоколебимому убеждению. Раньше я думал, что если должен буду давать теперь сам Ворониным уроки, то это я уже могу взять себе. Ныне, идя из университета, решил, что нет. Оттуда к В. П., хотя должен был придти туда в 9 часов. Они пили чай и мне не удалось взглянуть хорошенько на Над. Ег.

Я всего более, идя к нему, да и раньше, думая об этом, затруднялся, как В. П. примет это, и что не захочет. Сидел совершенно хладнокровно. Над. Ег., кажется, мой приход был неприятен. «Вы проводите меня?» сказал я (если б не хотел, мог бы у ворот); он сказал: «Пойдемте», — верно потому, что уж ждал чего-нибудь в том роде, как я ему должен был сказать. Вышли. Я без всякого замешательства сказал: «Воронин предлагает мне снова давать уроки, но как я не могу, то сказал — скажу вам, и вы пожалуйте туда в два часа». Он не показал внешним образом никакого удивления, как бы это совершенно так. Я продолжал: «Он спросил, кто же это? — я сказал: тот молодой человек, которого вы видели со мною у Устрялова, он кончил курс в Харьковском университете». — «Зачем вы это сказали? Просто сказали бы, что был в Харьковском университете» (не годилось мне так сказать, может быть, это расстроило бы дело). Он проводил меня до моста, после я его до квартиры; говорили о том, где Воронина дом, о том, чему учить: алгебра и геометрия его пугают. Я говорю: «Вздор; если хотите, будем приготавливаться вместе». Он против последнего ничего, против первого говорил, но ничего, согласился, что ничего, но сказал: «А вы?» Я сказал весьма спокойно и обыкновенным своим, несколько ироническим, тоном: «Я не мог, что же, нужно мне было сказать о Корелкине, а не о вас? Если вы не согласитесь, конечно, я скажу о Корелкине». — «Нет, в таком случае, конечно, раньше Корелкина уж буду я».

Таким образом, чего мы боимся, того не бывает: я боялся препятствий от него, их не было. Его должно быть хорошо настроили прежние мои, не без намерения говоренные слова о том, что я думаю, не бросить ли уроки у Ворониных, потому что слишком много времени тратится, о том, что едва ли мы не разойдемся, потому что я, кажется, нехорошо себя у них поставил. Когда он был у нас, сказал, что Залеман слишком хорошо обо мне отзывался: «Это, говорит, человек необыкновенно скромный, он знает более всех наших профессоров, но не хочет этого показывать». — Вот уж в чем не виноват!

Когда я шел от него, расположение духа было совершенно как бы ничего не было, решительно пустое расположение духа, даже и не пелось и не думалось хорошенько об этом поступке, никакого довольства и радости на сердце, хотя в уме есть несколько, но и то слабо. Дорогою своротил два лещадных камня с крыльчиков у лавки, выходящей на улицу по линии у казарм и по проспекту. Пришел домой ничего, читал и несколько спал, потому что ноги устали страшно и несколько ломило и теперь несколько ломит под коленями, т.-е. верхнюю часть икры.

Итак, решительно ничего, как бы ничего не было; довольство в уме есть некоторое, в сердце никакого. Купил Фукидида — 90 коп. сер., 10 коп. сер. сургуч и 10 за повестку.

14 сентября, 10 ч. 40 м. — Весь день решительно ничего не делал, только почитал несколько Гизо. Утром писал письмо, где ничего; после несколько читал Гизо; в 1½ пошел в канцелярию обер-полицмейстера, там узнал, что должен раньше справиться во второй части, куда перешла бумага. Когда пришел, был уже Ал. Фед., который обедал и просидел до 6 часов, говорили о всем. — Он сказал, когда говорил, чтобы мне быть завтра у него. «Мне некогда», сказал я, когда тоже жаловался, что я мало сижу у него. «Я знаю, да меня не то огорчает, а то, что вы у других просиживаете по 5 часов, [а] когда у меня, дорожите каждой минутой». Взял «Débats», обещая взять новых.

Когда он ушел, я пошел тотчас к В. П., который был утром здесь, когда шел к Ворониным (при уходе его я перекрестил его вслед). Он сказал, что просили завтра, потому что отца не было дома. День ныне был веселее других, — может быть, оттого, что услужил или во всяком случае хотел услужить Вас. Петр. Однако, как и всегда, находил, что поступаю глупо: во-первых, не следовало так говорить Ал. Степановичу, как я сказал: «Это мне доставит весьма большое удовольствие». — Но тогда, может быть, он и не согласился бы уговаривать гувернера, который, кажется, был против этого. Во-вторых, следовало сделать не так, а когда сказал Воронин, чтобы я пришел, сказать Вас. Петр.: «Я не могу; если вы хотите, я скажу про вас, если нет — про Корелкина». Но ведь я хорошо не знал, что именно затем, чтобы возобновить уроки, говорил он.

В Над. Ег. мне показалось ныне разительное сходство с сестрою, Александрою Ег.; это если смотреть прямо и немного сверху, т.-е. когда она нагнет голову. Не знаю, я начинаю думать и несколько бояться при этом, не соглашусь ли я вполне с Вас. Петр. в мнении о ней, наконец. Ведь, напр., он гораздо лучше меня определил Воронина, сказавши, что это ужасный человек, как он назвал старшего Залемана, и вообще он лучше замечает и его более мучают пошлость и глупость других, чем меня. Он, кажется, понимает, что я лгу, что сам не могу у Ворониных давать уроки. Над. Егоровне я скучен, это видно, — и это мало огорчает меня, хотя, конечно, неприятно, — она зевает, да и вообще как-то видно.

Ложусь читать «Современник», который принес Вас. Петр.

Да, ругал себя вчера и ныне, как это не отдал до сих пор 3 руб. сер. Василию Петровичу: взял с собою, да снова позабыл.

15 сентября. — Читал вчера и третьего дня «Современник» сентябрьскую книжку. «Том Джонс» хорош; Петушков⁵³ навел на чрезвычайно грустные мнения о прогрессе и о достоинстве нового нашего поколения в литературе, особенно если сравнивать с выписками из Москвы Загоскина⁵⁴ — последние можно читать без неудовольствия, между тем как первый и еще Чумбуров (в Смес-си)⁵⁵ есть жалчайшая пародия на «Мертвые души», до того гадкая и отвратительная, что нет мочи, внушает омерзение.

Утром сходил в почтамт, купил бумаги две дести на 70 коп. сер., которая гладка. В университете лекция Никитенки понравилась довольно, Фишера тоже. Сказали, чтоб я сказал Срезневскому, чтоб он не читал так скоро и оставил бы свое намерение спрашивать нас переводить. Я совершенно согласен и даже хочу в пятницу или субботу сказать, чтоб поддержали меня, когда я буду говорить и за первый курс, чтоб он бросил там спрашивать лекции. Воротился, принес письмо из Аткарска с 10 р. сер.⁵⁶ Любимьке, которые, думал раньше, присланы мне.

Читал Беккера о религиозной стороне царствования Людовика XIV, Порт Рояле и проч. довольно с большим интересом, как раньше читывал. После пришел Ал. Фед., ушел к нему, взял газеты 28 августа — 9 сентября, теперь просмотрел несколько и решительно против Кавеньяка: как это *suspendre* * «*Constitutionnel*»!⁵⁷ — Выписанное в «*Débats*» решение его издателей мне чрезвычайно понравилось: «Мы будем продолжать, но сделали свои распоряжения, чтобы если запретят, то мы кончим выдавать и не станем издавать под новым названием, а пригласим всех взять следующие им еще по расчету подписные деньги».

В. П. не был, я ходил к нему, на дороге вспомнил, что должно быть в театре, как вчера сказал, но все-таки дошел и увидел, что в самом деле нет дома. Так как все читал, то некогда волноваться; это все-таки весьма, весьма занимательно, как подумую. — 10 час. 30 мин., ложусь.

16 сентября. — Утром ходил раньше в квартал, — там еще не отослана бумага; нехорошо, верно не успею получить свидетельство, должно попросить снова хозяина. В университете у Грефе не мог писать здесь, потому что не было чернил. Куторги не было, и я пошел домой в час; после до 4½ читал «*Débats*» и сильно, кажется, увлекся Р. Leroix в № 31 авг. После был у В. П., где просидел до 8¼, 3 с лишком часа, собственно для того, чтоб узнать, что с Ворониным, он говорил, что не видел, потому что в первый раз, раньше 6 часов, когда он должен был быть, они обедали, как ему сказали; во второй раз он ушел гулять и просил оставить адрес. — Это нехорошо, по-моему. Он мне ныне ничего не сказал, следова-

* Временно приостановить.

тельно, думаю, что примет В. П. или не хочет принять и меня, — но неделикатно, и меня раздосадовало. Завтра объяснюсь.

Мне кажется, что я согласился теперь с В. П. о Над. Ег., во всяком случае как-то ореола нет, но все-таки нет, она не то, что Любинька или, еще хуже, дочь нашего домовладельца. Говорила о театре, в котором она вчера была со своими хозяевами, он через них хочет в театр. Когда она ушла к своим, он сказал, что она только ныне помирилась с ним, а то была в ссоре, как было несколько дней с того дня, как она при мне читала книгу. Я сказал, что в самом деле я тогда что-то заметил, что могло ее оскорбить, но что теперь я не могу вспомнить, что именно. Он сказал, что у меня есть проницательность, чего он раньше не думал, но что я часто ошибаюсь в том, чем другой может оскорбиться. Я отдал 3 руб. сер., он ничего не сказал — хорошо, — ни слова решительно. После читал «Débats».

17 сентября. — Утром читал «Débats», в 10¹/₂ пошел поздравить Над. Ег. с ангелом. У угла казарм, когда перейдешь железную дорогу, встретил В. П., он шел со своей хозяйкою. — «Ее, — говорит он, — нет дома, верно уж теперь в церкви, ушла к матери, чтоб взять Алекс. Ег.». — «Пойдем, зайдем в церковь». — «Хорошо», сказал он. Пошли, но ее там не было. — «Пойдемте к ним», т.-е. к ее родным, сказал он. Я сказал было несколько слов, но вспомнил, что мне нельзя говорить против этого, да и не было противоречия в душе, поэтому пошел. Когда входили, встретили их, т.-е. Над. Ег. и Ал. Ег., на лестнице. Я сказал: «честь имею...», она сказала просто, непринужденно: «покорно вас благодарю», и мы пошли проводить их до канала (они шли в церковь), сами пошли по каналу в университет.

Я пропустил Фрейтага, как давно думал, чтоб поздравить вовремя. У Устрялова Воронин, который взошел в аудиторию вместе с Устряловым, не подходил к нам. Куторги не было, поэтому мы не виделись, и это было мне несколько странно, что так долго не объясняется это дело. Воронин, по моему понятию, не вправе отказать мне в этом, потому что я даром занимался с ним славянскими наречиями и вообще всегда показывал себя готовым помочь ему, напр., и в латыни. Пошли к Залеману, после я проводил Вас. Петр. к углу парада; после в 3 часа пришел домой; после обеда все читал, когда пришли хозяева и после Ал. Фед. Бумага моя отослана, и хозяин дал номер. Мне прислано 60 руб. сер. — это головою мне приятно, — я думаю, что на одежду. Конечно, вместо того должно Вас. Петр., но должно будет дать и Терсинским? Это меня несколько занимает, что я им не плачу до этого времени, но весьма мало, и даже почти не конфузят перед ними.

Когда мы шли в университет, идя по каналу, В. П. спросил, обидчив ли я. Я ответил, что весьма в том, что считаю обидою. Когда шли по бульвару, он стал говорить, что Над. Ег. его рассердила тем, что невнимательно отвечала мне (между тем как он эту внимательность ко мне ставит, кажется, весьма высоко). Я от-

вечал, что она сказала совершенно так, что это именно так и должно делать, а это внимание по большей части бывает нелепо, и глупо, и приторно, и он превратно в этом случае понимает вещи и не должен бы позволять ей провожать меня за двери, и проч. — Он не согласился, что мне неприятно; или он в это не верит — истинности моих слов, или чего, но только нехорошо, что я служу поводом к неудовольствию на Над. Ег. Сейчас пришла мысль, что после этого должно мне избегать видаться с нею.

18 числа сентября, у Фрейтага на лекции. — О внутренней жизни. Главная часть принадлежит Вас. Петр., а через него много думаю и о ней. После следуют мысли о человечестве, о религии, социализме и пр., особенно о Франции. Россию уважаю весьма мало и даже почти не думаю о ней.

(Сейчас Фрейтаг спросил, кто будет переводить; никого не было желающих; мне, как всегда, было несколько совестно, что я не начинаю, но я не стал, и начал Лыткин.)

Теперь постараюсь сказать несколько о моих политических мнениях.

Я начинаю думать, что республика есть настоящее, единственное достойное человека взрослого правление и что, конечно, это последняя форма государства. Это мнение взято у французов; но к этому присоединяется мое прежнее, старинное, коренное мнение, что нет ничего пагубнее для низшего класса и вообще для низших классов, как господство одного класса над другим; ненависть по принципу (большинство должно всегда преобладать, и меньшинство должно существовать для большинства, а не большинство для меньшинства) к аристократии всякого рода, к сущности этого рода правления, а не форме и господству его — теперь мое коренное убеждение, которое подтверждено еще более, может быть, красноречивыми словами Луи Блана и социалистов: вы хотите равенства, но будет ли равенство между человеком слабым и сильным; между тем, у кого есть состояние, и у кого нет; между тем, у кого развит ум, и у кого не развит? Нет, если вы допустили борьбу между ними, конечно, слабый, неимущий, невежда станет рабом. Итак, я думаю, что единственная и возможно лучшая форма правления есть диктатура или лучше наследственная неограниченная монархия, но которая понимает свое назначение, — что она должна стоять выше всех классов и собственно создана для покровительства угнетенных, а угнетенные — это низший класс, земледельцы и работники, и поэтому монархия должна искренно стоять за них, поставить себя главою их и защитницею их интересов. И это должна делать от души, по убеждению, и должна, конечно, знать, что ее роль временная, что назначение ее двойное: во-первых, для того, чтобы в настоящем покровительствовать, быть предводительницею низшего класса, т.-е. не в том смысле, чтобы пренебрегать другими, а в том, что всем должно оказывать равное решительно покровительство, но в нем нуждается более всего, несравненно более всех, низший класс и относительно налогов и судов, и отношений жизни,

и общественных, т.-е. чтобы уважали их как можно более, не менее других сословий и не называли *sieur*, между тем как других называют *monsieur*, что меня также несколько бесит, и относительно всего, одним словом. Во-вторых, ее обязанность состоит в том, чтобы всеми силами приготавливать и содействовать будущему равенству — не формальному, а действительному равенству — этого сословия с другими высшими классами, равенству и по развитию, и по средствам жить, и по всему, — так, чтобы поднять это сословие до высших сословий. Вот обязанности и настоящее назначение неограниченного правительства, и поэтому и я теперь приверженец этого образа правления в той форме, как я его понимаю; но, к сожалению, редко и немногие понимают это назначение и то, кажется, только по инстинкту, и эта идея еще не вошла в число общеизвестных, хоть не общепонимаемых истин. Так действовал, например, Петр Великий, по моему мнению. Но эта власть должна понимать, что она временная, что она средство, а не цель, и благородно и велико будет ее достоинство и значение в истории, если она поймет это и будет стремиться к развитию человечества, хотя это должно привести ее к уничтожению; поняв, [что] она для человечества, а не человечество для нее, и что, противясь вечному ходу вещей, действительно можно, может быть, затруднить его, но может быть, нельзя даже и замедлить: беременная женщина не может не родить, но можно облегчить и затруднить ее роды, и то, что должно пасть с развитием человечества, то падет, только падет, сопровождаемое благословением человечества, если само сознается, что время пасть, и само передаст своему переросшему его воспитаннику имение, или падет с кровью и проклятием, которые заставят позабывать и о заслугах его, если захочет пережить свое время. Конечно, долго еще, мне кажется, жить должно безусловной монархии, потому что не в один век пересоздать общественные отношения и общественные понятия и привычки, и ввести равенство на земле, и ввести рай на земле ⁵⁸.

Мне кажется, что я стал по убеждениям в конечной цели человечества решительно партизаном социалистов и коммунистов и крайних республиканцев, монтаньяр решительно, но мне кажется, что противники этих господ нисколько в сущности их не понимают и обезображивают и клеветуют на них, как я убедился. Это бывает и всегда, когда мы осуждаем человека за его мнение, мы осуждаем потому, что человек не может высказать в одно время, а если бы и мог высказать, то не мог бы обнять сам в одно время свои мысли во всех составляющих ее элементах и отношениях и выставляет только главный элемент ее, а главный элемент обыкновенно кажется, да и бывает тот, который новый, и между тем как мысль его уважает все принципы прежние, но только прибавляет к ним новый, — часто и он сам, увлеченный противоречием ей господ староверов, забывает о других элементах, кроме собственно ему принадлежащего и собственно им выставленного, а другие еще чаще забывают об этом и хватают его мысль в совершенной ее одно-

сторонности, которая собственно никогда ей не принадлежит в действительности, а только в воображении этих господ, и пугаются ею сами, и пугают ею других.

10 час вечера. — После лекций, чего я несколько и ждал, пошел ко мне Воронин и сказал, чего я не ожидал: «Папенка, когда я ему сказал, что вы говорили, велел мне узнать, угодно ли вам давать уроки, или нет». — «А если не угодно?» — «Я ничего не знаю». — «В таком случае стану я». — Пошел в почтамт и там узнал, что мне 10 руб. сер., а 50 Терсинским. Очень мало впечатления это сделало, хотя я глупо и не ожидал этого. Пошел в 6^{1/4} к Ворониным, как условился, переговорить, и когда шел, придумал новую причину, — что думаю, что В. П. принесет более пользы. Там увидел, что если я откажусь, на это будет отвечено так: «О, не хочешь, — как хочешь, мы найдем и без тебя и не по твоей рекомендации», что место будет потеряно для Вас. Петр., что еще яснее, если можно, увидел из слов губернатора, который, когда мы говорили, вошел и сказал: «Скажите, что мы не хотели бы, чтобы он давал уроки из милости, а может, так может, а не может, так не может». Это меня даже не взбесило, а я просто отвечал, но не таким презрительным тоном, как следовало: «Я и сам это весьма хорошо знаю, и объяснять мне это нет нужды». После, когда шел оттуда, несколько было неудовольствия сердцем на себя, но мало: зачем так говорил, что мне это приятно? просто должен был сказать, что не могу, и кончено, а тогда, может быть, и спросили бы мнения моего о заместителе, это бы лучше всего; всегда я делаю глупо. — Папенка услышал о ссоре с профессорами и пишет, — это [сделало] мало впечатления, но хорошо то, что напомнило, что должно смотреть на то, как всякое столкновение взволнует их, а то я мало стал об этом думать и готов был на многое.

19 [сентября]. — Утром и весь день тосковал и ругал себя за глупое поведение, которое оставило без места В. П., так что давно не чувствовал такой тоски, она даже мешала несколько писать. Ходил к обер-полицмейстеру — там никого не застал. Вечером был Алекс. Фед., принес [«Débats»] 10—12 сентября. С 4 часов я говорил с Любинькою до 6, потому что, кажется, ей было скучно, а главное — завязался разговор, так совестно было отстать. После Ал. Ф. сидел до 9. После читал газеты и едва было не лег спать, не записавши сюда ничего. Начал перечитывать «Мери» для разбора характера Грушницкого и прочитал 4 листа. Списал польские гимны и только.

20 сентября. — Утром читал «Débats», которые дочитал, и «Мери»; после пошел в университет. У Устрялова не было Вас. Петр.; я решился отдать деньги ему и поэтому разменял, чтобы за вычетом 3 руб. сер. Ал. Фед-чу 7 руб. сер. отдать ему. Когда его не будет, должно будет идти к нему. Срезневский читал с большим жаром и резкостью, и мне понравилась его живость и одушевление. Залеман сказал, что придет поговорить что-то об его лекциях, чтоб я ему объяснил; поэтому, когда я

пошел к Вас. Петр., имел намерение тотчас воротиться. Над. Ег. дома не застал. Он писал что-то или переводил из Гете, мне не показал и не сказал, что. Я ему помешал, и поэтому он меня, кажется, не удерживал сильно. Ив. Вас. пришел вчера к нему и принес от себя же письмо, в котором просит достать «Обыкновенную историю»: славная манера и весьма остро. — Теперь я жду Залемана. На похороны не пойду, вероятно, хотя, может быть, и буду об этом жалеть.

В. П-чу сказал только, что Воронин сказал, что отцу хотелось непременно, чтоб был учитель из университета. Он при этом не выказал никакого удивления, потому что этого ждал, и сказал: «Вы порекомендуйте Тушева». Я сказал: «Да, конечно, он, к счастью, теперь приехал». Он не думал, что я его обманывал. Жаль, очень жаль, что я тогда не решился порисковать решительно и не сказал решительно, что я не могу учить у них. Тогда Воронин верно спросил бы моего совета, кого пригласить; тогда можно было сделать ни себе, ни ему, но зато — если не ему, то уж и не себе, не быть пустым человеком в своих глазах.

Корелкин после лекции долго стоял с Срезневским; о чем говорил, я еще не знаю. Думаю, должно серьезно заняться сначала сочинением Никитенке, после лекциями для Срезневского, после словарем Нестора и летописей.

21 [сентября]. — Утром писал письма, между прочим папеньке по-латыни, что ничего не было между мною и профессорами. Понес с намерением после быть у Никитенки, после пойти в канцелярию обер-полицмейстера, где должно было быть, сказали мне, в 2 часа. Дошел в почтамт, увидел, что потерял двугривенный, и у меня денег не оставалось, по отдаче 3 руб. сер. Ал. Фед., на 90 коп. лист, и я решил воротиться домой, взять деньги и от обер-полицмейстера [идти] к Вольфу. Так и сделал. Бумага отправлена в инспекторский департамент военного министерства, по глупости чиновников. Я не дожидаясь справки и ушел, как увидел это, когда раскрывали книгу для того, чтоб справиться для другого. У Вольфа просидел более часу; «Отеч. записки», которые попались, почти не читал; во Франции Кавеньяк принужден, говорят, сблизиться с демократами или падет — хорошо; Сенар выйдет, и вместо него будет Марра или даже Флокен, — и это хорошо, и выбрали Распайля, — и это хорошо. После обеда читал Гизо; пришел Вас. Петр. и сел играть в преферанс. После Н. П. Корелкин, который рассказывал о похоронах И. Я. Соколова, на которые я не пошел, между тем как другие почти все были. Вас. Петр. посидел 2½ часа; после я пошел проводить Н. П. и зайти к Олимпу попросить, нет ли кого в канцелярии обер-полицмейстера, чтоб повели дело как должно.

Деньги, верно, должен буду заплатить. Весь день ничего не писал. — 11 час. с половиной.

Да, вчера ведь, после того, как я писал, пришел Залеман

и просидел до 9^{1/2}, 2^{1/2} часа, и тут я убедился, что глупые действительно глупы, т.-е. не понимают вещей, как должно. Он чрезвычайно смешно подмечал непоследовательности у Срезневского, между тем как ничего не бывало, и весьма хорошо сказал, что если есть что у Куторги хорошего, то это его система (где он ее видел, бог знает), и тон, которым говорит, чрезвычайно уморителен. — Читаю я Гизо первый том и теперь ложусь читать 7 лекцию, о германском элементе; мне хотелось прочитать предыдущие лекции Ив. Гр., и я читал некоторые отрывки об управлении церкви и споре о бестелесности души.

22 [сентября]. — Утром был у Олимпа; не сказал, однако, ему, а хотел раньше узнать номер, теперь, думаю, не нужно; скажу завтра утром, чтоб не показать, что был у него только за этим. В университете ничего особенного. После пошел в 6^{1/2} к Вас. Петр., у которого до 9. После читал Гизо и говорил с Ив. Гр. У них играли в карты, говорили мало и без большой важности. День спокойный, хотя не совершенно, потому что несколько досадно, что должно будет вместо Вас. Петр. отдать деньги в университет.

23 сентября, у Грефе на лекции. — Заходил к Олимпу, но не застал его — родилось подозрение не... * ли у него была. Так как оставалось еще 3/4 часа, то зашел к Вольфу; там читал, только ничего не понял почти о событиях берлинских и франкфуртских, потому что не знал предыдущего: что это за Frebel, какое возмущение было во Франкфурте⁵⁹, почему теперь было. Во Франции Распайль, выбранный в представители, удержан в Венсенской тюрьме. Мне кажется, что должно было бы, после того как он выбран, Собранию велеть его выпустить, и после уже генерал-прокурору требовать autorisation des poursuites** против него, и тогда Собрание разрешило бы или нет. Из Journal de St.-Petersbourg⁶⁰ узнал, что Распайль выбран 66 тысячами, Кабе и другой кто-то 64 тысячами, и из этого видно, что социалисты организованы и подают голоса на одних кандидатов, действуют единодушно, как действовали монтаньяры; там сказано, что часть народа la plus éclairée, qui demandait ou à qui était promis droit du travail *** их выбрала, — итак, весь лучший класс, кроме буржуазии, социалисты, — хорошо. И по выборам ясно, что не они выбирали Луи Наполеона, а собственно чернь, которая ничего не знает, кроме пустых имен.

Сейчас Грефе спросил — что значит бога **** в 52-й главе Фукидида; я сказал, когда другой сказал, что это profana *****; он отвечал: hoc non minus absurdum est*****, и некоторые засмеялись добродушно, посмотрев на меня; не знаю, так ли я сказал;

* Слово неразборчиво.

** Разрешения возбудить преследование.

*** Наиболее просвещенная, которая требовала или которой было обещано право на труд.

**** Божественное, священное.

***** Неосвященный, мирской.

***** Это не менее нелепо.

кажется, что и в самом деле ошибся, однако, это никакого впечатления на меня не произвело.

Когда шел от Вольфа, догнал на дороге Маркова и Райковского; говорили довольно с радушием со мною, а Райковский сказал, что одно дурно между моими добродетелями, что я позволял попечителю. В университете Воронин сказал, чтобы я был у них в 6 часов завтра. Ныне я жду к себе Раева и — едва ли, однако, придет — В. П. Дома писал и написал $\frac{3}{2}$ страницы Срезневского — о Радогасте и Святотиде. Снова писал с охотою.

Переводит теперь Орлов и как нерешительно, так и с останковками, то Грете иногда говорит очень громко. У Тушева не было книги, и я подал ему свой листик.

Читаю я последние дни только Гизо, и иногда мне начинает казаться, что, может быть, некоторые мысли и не решительно вполне опираются на фактах, а иногда и а priori образованы, и после этого множество фактов, в которых выражаются эти идеи, подмечены, а другие, в которых выражаются не эти идеи, пропущены Гизо. Но это мнение мое весьма слабо и почти не имеет никакого основания по моему мнению.

Ныне утром, когда я лежал еще, вздумалось мне, по какой кафедре держать на магистра? Может быть, кроме славянского и истории, я буду колебаться между философиею и русской словесностью, — эти последние, особенно философия, пришли мне ныне с давнего времени в первый раз на мысль.

Когда я разменивал 10 руб. сер. в лавочке (на Гороховой где-то), стояла у прилавка и покупала кофе какая-то девушка около 15—17 лет, маленького роста, с толстым лицом, кожа вся в подкожных крупинках, поэтому мне показалось, что она, должно быть, не из хорошего дома. Когда мне сдали, я оставил было, как обыкновенно в рассеянности, двугривенный. Она без всякой ложной интонации подала мне его, сказавши: «Вы позабыли». Я сказал: «Покорно благодарю». Это доказывает, что в каждом человеке, напр., и в ней, гораздо более хорошего и честного, чем сам человек думает и чем другой видит в нем.

К нынешней лекции я приготовился и наверно каждый раз буду готовить.

Теперь у меня нет денег, а между тем одежда начинает изнашиваться, а главное — грозит ненастье, а у меня одни сапоги, и к тем нет калош, и мне как-то не то что страшно, а немного неприятно думать о том, что скоро понадобится все это, а я не думаю, чтоб мне скоро сделать это все, тем более, что мне хотелось бы все, что можно, передавать Вас. Петр., и теперь я несколько понимаю, что должны чувствовать бедные при приближении зимы, и т. п.

Как чернильницы кругом не было, то я попросил Лыткина поставить свою чернильницу назад, и это писано из нее.

В. П., бывши у нас третьего дня, сказал мне, что я грубиян, за то, что я называю Терсинского отсталым в глаза. В самом деле, ему кажется, что это может быть оскорбительно. Я на это

не согласен, но сам давно вижу, что вообще слишком резок в своих выражениях и легко могу оскорбить того, с кем говорю, если не уважаю его, а уважаю я немногих, а если безразличен к нему, то легко могу оскорбить.

Если писать откровенно о том, что я думаю о себе, — не знаю, ведь это странно, — мне кажется, что мне суждено, может быть, быть одним из тех, которым суждено внести славянский элемент в умственный, поэтому и нравственный и практический мир, или просто двинуть вперед человечество по дороге несколько новой. Лермонтов и Гоголь, которых произведения мне кажутся совершенно самостоятельны, которых произведения мне кажутся, может быть, самыми высшими, что произвели последние годы в европейской литературе, доказывают для меня, у которого утвердилось мнение, заимствованное из «Отеч. записок» (я вычитал его в статьях о Державине⁶¹), что только жизнь народа, степень его развития определяет значение поэта для человечества, и если народ еще не достиг мирового, общечеловеческого значения, не будет в нем и писателей, которые должны быть общечеловеческими, имели бы общечеловеческое достоинство. Итак, Лермонтов и Гоголь доказывают, что пришло России время действовать на умственном поприще, как действовали раньше ее Франция, Германия, Англия, Италия.

Я думаю, что нахожу в себе некоторые новые начала, которые не нахожу ясно и развито и сознательно выраженными в теперешней науке и теперешнем взгляде на мир и которые теперь, конечно, весьма неясны, или не то, что не ясны, а главное — которые еще не получили твердости, общеприменимости, которые в своих приложениях еще не тверды, а часто управляются минутною прочитанною мыслью и новым узанным фактом. Должен сказать, что такое мнение о себе утвердилось во мне с того времени, как я почел себя изобретателем машины для произведения вечного непрерывного движения, и только несколько переменилось в объеме (тогда я считал себя одним из величайших орудий бога для сотворения блага человечеству, а теперь нужды нет, я не заспорю, хоть был бы равен Гизо или Гегелю или чему-нибудь подобному) и в предмете.

Да, о машине: я не могу сказать, чтобы я убедился, что это невозможно; мне, напротив, кажется противное, но только как недостает средств начать исследования на деле, то я и сижу и молчу, и поэтому мои мысли затеснены в глубь души, на мои ежедневные чувствования и действия не производят никакого влияния. Может быть, они действуют зато вообще, на все направление мое в целости, но и этого я не могу сказать по фактам, а только а priori предполагать. Но если б я получил 20 000 руб. сер., я тотчас принялся бы за пробы: мне кажется во всяком случае так, и решительно увлекся бы.

Итак, должно сказать, что я довольно твердо считаю себя человеком не совершенно дюжинным, а в душе которого есть семена,

которые если разовьются, то могут несколько двинуть вперед человечество в деле воззрения на жизнь. И если я хочу думать о себе честно, то, конечно, я не придаю себе бог знает какого величия, но просто считаю себя одним из таких людей, как, напр., Грим, Гизо и проч. или Гумбольдты; но если спросить мое самолюбие, то я может отвечу себе: бог знает, может быть, из меня и выйдет что-нибудь вроде Гегеля или Платона, или Коперника, одним словом, человека, который придает решительно новое направление, которое никогда не погибнет; который один откроет столько, что нужны сотни талантов или гениев, чтоб идеи, выраженные этим великим человеком, переложить на все, к чему могут быть они приложены, в котором выражается цивилизация нескольких предшествующих веков, как огромная посылка, из которой он извлекает умозаключение, которое задаст работы целым векам, составит начало нового направления человечества.

Однако, должно сказать, что меня эти мысли теперь мало волнуют, потому что жизнь моя поглощена или ничтожностью, или *praeoccupata est** мыслью и заботами житейскими, главным образом, заботами о Вас. Петр., и вообще у меня теперь довольно давно уже нет ничего лихорадочного в этих мыслях, что бы заставляло меня действовать неустойчиво, так, чтобы горела голова и глаза, и я пожирал все, что попадает в мои руки, чтобы переварить это и извлечь из этого новое; напротив, по этому отношению моя жизнь течет в болоте, и даже мелкие планы и надежды, напр., сблизиться с Никитенкою или попасть в журнал, или написать словарь к летописям, по крайней мере, к самым главным, и т. п., более меня занимают и по времени и по интенсивности.

Но если я спрошу свои сомнения, которым, я не знаю, более или менее верю, чем своим надеждам, то я предполагаю, что все это вздор, что ведь так думают о себе все почти люди; но мне кажется, что те думают об этом так, что сами эти думы ручаются за пустоту их, т.-е. думают глупым образом, а что, напротив, я думаю об этом не как тупая голова, а как фантазер, которого фантазии доказывают его ум. Эти сомнения теперь (т.-е., по крайней мере, с нового года) также не мучают меня, даже почти нельзя сказать, чтоб делали мне сильное неудовольствие; конечно, лучше быть хорошим человеком, чем дурным, т.-е. ничего не стоящим для человечества и даром живущим на свете, но, однако, все равно почти, потому что я в сущности теперь о всем мало думаю, а поэтому и думы мои не интенсивны.

11¹/₄. — Когда пришел из университета, читал, пока пришел Славинский, которого я звал. Принес три номера «СПБ ведомостей»⁶² и мы говорили более о политике; взял первый том «Цивилизации во Франции», принес «Революцию в Англии», I том. — Я понял, что в самом деле одни люди умнее других, напр., он Залемана и Ал. Фед. — Вас. Петр. не был; Ал. Ф. пришел и принес

---

* Занята.

De animae immortalitate Flavii prisci quid senserint, tum e
scriptis vetustissimis quae ab eis habemus, tum ex eis, qui nostra po
etate observantur, ritibus sacris religionis priscas, et intelligimus
Camminae sepulchra, in Aula Reginae (Koniginhof) reperta, legentes
maxime invenimus, quibus animam ab eis immortalem credam, quod
quam a corpore separata esset, nihilominus tamen in vita restaret
probatum. Tschestmiri gladio graviter vulneratur. Wlastislau
deficiunt vires, a Morena (mortis deas) in tenebras crassas noctis actum
trahitur heros, caput e vulnere sanguis multus fluens humida terra da
lente bibit, e viridi in purpureum colorem mutatur gramen. Moth an
per guttas vin quondam robustissimi evolans, in arbore proximaco
seors paululum; tum per virgulta volitans, donec comburatur mortem
expectat. In quarto carmine haec invenimus, similiter in sexto
mors descripta. Horrendas et volat per auras Labi malle
atque ac et Ludexi scutum perfrengit; post scutum autem etiam
pectora Ludexi contundantur; animam quoque paridam malle

рукопись Н. Г. Чернышевского. запись лекций проф. Фрейтага по истории римской словесности

газеты 13—18 сентября; теперь я их прочитал бегло, ложусь. Славинский сидел часа два. Деньги забыл отдать Ал. Ф. У Олимпа хотел быть вечером, да как-то так устроилось, что решился не идти, отчасти потому, что какая-то лень, отчасти потому, что думаю, что все равно теперь уже было бы поздно, — он уедет в Гатчину, ничего не успевши сделать.

24 сентября. — Утром принесли мне повестку из квартала; пошел туда: пришла из канцелярии бумага, и мне там сказали, чтобы я написал, кто мой отец, они удостоверят сами без всяких подписей в несостоятельности. Я когда туда шел, спросил у дворника, откуда приходил солдат — из части или квартала; он, отвечая на это, сказал, что Федот Матв. велел сказать ему, как буду в квартале, и сказал, что тогда он сам этим займется. Теперь, может быть, успею получить [свидетельство о несостоятельности] и не заплачивать денег.

Славинскому отнес газеты русские, французских несколько принесу завтра.

Должен я сказать, что третьего дня вечером прочитал у Гизо, когда он говорит о законах германцев и опровергает взгляд немцев на их древнее устройство как на образец государственного устройства, прочитал мысли, которые ясным довольно образом начинались у меня тогда, когда прочитал в апреле, кажется, в «*Débats*» о Франции, что вот два месяца, как народ сам собою управляет без всякого правительства; но теперь, после Гизо, это приняло решительную ясность и вполне перешло в убеждение.

Вот история народа: сначала все свободны, но нет общества, это замечают и ищут средства выйти из этого состояния; зло само в себе носит противоядия против себя, и являются два противоядия естественным образом — [1] неравенство между лицами развивается, является аристократия, 2) является власть — так является общество. По одному тому уже, что люди живут в обществе, они развиваются под множеством влияний и столкновений, и, развившись, замечают, что власть и неравенство слишком много отнимают свободы и равенства, что общество могло бы существовать, не стоя так дорого частным *volontés* *, — и начинается стремление, противоположное тому, которое было раньше: раньше развивались власть и неравенство, теперь стремление *diminuer* ** их — конечно, это цель общества, оно стремится к тому, чтобы, наконец, каждый мог делать все, что хочет, если только с этим может существовать общество; только, говорит он, позабывают, что хотя первое и последнее состояние общества сходно, несходны несколько лица, составляющие единственные *êtres réels* ***; там они делают, что хотят, и нет общества, здесь общество есть, и они до того развились, *volonté* их *reglée* ****, что хотя они могут делать все, — не делают

* Волям.

** Уменьшить.

*** Реальные существа.

**** Воля упорядочена.

ничего, что могло бы разрушить общество (т.-е. я здесь несколько изменяю в конце мысль Гизо и говорю о последнем состоянии или, может быть, утонченном состоянии общества, между тем как он говорит только о стремлении). Я так и думал, что чем больше будет развиваться, тем меньше нужно будет стеснять его, тем меньше нужно будет власти общественной для того, чтобы порядок не был нарушен, и благо целого не было вредимо частными волями.

Как удивительно мелочен, какой педант, т.-е. глупый человек, Фрейтаг: теперь переводим 10 главу Светония, и он велит слово Бибула переводить на прямую речь, как делает всегда — и как ему это не скучно!

Я хотел поступить кандидатом на педагогические лекции к Курторге и говорил об этом про себя Воронину и так, мимоходом, Лыткину; вчера выбирали новых кандидатов, и я не знал об этом ничего, и меня не выбрали; я хотел это для того, чтобы через Курторгу со временем получить что-нибудь, но это теперь мне не вышло, и я мало об этом думаю, потому что думаю (хоть думаю, что это не удастся во-время сделать, как обыкновенно все, что предполагаю), что во время, когда еще буду в университете, смогу написать и напечатать в каком-нибудь журнале историческую статью, которой бы обратил на себя внимание, и поэтому ничего не потеряю, что не буду идти обыкновенною детскою дорогою, как Ведров и Захаров. Однако, кроме этого, я думаю еще и о том, что, может быть, будет случай сблизиться с Курторгою, вроде того, как замечание о Прудоне или что-нибудь такое; кроме этого думаю о Никитенке.

Тушев ныне подошел ко мне и весьма дружелюбно, как я ему обыкновенно, так он мне, подал руку. Поэтому сомнения мои относительно того, что меня считают подлецом в университете, возбужденные переданными через Залемана Вас. Петровичу словами Лыткина о моих отношениях к Срезневскому, может быть, несправедливы; однако, я остаюсь при прежнем мнении, что хоть меня не чуждаются, но, однако, все-таки считают это нехорошим. Не знаю, хорошо ли я сделал, что не пишу на медаль, — теперь шутя скажут, что мог бы и писать, и ничего бы не сказали против того, если бы я получил медаль, а если бы написал и получил, шутя бы восстали против этого и сказали бы, что это приобретено подлостями и угодливостью и тем, что Срезневский рассказал мне все, что нужно для того, чтобы писать. Корелкин, может быть, и не совершенно от души, говорит мне всегда, чтобы я писал, — нет, отчасти от души, может быть, и совершенно от души, вот что значит, что человек еще молод — все-таки не всегда смотрит на свой интерес или, по крайней мере, не всегда видит, что противно его интересу.

Ныне уходя сказал, что, может быть, не ворочусь к обеду и чтобы меня не дожидались: это с две недели как я думаю, что так как ходить домой слишком далеко, то может, когда я буду

бывать у Ворониных, время между окончанием лекций и тем, когда должен идти туда, я буду проводить у Вольфа. Не знаю, едва ли это будет исполняться в действительности, но сначала это доставляло мне удовольствие, но теперь, когда я рассудил, что решительно хорошо читать там нельзя, что «Débats» я имею от Ал. Фед., что, если я отстаю неделю, это ничего, потому что я не подвержен неудовольствию выставлять, что я не знаю, о чем говорят другие, и что в университете по политике ничего уже не говорят, — не так, как около начала марта, когда об этом говорили, что особенно поддерживалось тем моряком, который ходил к Курторге.

Что у меня вчера был Славинский — это хорошо, и мне понравилась его внимательность, и мне кажется, что прежние отношения, решительно дружелюбные, теперь восстановились, да, может быть, и не прерывались, а только мне так казалось по делу Срезневского и потому, что я вообще в университете говорю резко о профессорах, говорю несколько похабным языком, поэтому, бог знает, может быть, он и в самом деле по своему смирному характеру не имел такого интереса сближаться со мною.

Перед лекцией Фрейтага Залеману говорит Галлер о profana, что было мною переведено вчера. После окончания лекции он ведь вчера сказал Грефе, что можно переводить profana. Я Залеману привел пример, как один, которому было сказано Грефе absurdum, вышел из аудитории и Грефе у него на другой день просил извинения.

Вечером шел из университета и думал — к Вольфу или домой идти. Пошел домой, особенно потому, что не знал еще, буду ли у Воронина: так мне гадко показалось идти в теплой шинели, которая связывает ноги и которую должно поддерживать, по дождю. Что у меня нет калош, между тем, как уже грязь, — это наполняло довольно сильным и постоянным неудовольствием меня. Пришел домой, совершенно нечаянно попались под глаза калоши старые; я примерил — о чудо! надеваются! Это меня утешило. Повестки еще нет, нет и письма. — Пошел в холодной шинели к Ворониным, к Алексею, — он не просит садиться, думая, что я на одну минуту. Я постоял несколько времени и, как самому никак не хотелось первому заговорить, то сказал: «Прощайте». — Он сказал: «Что, вы идете к ним?» — «А я этого и не знал». Сел; ныне был первый урок, только еще теперь три Константину в неделю, но я мало о том думаю, что мало; во-первых, потому что думаю, что прибавится, во-вторых, потому что теперь мало забочусь об этом. Когда шел оттуда, почувствовал у Садовой усталость, которая, по рынку идя, усилилась весьма. Пришедши домой, лег читать и уснул. Теперь 10 час. с 20 мин., я ложусь и скоро, должно быть, усну. Что возобновились уроки, не сделало почти никакого впечатления, как я это думал раньше; а сидел за уроком я — как бы вчера же был у них.

25 [сентября]. — Снова у Фрейтага на лекции. Писал Корел-
9*

кин — и хуже Залемана, переводит Галлер. — Я, уставши от вчерашней ходьбы, уснул так крепко тотчас как лег, что проснулся, когда было уже четверть 9-го. Тотчас пошел посмотреть, готов ли самовар, — нет. Я стал одеваться, решив, что не буду пить чаю и поем черного хлеба; пока одевался, самовар почти поспел и я думал, чтоб избежать после удивления и расстройства, почему не пил, наложить чаю, после идти, чтоб думали, что я пил; но ушел так, и только когда выходил, Марья догнала и сказала, что готово; я сказал, что некогда, и ушел. Взял 3 номера (13 — 15 сентября) *Débats* для Славинского и отдал ему, потому что встретился с ним на дороге.

Напишу что-нибудь о моих религиозных убеждениях. Я должен сказать, что я, в сущности, решительно христианин, если под этим должно понимать верование в божественное достоинство Иисуса Христа, т.-е. как это веруют православные в то, что он был бог и пострадал, и воскрес, и творил чудеса, вообще, во все это я верю. Но с этим соединяется, что понятие христианства должно со временем усовершенствоваться, и поэтому я несколько не отвергаю неологов и рационалистов и проч., и, напр., Р. Legoux и проч., только мне кажется, что они сражаются только против настоящего понятия христианства, а не против христианства, которое устоит и которое даже развивают они, как развивали философию все философы, и Паскаль, и все; что они восстают против несовременного понятия христианства, против того, что церковь и ее отношения к обществу не так устроены, как требуют того отношения современные и современные нужды, и что христианство только может приобрести от их усилий, хотя, может быть (я этого не могу сказать, верно ли, потому что сам не читал их, а обвинениям, что они враги христианства вообще, я не верю несколько, как, напр., и обвинениям против Прудона и тем более Луи Блана), они и смеиваются временную, устарелую форму с сущностью. Мне кажется, что главная мысль христианства есть любовь и что эта идея вечная и что теперь далеко еще не вполне поняли и развили и приложили ее в теории даже к частным наукам и вопросам, а не то, что в практике, — в практике, конечно, усовершенствование в этом, как и [во] всех отношениях, бесконечно, а через это бесконечное усовершенствование и в теории, потому что теория, совершенствуясь, совершенствует практику, и наоборот.

Что касается до другого, по моему мнению, коренного догмата христианства — помощи божьей, сверхъестественного освящения, что и составляет собственно то, что есть сверхъестественного в христианской религии (хотя, однако, и догмат любви, и «ты должен не делать другому того, чего не хочешь, чтобы он делал тебе», в котором я решительно убежден, также, по моему мнению, не мог быть провозглашен Иисусом Христом в такой ясности, в такой силе, не мог быть положен так ясно им в основание своего учения об обязанностях человека, если бы он был просто естественный че-

ловека, потому что и теперь еще, через 1850 лет, нам трудно еще понять его и особенно трудно убедиться в том, чтоб человечество могло быть устроено по этому закону, а не [по] закону хитрости и своекорыстия, и особенно трудно нам убедиться в том, что можно жить и действовать в своей частной, личной жизни по этому началу истины, правды, добра, любви, — все это показывает такую зрелость и величие и вместе такое отсутствие всякой мечтательности, от которой не может удержаться естественный человек, одаренный такими благородными убеждениями, что нельзя не видеть в человеке, который так говорит, человека неестественного); так, что касается до этого догмата благодати, освящающей человека, я решительно нисколько не отвергаю его и готов даже по теории защищать его, но сам по опыту я не убежден в этом так твердо, как в других вещах, т.-е. я говорю по внутреннему опыту, по которому знаю, напр., господство и достоинство и божественное назначение любви и ценю ближнего наравне с собою. Итак, об этом втором догмате я ничего хорошо не знаю, т.-е. ничего определенного, точного, — что это такое, как это бывает, должно ли это понимать в сверхъестественном смысле, в каком понимают его наши богословы, или это что-нибудь более обыкновенное и естественное, т.-е. не такое отчужденное от остальных явлений в жизни человека и не имеющее аналогии в других сферах человеческой внутренней деятельности, кроме этой нравственной области. И поэтому, не имея об этом никакого опыта, — по крайней мере, не имея знания о таких действиях ни во мне самом, ни в других людях, я мало об этом думаю, как это обыкновенно бывает, что что мало связано с жизнью остальною, то плохо клеится в наших мыслях и мало имеет влияния на нашу внутреннюю и внешнюю жизнь (Гете, записки о своей жизни, о причащении таинстве); но по теории я скорее убежден в этом, чем сомневаюсь, и иногда даже замечаю за собою поступки, которые объясняются только верованием в сверхъестественную помощь божества.

Когда шел домой, сделалась довольно сильная тяжесть в желудке, так что было весьма нехорошо, поэтому пришел и тотчас же должен был бежать куда следует. Любинька в эту минуту по обыкновению стала говорить шутивым тоном: «Я должна тебя выбранный», и я прервал ее довольно нехорошо, сказал: «Матушка, нельзя было, я проспал», — и ушел. Теперь несколько недоволен тем, что в самом деле мое сожительство с ними или лучше теснота квартиры мешает заниматься, так [что] проходит время. Теперь, придя домой в 1^{1/3} (потому что Срезневского не было), я до сих пор ничего не сделал, кроме того, что прочитал три последние номера «Débats» и страниц 30 «Истории Английской революции», да написал Русвята Срезневского. В самом деле, время проходит так и этому должно как-нибудь помочь. Сходить не знаю как, огорчит и наших, и их, и как-то неловко, что мало заплатил, т.-е. ничего не заплатил, и не хочется начинать говорить об этом. — 11 часов.

26 [сентября], воскресенье. — Хотел делать дело и ничего не сделал. Хотел быть у В. П. и не был. Дела не делал утром потому, что было лень, т.-е. собственно хотелось делать не дело, а читать Гизо «Английскую революцию», это так, но глупость вместо этого дала читать путешествие Греча ⁶³, которое принес Ив. Гр., и я пробежал все до обеда; после обеда пришел Пелопидов и принес письмо от Промптова, — пишу ему верно в субботу, может быть, и после завтра; вместе спрашиваю его о том, как писать Палимпсестову. Был и Ал. Ф. Когда сидел Пелопидов, я ужинал; скука мне казалась еще более с ним, чем с Ал. Ф., и в самом деле скучал. С Ал. Ф.-чем скучал тоже. Денег отдать не успел, отдам завтра, когда отнесу газеты. Ал. Фед. просидел до 9 час. После писал Срезневского и написал до конца Триглава, т.-е. листик. Думал писать что-нибудь и Фрейтагу, ничего не написал. Никитенке тоже.

27 [сентября]. — Утром писал Срезневского, пришедши из университета тоже, написал места поклонения в скалах. Срезневского не было, как и в субботу. От Ворониных, у которых гувернер показывал мне ныне внимательность некоторую, пошел к В. П., где просидел до 10 час. Над. Ег. показалась похожа на сестру, и нос по бокам показался не так, как должен был бы быть. Я думаю, это ошибка с моей стороны; думаю и то, что если так еще много пройдет времени, и она так станет загрубевать, — это нехорошо. С ним говорил о Гете и проч. У него болит нога, от которой он давно довольно хромотал несколько, теперь, говорит, нарывает, и что будет? что, если в больницу должно будет? что тогда? Весь день почти не думал почти от сердца, головою, конечно, о нем и о его положении. Завтра хотел быть у Никитенки. — 11¼. Желудок был несколько расстроен вчерашним пирогом с начинкою, т.-е. луком. У нас был, когда меня не было, Ив. Вас., — и хорошо что был, когда меня не было.

28 [сентября]. — Сейчас написал письмо домой и за чаем читал Гизо «Hist. de Révol. d'Angl.» середину второй книги, где говорится о том, каково было состояние умов во время деспотизма и через открытие тех последних парламентов, о религиозном состоянии и утвердилась и блеснула мысль, что все это — бурные, идущие далее, чем пошла реформа в Германии и Швейцарии и Англии, секты родились оттого, что правительство и духовенство высшее, которые должны были бы руководить этим восстанием, этою реформою, лицемерно, нерешительно соединились с реформою. приняли ее вполнину, повели и не довели, а стали удерживать на половине дороги; вот и начались эти секты, которые пошли сами *sans et malgré lui* *. Итак, это новый великий пример, утверждающий в мысли, что правительство должно идти впереди.

28 [сентября]. — Пришел и думал переводить, но стал переводить Лыткин, а я этому был даже рад, потому что обыкновенная

* Без него и вопреки ему.

нерешительность. Теперь осталось только 20 минут, потому что раньше чернильницы не было, и попросил Залемана переставить к себе назад. Напишу что-нибудь. Хоть о том, что думал сделать для Никитенки — сначала Грушницкого характеристику писать, теперь едва ли, не знаю, как обыкновенно; верно выйдет, что не буду писать, пока Никитенко не скажет сам что-нибудь. Утром был у хозяина, он сказал, что справится и позаботится. Утром писал письмо своим.

Напишу о Вас. Петр. что-нибудь. Мне после вчерашнего пришли в голову мысли, которые, бог знает, может быть, и утвердятся, что в самом деле она не может составить его счастья, т.-е. главным образом то, что много уже прошло времени и все еще проходит, а он ничего не делает, кажется, еще для ее образования, потому что невозможно употреблять на это внимания, которое занято возможностью жить. Теперь мне кажется, что я не могу ему по чистой совести сказать, что считаю ее существом высшего разряда, что не вижу в ней обыкновенной женщины ее класса по рождению и воспитанию, т.-е. обыкновенной простой женщины. Но когда я сравниваю ее с Любинькою, которая все-таки лучше большей части своих одноклассниц, то мне кажется, что там решительно такая же разница, как, напр., между ним и Ив. Гр. или Ив. Вас. Что касается до него, я думаю, что я еще решительно вполне не могу оценить его ума, потому что сам не развился до этого, и что теперешнее мое мнение о нем более инстинкт, принимающий форму радостной уверенности, чем выведенное из фактов заключение; точно так же, напр., как я не уверен, что я сам, а не предрассудок заставляет меня считать великими многих из тех, кто считается великими, напр., Шекспира или т. п.

Но верно то, что когда я говорю с ним, то я опасаясь за себя и сознаю, что ниже его, и главное то, [что] я следую ему в мнениях, как, напр., следую Гете. Напр., он говорит, что «Мертвые души» выше «Ревизора» и драматических сцен, так что видно, как Гоголь растет с каждым годом, и я был убежден в этом и думал, что точно, это можно заметить. Вчера он сказал, что вот он читал повести Гоголя (где «Шинель» и проч., тот том), и говорит: «Вот ведь, так же хорошо, как «Мертвые души», почти никакой разницы нет, а между тем ведь до «Мертвых душ» не ставили еще Гоголя так высоко». Он сказал это, и я убедился и увидел, что в самом деле между повестями и «Мертвыми душами» нет разницы, — признаюсь, что я и раньше так почти думал, но когда он сказал противное, то и я подумал противное. Итак, это и вместе то, что когда я говорю с ним, то постоянно думаю: «Как-то я говорю, не то ли я говорю, что говорит Адамова голова и младший Залеман, и не кажется ли это ему так же глупо»; одним словом, я чувствую, что я перед судьей, который может судить и который по праву судья надо мной, а когда я говорю со всеми другими, я чувствую как-то, что я господствую над ними и что мне нет дела до их мнения обо мне. Так-то я думаю.

10 час. вечера. — В университете со мною сидел у Грефе и Никитенки Герасим Покровский — он что-то внушает мне нелюбовь к себе. У Никитенки читал Главинский, я защищал несколько его против Корелкина, но раз и посмеялся также над ним, когда он сказал, что воину необходимо знать греческий. Когда шел из университета, утвердилось мнение о том, чтобы постоянно защищать тех, кто будет читать, — так и сделаю. Это, во-первых, несколько в моем духе: какое право вы имеете говорить, что это глупость, если сами в ответ на нее говорите новую глупость, и во-вторых, — можно приобрести этих господ.

Вечером ничего не делал, только читал несколько Гизо; пришел Вас. Петр., мы смеялись над Ив. Яковл. и над Главинским, который поместил в «Полицейской газете»⁶⁴ его биографию, в которой очень хвалил его как профессора. Я пошел проводить Вас. Петр., он сказал, как обыкновенно говорит, что, кажется, это не нравится Терсинскому, что мы смеемся. После несколько поговорил о Над. Ег. (я ему сказал за несколько дней, когда он говорил: «Только не противна мне, а решительно равнодушен, а что не противна, это так». — «Да это важное дело, что не противна, это весьма много уже, потому что, что касается, например, до меня, то немного людей, которые бы не опротивели мне, когда б я жил с ними вместе»), — что он подумывал о том, каких женщин знал, и раздумывал, что все они ему страшно бы опротивели, а Над. Ег. ничего, несколько, потому что в ней нет кокетства, жеманства, принужденности, натянутости. Ныне у меня не билось сердце, когда он говорил о ней. Вообще кажется, тут, что он начал ставить как бы в заслугу ей и достоинство пред другими, что она не опротивела, было мое влияние. — Вечером думал о том, что писать Фрейтагу: думал о своем семинарском рассказе о Милоне⁶⁵, — он написан дурно и почти все должно исправить; о переводе «Княжны Мери» — и даже начал было писать и проч.; кажется, буду писать Milo.

29 [сентября]. — В университете несколько говорил с Фишером о цели, освящающей средства. Он сказал, что так говорили, — говорят, — иезуиты, хоть, может быть, и не говорили они этого. Как кончилась лекция, Залеман закричал, что это он говорит потому, что сам иезуит; я стал говорить против этого. — Несколько говорил с Лыткиным, стоя у кафедры у Куторги. Приходил к Куторге к концу попечитель; я совершенно владел выражением своего лица, но внутри несколько волновался или, собственно, злился на него. — я его враг, это так. Вечером несколько спал, несколько читал «Hist. de Rév. d'Angl.», большую часть времени писал Срезневского и почти дописал, хочу утром завтра кончить, — дописал до гаданий и остается одна только страница. Теперь 11½. Вас. Петр. хотел зайти, если пойдет к Залеману, я и ждал, и нет, потому что было довольно сыро, а он говорит, что у него нет калош.

30 [сентября]. — Утром писал Срезневскому, которого вечером
136

дописал перед тем, как пошел к Славинскому. Греше не было, и я пошел к Вольфу. 20 к. сер. за кофе. Вечером был у Славинского,— собственно, за газетами, говорил о философии и политике, кажется, попрежнему довольно хорошо. Оттуда, просидевши 2½ часа, к Ал. Фед., где просидел также около 2 часов и взял 19—22 сент. «Débats». День довольно хороший, т.-е. занимательный, но ничего не сделал, кроме того, что дописал Срезневского. Читал Ив. Гр. процесс Стратфорда из «Révol. d'Anlg.».

[Октябрь 1848].

1 окт., 11 час. — Написал Фрейтагу перевод из книги Срезневского о гаданиях, просидел не так много, как раньше, гораздо менее, всего часа 3½ с перепискою. Потом читал все «Débats», где, однако, ничего особенного нет; только разве речь Монталамбера, которая хороша, где нападки на университет, и дурна, где предлагает свои средства. Ал. Ф. обедал у нас и просидел до 6 часов; играли в преферанс и я играл с охотою, так что даже хотел бы еще поиграть час. Денег не мог отдать, потому что они спрятаны у Любиньки и взять у нее при нем — подать возможность ей и Ив. Гр-чу заметить это. Читал Вентворта (№ 1, приложение к Гизо) Ив. Гр-чу, и он начал несколько читать «Историю англ. революции», — может быть, понравилось в самом деле через мои чтения. С Ал. Ф. ни о чем не говорил. Вас. Петр. не был; я думал, но без сердца, только головою, о нем и о ней, как это довольно уже давно. В церкви не был. Да, третьего дня, как давно хотел, проходя мимо лавочки, которая за Пятью углами против дерева, купил на 7 к. сер. белого хлеба, который по виду казался лучше, чем какой покупает Марья, потому что печен не с такою коркою, а твердою, и поэтому выходит как московская сайка. После этого стал покупать там.

2 октября. — Мое сочинение прочитал и ничего не нашел, кроме praedicens и parans*, вместо которых предложил другие слова, да и apud Slavos divinatior**. Когда я шел, и раньше того, когда писал, то не то трусил, а в этом роде, как обыкновенно бывает, напр., перед экзаменами, но когда читал и много не разбирал или не понимал Фрейтаг, я отвечал совершенно равнодушно, не как обыкновенно, так что сердце несколько не билось, и отвечал голосом твердым решительно и громким, а не таким, как делал раньше. Итак, я думаю, что постепенно все исцеляюсь от своей способности смущаться и конфузиться или не в этом роде, а, как бы сказать, волноваться. Когда писал, то думал, что слишком стараться не должно, потому что ведь сам Фрейтаг не бог знает как много знает. Теперь переводит Воронин.

* Вступление и повествование.

** Гадание у славян.

Должно сказать, что я еще не удосужился сказать [В. П-чу] о том, что [даю] у них теперь уроки. Однако, не потому, что известно,— правда, совестно, но перед собою более, чем перед ним,— а потому, что позабывал, или потому, что нельзя было, потому что были другие при этом.

Напишу что-нибудь о моем суждении о чрезвычайных людях, напр., о Гоголе, Гизо и проч. Я, признаться, не совершенно сам независимо могу, кажется, видеть, что в самом деле они безмерно выше других; во-первых, потому что я ценю более отдельные части, чем целое, потому что (по крайней мере так я думаю) не достиг еще степени развития, необходимой для того, чтобы вполне обнимать целое. Правда, однако, что я стал понимать части более обширные, чем раньше, но, напр., в романе не могу еще хорошо и вполне с первого раза проследить развитие характера, а более смотрю на отдельные сцены,— это придет, я надеюсь, со временем; — итак, везде я более в состоянии ценить части, чем целое, а части могут быть украдены, т.-е. заимствованы, конечно, из известного писателя, которого еще не читал, и поэтому мне они покажутся своими, между тем как не принадлежат тому, которого читаю; и потом только в целом является истинное величие. Поэтому, признаюсь, между скелетом трагедии и самою трагедиею, между трагедией и лирическим стихотворением я не могу заметить большой разницы в значении, и, напр., в трагедии мне обыкновенно нравятся отдельные монологи и сцены. Во-вторых, мне кажется, этому много противодействует то, что я везде, где нахожу что-нибудь хорошее, склонен ценить того, кто сказал его, за умного человека и не понимаю хорошо, какое огромное различие между умною мыслью, высказанною умным человеком, и между умною тою же самою мыслью, высказанною дураком; и, напр., что у Греча в «Поездке в Германию» все глупость и пошлость, это так, но, напр., Мстиславцев, когда влюбился, смотрит в лица всем девушкам (однако, здесь, если снова смотреть предубежденными глазами, т.-е. так: великий человек — все, что говорит, если знаешь — должен принимать, если не знаешь — должен верить и стараться отыскать в своей жизни что-нибудь подобное; а невеликий, обыкновенный человек говорит, — что знаешь сам, так; что не знаешь или хоть чуть знаешь по опыту противное, — критикуй), то можно и здесь отыскать пошлость, т.-е. неверность сердцу. Он смотрит затем, чтоб отыскать черты, что не должен надеяться (слишком влюблен), а не затем, как я делал, когда был взволнован Над. Ег., чтоб сравнивать всех с нею со страхом, что, может быть, которая-нибудь сравнится с ней, но более с гордостью некоторой, что нет и не будет встречена ей равная. — Я открыл в себе подобное, что и теперь, но особенно раньше, смотрел в лицо всем, чтобы сказать, как говорит Валентин у Гете: «Вот и хвали каждый свою, я спокойнo сию и скажу, наконец: — а где есть такая, как моя Маргарита? — и все замолчат». — Так точно и в науке — не решительно хорошо я могу, напр., оценить «Историю Англ. революции» Гизо и,

напр., сам по себе не заметил бы в ней необыкновенной разницы с «Историей Фронды» Сент Олера, и если бы я не был предубежден в пользу Гизо, то, может быть, и сказал бы, что одною этою историею нельзя удовольствоваться, потому что ни по всестороннему и обширному, полному изложению фактов, ни по изложению идей она не решительно удовлетворительна и принуждает обратиться к источникам, чтобы узнать действителей и цели и образ действия их. Так-то я еще молод и слаб умственною силою. А Луи Блан почти в мое время уже выступил главою партии и стал одним из первых людей; Гете тоже, — это для меня неприятно.

11 час. — Отдал Срезневскому балтийских славян и, из университета когда шел, был весьма недоволен собою, — как-то мне кажется, что другие почитают это подлостью. Вечером был у Вас. Петр., у которого не остался сидеть, не хотелось оставаться и чай пить, но было неловко: он, кажется, осердился, что я ушел. Над. Ег. лицом снова понравилась больше, чем давно (с самого того воскресенья, когда я застал ее неодолю). Когда пришел домой, сшивал тетради, чтобы дописать Срезневского, и после читал Ив. Гр-чу процесс Карла I из Беккера. У В. П. ничего особенного не говорили.

3 октября. — Утром сходил к Корелкину за Шафариком, его не застал дома, дожидаясь Попова, который был у обедни, посидел с полчаса. Попов мне показался не так хорош, как раньше, и лицо несколько странно. Я слушал рассеянно и говорил тоже; после писал Срезневского. Пришел Ал. Фед., просидел три часа, говорил все решительно вздор. Я написал до местоположения городищ. Алекс. Фед. говорил с Ив. Гр. об Ирминархе и все почти насмешливо; рассказывал, как подлец Ионовский уведомил его отца о том, что сын его обокрал церковь, с тем сделался удар. Это меня раздражало несколько, потому что подобное было недавно с папенькою. Писал Промптову. Вчера, когда шел от Вас. Петр., вздумал, и теперь решительно думаю, в этом письме написать папеньке: огорчит их или нет, если я перейду от Терсинских. Главная причина — по крайней мере мне так кажется, — Вас. Петр.; больше через это расстраивается знакомство с ним. Если напишут, что ничего, то я скажу, чтобы, если угодно, переменили квартиру и взяли такую, чтобы мне была особая решительно комната, так, чтобы ни мне, ни от меня не было беспокойств. Между тем о В. П. думаю мало. — 11 часов. Писал, совершенно не читал.

4 октября. — Утром писал Срезневского, написал городища. В университете прочитал объявление, что кто нынешний день не заплатит, будет уволен. Ничего особенного не почувствовал, только завтра побываю у хозяина и проч., чтоб справиться, не готово ли уже. Не беспокоюсь об этом, потому что ждал, что не успею получить свидетельство, а эта угроза вздор. Просидел у Вольфа обед, выпил кофе и до самого того времени, как в 9¼ час. воротился домой, ничего не чувствовал, только несколько усталости в ногах. У Вольфа газеты читал мало, более читал «Отеч. записки», кото-

рые мне подал мальчик, что меня утешило: значит, знает уже. От Ворониных пришел к Вас. Петр., потому что думал, что он рассержен, что я третьего дня ушел так скоро. Посидел с час почти и ушел, потому что был не во-время. Дома съел хлеба, после уснул, теперь поуужинал,* но все еще как-то несколько как бы пусто на желудке, хоть не голодно, а в этом роде. Пошел к Вольфу вместо дома, более чтоб испытать, могу ли так делать или нет, чем потому, чтоб хотелось много быть там. Купил Светония за 35 коп. сер. у Эггерса и подлых конвертов, продававшихся у колонны в Гостином дворе, 25 за 15 коп. сер.; в кондитерской 30 коп. сер., получил 10 коп. сдачи, отдал мальчику — итак 80 коп. сер.

5 октября. — Был у хозяина, он хотел ныне узнать, но ничего не сказал. До того самого времени, как пришел Вас. Петр. (6 часов), тосковал от мысли о деньгах, которые в университет, и проч., и объявлении, что кто 4-го не получил свидетельства, будет уволен; хоть знаю, что это вздор, все-таки тоскую, потому что знаю, что всякий вздор может иметь последствия и никогда нельзя надеяться, что дело кончится как следует, а между прочим и по природной трусости. Пришел по обещанию Вас. Петр., сидели все вместе и говорили о вздоре, только Ив. Гр. повторял, что проповеди трудно писать. Я стал говорить об этом несколько много, он, конечно, замолчал. После проводил Вас. Петр. и пошел к Ал. Фед., где взял [«Débats»] 23—25 сент. Написал домой о том, могу ли, не вводя их в сомнение, сойти от Ив. Гр., хотя еще вставши был почти уверен, что не решусь написать⁶⁶. Ныне, когда вставал, особенно тосковал и тоже третьего или четвертого дня, так что показалося, как бы пословица: «утро вечера мудренее», имеет и то основание, что утром человек более расположен к критике и неудовольствию на себя.

У Никитенки читал Корелкин; я все молчал, но когда думал, что он спросит, кто будет далее писать, то думал сказать, что я; и хотел писать о Гете и обвинениях его в эгоизме и холодности. Некоторым поводом к этому было то, что было сказано Никитенкой и Корелкиным несколько неуважительных слов о Гоголе; Никитенко сказал: «Гоголь — поэт и писатель и Гоголь — не поэт и не писатель — два совершенно различные человека» и проч. Корелкин читал слово в слово Никитенкины лекции, и мне пришло в голову, что в самом деле это так, что и дурак усваивает умные мысли, хотя и сам не понимает их. Меня всегда волнует то, когда говорят, как о нехороших людях, о великих людях, и слова Гизо «никогда великое событие не совершается по незаконным побуждениям» я перелагаю и так: «Никогда великое событие не совершается, никогда ничего великого не производится через человека, который бы не сделал чести человечеству и тогда, если бы не был действователем в истории и не играл такой важной роли в обществе или умственном мире, а был бы известен в тиши». 11 часов, ложусь. Когда же я буду писать Никитенке? В следующий раз будет читать Корелкин и снова Главинский; после будут исто-

рические темы, которые, верно, я не возьму, потому что, напр., о «Слове о полку Игореве» я не хочу писать.

6 [октября]. — Когда ныне встал, то не был так тосклив, как вчера. У Фишера сидел, другие говорили и я хотел говорить и ужасно волновался перед этим в последней половине лекции, так что дрожал, как в лихорадке. Когда воротился домой, не хотелось сидеть одному до завтра, — что будет, когда решится, так или нет (т.-е. нет, конечно), потому что принесли повестку в квартал. Пошел поэтому к Славинскому, где его сначала не было; сидел поэтому с отцом, после с ним, после пошел к Ол. Як., где были гости, с которыми играл несколько за него в карты. Когда к нему пришел еще посторонний гость, — ничего, не конфузился. Славинскому отнес номера «Débats» и взял у него 2-ю часть «Истории революции». Ночью делал попытку пойти в кухню, но разбудил Ив. Гр-ча и поэтому, конечно, воротился. — Подлец. —

[7 октября]. — Утром встал покойно, хотя почти был уверен, что дело продлится так долго, что должно будет отдать деньги; но там показали мне чистый отказ, которого я решительно не ожидал, а всегда думал о противном. Это мне показало, что необходимо для того, чтобы выиграть дело, иметь своих людей между теми, которые производят его или через деньги, или через знакомства, а теперь вздумал я еще, что кроме того я сам неискусно вел дело и мог бы представить обер-полицмейстеру при его просьбе уже готовое свидетельство. Отказ, можно сказать, нисколько не возмутил меня. Просидел полчаса в квартале, пока писали расписку в слышании, которую я должен был подписать; после по дороге разменял серию у менялы, так как купцы не хотели (Любинька истратила деньги, которые я отдал беречь ей, и когда я спросил их, то велела разменять серию), и дал промена 25 коп. сер., о которых не сказал Ив. Гр-чу, а отдал свои. Шел в университет почти решительно спокоен, что все пойдет хорошо и деньги примут и свидетельство выдадут. Казначей точно принял без всякого особого внимания или рассуждений, потому [что] еще не поздно и многие еще вносят, [так] что я не исключение, а правило. Потом отдал квитанцию и свидетельство, которое должно переменить, Грейсону, который также ничего, принял, как бы я не первый и не последний, — это хорошо. Пошел в библиотеку и там читал *Revue de deux Mondes*, сначала политические обзоры за 1840 г., из которых не узнал ничего, кроме того, что Гизо тогда был посланник в Англии, после Лерминье о Парламентской истории *Buchez et Roux-Lavergne*. Бюше, главный издатель его сборника, что мне было весьма любопытно узнать, исповедует евангелие и основывает на нем систему якобинцев, которых тоже поддерживает. Это хорошо и поднимает его в моем мнении, хотя против этого и говорит Лерминье.

У Куторги сидел попечитель⁶⁷, я ничего, только был суров и глядел иногда на него мрачно, — я его враг, но уже не волнуюсь при виде его. Вчера, когда я давал Куторге подписывать Мюнха,

он сказал, что это не слишком хорошо написано, и говорил, что лучше. Я образовал проект подавать ему беспрестанно по два новых билета для подписки, что, конечно, отчасти будет исполнено. Отдал Лыткину его Светония. Когда пришел домой, читал Гизо и почти дочитал первый том. Пришел Ал. Фед., принес 26—30 сентября, которые я уже просмотрел, главное о Франции; просидел до 8 час. После я читал «Débats» и поэтому и ныне, как прежние дни, ничего не делал, т.-е. ничего не писал для Срезневского. Герасим Покровский ныне в аудитории не подходил уже ко мне, что мне, конечно, приятнее. Когда шел из университета, захотелось сильно на двор за большою нуждою, и я зашел на Гороховой в дом в третьем проулке, т.-е. дом, который перед Красным мостом, там сходил; но когда застегивался, какая-то девушка в красном платье отворила дверь и, увидев мою руку, которую я протянул, чтобы удержать дверь, вскрикнула, как это бывает обыкновенно; я не почувствовал при этом никакого движения и даже не полюбопытствовал, хороша ли она. Когда Ал. Фед. стал говорить о Софье Никифоровне или, как он говорит, Соничке и других красавицах, я, поддерживая довольно вяло этот разговор о красавицах, довольно живо волновался, конечно, думая о Над. Ег. — Теперь 10 час. 40 мин. Ложусь читать «Débats».

8 [октября]. — Напишу о моих отношениях к Вас. Петр. Не знаю, как это сказать: верно оттого, что теперь редко с ним вижу, теперь почти никогда и почти ничего не говорю о его состоянии и как-то мало волнуюсь его положением; мысль о нем почти постоянно у меня и почти всегда я о нем думаю точно так же, если не более как о себе, т.-е. *implicite* *; кажется, думаешь о другом, а господствующая мысль все та же. Это все равно, как то же, напр., когда я иду и считаю шаги — думаю о другом, кажется, и вовсе не считаю, вдруг, как вспомню, говорю — 235 или в этом роде, или все равно почти как о себе; прекрасно, не знаю, откуда взял это сравнение Греч: «В канатах английского флота по всей длине всегда идет в середине красная ниточка».

(Сейчас Фрейтаг кончил перевод, и должно было делать парфраз, никто не хотел и я тоже; наконец, Лыткин сказал — *ego* **. Тогда Фрейтаг сказал *inter vos non convenit, ego ipse ordinem constituam* ***, и, начиная с Лыткина, учредил порядок, в котором мы и пишем — это мне нравится отчасти, хотя это противно *libertati* ****, поэтому не нравится отчасти),

...незаметная для того, кто смотрит снаружи, но вечно идущая — так и эта мысль. Но все-таки, как бы то ни было, я думаю головою, а не сердцем, и без особого волнения или тоски; иногда бывает и это, но редко и не в такой сильной степени, как раньше, когда я ежедневно говорил с ним. Мое мнение о его достоинстве и

* Скрыто.

** Я.

*** У нас не клеится, я сам устанавливаю очередь.

**** Свободы.

уме и сердце остается прежнее, т.-е. самое высшее, какое только имел я о каком человеке мне знакомом — конечно, мое слабое доверие к своей оценке препятствует мне сравнивать его с теми людьми, которые увенчаны авторитетом в моих глазах, напр., Гоголь, или Гизо, или Луи Блан, или кто-нибудь в этом роде, но, напр., ни с кем из наших я его никогда не сравниваю. О ней я хорошенько не могу ничего сказать. Кажется, я теперь должен сказать, что я очень высоко или, лучше сказать, довольно высоко ее ценю, но собственно отрицательно, а не положительно приписываю ей большое достоинство, т.-е. почти ничего не нахожу в ней (кроме некоторого тона, которым она произносит названия своих кошек, или названий, которыми называет их) такового, что меня так отвращает, напр., от Любиньки или от других, которые мне, если ближе всмотреться и отбросить чисто физические влечения и снисхождения, то внушают отвращение.

Если что писать о Срезневском, то я должен также сказать, что так как слишком давно не говорил ничего с ним, а читать он не читает ничего особенного, то я теперь мало думаю о нем и почти не одушевляюсь им. Другие люди, т.-е., главным образом, французы, теперь действующие или недавно действовавшие, история, особенно новейшая, и политическая экономия заняли мои мысли, и русские все как-то исчезают. Но, конечно, я и раньше его не сравнивал с великими действующими Запада, но мало о них думал, поэтому более места оставалось для него.

Должен я сказать, что я довольно лениво читаю все, что у меня есть, т.-е. собственно Гизо, который теперь один у меня, потому что жажду узнать новейшую историю и теперь думаю, что мне должно будет удовлетворить этому желанию, и тогда я мог бы снова с рвением обратиться к истории до 1789 г., а то это заслоняет от меня теперешнюю — как, в самом деле, не знать, что и кто теперь действует на свете и что думать, и за кого бояться, кому сочувствовать, чего надеяться, что эти люди, которые теперь действуют. «*Débats*» читаю почти все, хотя не соглашаюсь с ними во взгляде на предметы совершенно, — для них равенство слишком далеко зашло, а по-моему оно глупо и отстало и речь Deville, которую он сказал по случаю выбора Raspail в представители, то что говорит Corne и проч., мне кажется вздором и вздором опасным, который постоянно делает то, что правительство находится в противоречии с обществом, между тем как собственно должно идти впереди его. Общество говорит то, правительство говорит другое и, главное, боится высказать те начала, на которых основывается и оно само, и вообще общество.

11 час. — Взял Мюнха и лежал, читал, пока пошел к Ворониным. Оттуда к Вас. Петр. У него были Самбурские; Ольга Егоровна мне лицом снова теперь решительно понравилась, но движениями, голосом и всем — какое сравнение с другой! Верно это происходит оттого, что не испорчены заученным гримасничаньем они. Играли в карты — мельники, а после короли, — я старался сделать

так, чтоб [королем] был кто-нибудь — Ольга Ег. или Над. Ег. — Просидел полтора часа и просидел с удовольствием, хотя, правда, не живым, но с удовольствием и как бы в семейном кругу, чего не чувствую, когда бываю с Терсинскими, — может быть, оттого, что живу с ними и поэтому пошлое в них уже надоело и через то кажется вдвое пошлее — но, кажется, нет — здесь не так много пошлости. Вас. Петр. ничего не говорил решительно, все сидел молча. Николай Самойлович поссорился с Над. Ег. за взятки в короли. Над. Ег. мне показалась действительно весьма хороша, хотя я особенно пристально смотреть не чувствовал стремления и не находил при этом в себе волнения.

9 [октября]. — Говорили о том, что должно сказать Фрейтагу, чтобы он перестал употреблять этот строгий глупый тон и обращаться так, как до сих пор: напр., вчера сказал Залеману грозным гувернерским голосом: «Non est confabulandum!» * Конечно, отчасти это говорилось не в уверенности, что что-нибудь выйдет из этого, но все-таки. Притом сами студенты отчасти виноваты в том, что так с ними обращаются. Тут было несколько человек, они согласились, чтоб сказать. — Вчера, собственно, должно было, кажется, переводить мне, но не хотел, потому что не готовился и потому что не хотел иметь дела с Фрейтагом, как и теперь не хочу, потому что сильно не люблю его. Таким образом я отчасти виноват в том, что Фрейтаг учредил этот порядок, и мне вчера сказал это Славинский. Ныне подавал Тихомиров и наделал много ошибок, и Фрейтаг несколько раз поводил глазами по студентам, чтобы увидеть улыбку, одобряющую его придирки, но, к счастью, студенты довольно хорошо себя держали и никто не засмеялся; только раз, когда Фрейтаг спросил, что это за вещь *pisces testaceae***, что написал Тихомиров, который писал о пище римлян из лекций Шлиттера, то Лыткин, улыбаясь, сказал, что это вместо *testudines****, конечно, но Фрейтаг в этот миг смотрел в другую сторону.

Вчера отнес Баранта; когда возвращался из университета, вздумал, что пора перестать говорить с Корелкиным о борделях и проч., потому что это неприлично и глупо и может на меня набросить мантию сквернословца. Итак, бросаю решительно, а вздумал это по поводу разговора, который имел у Куторги перед лекциею. Вместе с этим решил я сам не вмешиваться в разговоры и не подходить ни к кому, чтоб восстановить свою репутацию, потому что, может быть, меня считают навязчивым человеком, и, главное, для меня неприятно то, что со мною постоянно говорят больше Вологодские, т.-е. дурная партия, а, напр., Тушев, Лыткин и даже сам Славинский и также Воронин ничего (да это и нечего говорить, и я не хочу этого, а так только), почти также ничего.

Когда вчера сидел у Куторги попечитель, я смотрел на него, ко-

* Не болтать!

** Черепоконные рыбы.

*** Черепаша.

нечно, с враждою, но вместе и с некоторым не то что сожалением или презрением или, — ну, а как это сказать, сам не знаю: сидит старик, и губы и все это кажется опустилось, как обыкновенно бывает у стариков: и это развалина — это возбуждает некоторое чувство сожаления; но эта развалина поставлена управлять и стеснять движение живых сил (т.-е., пожалуй, и не сил живых, но все-таки выказывающих некоторые признаки, что не совершенно гнилы), и эта же развалина принимает грозный и глупый тон и кричала, между тем как право должно бы молиться богу да сидеть в вольтеровских креслах. И что за радость везде совать старых дураков, которых должно бы давно уже отпустить на покой. А между тем, все-таки старик, — и я при этом вспомнил о бабенке, у которой лицо так же опустилось. И жаль, что старик этот так странен, или, как это сказать, — жаль, что он явился в таком положении, а между тем, смотря на него среди молодежи, и нельзя не вспомнить мысли несколько грустной о старости. А чувство, внушаемое идеею, переносится несколько и на неделимое, в котором выражается идея.

Когда в эти дни погляжу на Галлера и вижу глупость или что-то в этом роде, вообще что-то нелепое, как говорит Вас. Петр., написанное на его лице, и вспомню; что это говорил с самого начала Михайлов, то думаю, что у меня недостаток проницательности и что я узнаю человека в год, между тем как другой узнает в одну минуту.

Вчера, когда ходил к Ворониным, нисколько не устал, не так, как в первый раз, и теперь, кажется, почти постоянно буду приходить домой. У Мюнха ⁶⁸ ничего почти нет; но только я узнал, что Гизо издавал «Temps», — имя, которое меня поразило — весьма нехорошо: что это за перевод с английского «Times»? ⁶⁹ — мне неприятно видеть англоманию. И по нему выходит, что главным образом во время июльской революции действовал Arm. Carrel, а Гизо был только второй после редакторов «National» ⁷⁰, Карпель тогда собственно был главным революционером, и там снова выставляется Al. de la Borde главным действующим из Палаты депутатов.

То письмо, которое я получил вчера, говорит: «на боку лежать не должно», — в ответ на мои слова, что я здесь обыкновенно лежу на боку. Во-первых, что я за дурак, что сколько раз уже видел, что писать подобных ругательных вещей о себе не должно, и все пишу; во-вторых, это заставило меня задуматься несколько, не обязан ли я заниматься не тем, чем хочу, как, напр., новейшей историей, а чем должно и что нужно для экзаменов и по мнению людей другого мнения, чем я.

10^{1/2}. — Читал все Мюнха. С 6 до 8 сидел Вас. Петр., после я его проводил, дорогою смеялся над Терсинским и проч.; он сказал, что Ольга Ег. теперь ему менее нравится, чем раньше, и он видит, что в тысячу [раз] она не так понятлива, как Над. Ег. Он переводит стихами «Коринфскую невесту» ⁷¹ и хочет переводить, кажется, «Фауста» — это все хорошо. 9-е число.

10 [октября]. — Читал Мюнха, «Débats» и статьи, которые списаны в некоторого рода сборнике, который взял на несколько дней Ив. Гр. у своего приятеля дьякона, — «О новой и древней России», Карамзина ⁷²: весьма умный и добросовестный человек, весьма много хорошего и дельного, но есть много и устарелых негодных понятий, напр., восстает против централизации, министров, хочет усиления власти губернаторов; хочет, чтоб известные места давались только дворянам, вообще который очень любит, чтобы дворянство раздавалось с большой осторожностью; говорит против Сперанского; во всяком случае, мне так кажется, — ученик Монтескье, только несколько отсталый от тех, которые через него хотели англ. *Verfassung**. Письмо Сперанского государю, которое читал и раньше, очень хорошо, и видно, что весьма умный человек, об Александре составил мнение, что должно быть был весьма хороший человек, когда ему так писали.

В 6 час. пришел Вас. Петр., Любинька скоро ушла к хозяевам, но пришел Ив. Гр., который ходил к своему приятелю, но воротился и сказал, что пойдет к хозяевам, однако, просидел целых два часа дома, сначала за чаем, а после чорт знает зачем, и ужасно надоел мне: чего сидит человек и нейдет туда? Себе никакого удовольствия, а другим мешает. Наконец, в 8 час. ушел. Посидели до 9 час. с Вас. Петр., он думает, как бы перевести Гизо и пр., но знает, что денег нельзя за это получить. Теперь 11 часов. Утром был Ал. Фед., взял «Débats» и переписывал здесь на моей бумаге завещание Розенберг, я ему для этого должен [был] устроить транспарант в лист. День прошел так, не то что без пользы, не то что с нею.

11 [октября]. — От Ворониных зашел к Ал. Фед. и зашел после к Олимпу Як., чтобы показать письмо. От Ал. Фед. ему «Débats» возьму завтра, когда пойду из университета. Устал довольно и поэтому, когда пришел, все спал и теперь тотчас ложусь. Отнес Пшеленскому лекции Срезневского 2 курса Корелкина, которые просил он еще в пятницу.

12 число, 11 час. — Пошел на вторую лекцию, но Грефе читал первую, и вторая была свободна; я этому был весьма рад и просидел в библиотеке; прочитал в 1841 «[Revue] de deux Mondes» ⁷³, которые теперь в библиотеке читаю, статью Carné, который говорит вместе о новых сочинениях Ламне, Прудона и Луи Блана. Еще не кончил, но меня поразила сила мысли этих господ, и, признаюсь, я решительно их последователь, и мне остается только читать их в подлиннике и только, — я совершенно предан им и уважаю их.

Славинский предложил ходить к Грефе и записывать замечания поочередно — хорошо. У Никитенки читал Главинский об отношении поэзии к действительности также. Я снова, как и в прошлый раз, не сказал ни слова; после Славинский говорит мне, что Главинский

* Конституцию.

сказал, что пишет для того, чтоб иметь хоть кого-нибудь покровителем, — это так, и теперь я готов всегда его защищать. Из университета пошел к Ал. Фед. за «Débats» — его и их нет; после к Ол. Як., которого просил о Гражданском судопроизводстве, — Попов хотел дать, — после к Вас. Петр., от которого должен был скоро воротиться, потому что звал к себе Славинский, а между тем как обещался, то не мог не быть. Да, у Олимпа Як. обедал; Терсинские ждали меня и за обедом сказали, что Зуров, у которого по Яхонтову Ив. Гр. будет давать уроки, предлагает ему у себя в доме квартиру по самой сходной цене, — это хорошо, потому что верно будет удобнее. У Вас. Петр. пришла при мне Самбурская; она мне весьма понравилась, села в короли играть, и мы сначала спорили шутя, после она рассорилась с ним, и он сказал ей: «Свинья, замолчи, а то утру нос»; она встала и ушла домой. Эта сцена сделала на меня довольно сильное впечатление в том смысле, что доказывает необходимость и благодетельность образования даже и светского, поверхностного, и доказала прогресс. — После читал и спал. Читал все Дон-Кихота, — весьма хорошо, хоть это перевод Шаплета, — весьма умно, и Дон-Кихот говорит преумно, превосходно все, что он говорит и даже о рыцарстве, но только здесь он не разбирает обстоятельств. Получил посылку, которая подписана была на 15 руб. сер.

13 [окт.]. — Взял Michelet Geschichte der n. Systeme der Philosophie; дорогою из университета, как стал несколько времени назад, читал введение его, и оно меня радостно и сильным образом всего взволновало, — это признание прогресса всеобщего, это мнение о новейшей истории Франции, эти мощные ответы тем, с которыми он не согласен, это оживленное и мирное воззвание к Шеллингу о соединении: — «Мы, говорит, одни, одни призваны решить и уяснить, этот мощный язык глубокого убеждения, — как это прекрасно, и это почитание великого человека, которого он последователь, — как хорошо он называет его и других ему подобных Герос. Люди силы! Пришел, читал немного его, но мешали Терсинские, которые играли в карты подле, и ему, и мне было досадно. Пришел Ал. Фед., просидел до 9^{3/4}, принес 1—7 «Débats», — хорошо; я читал ему 7 октября, речь Ламартина, но сбивался при переводе и читал вяло, говорил ему о социализме и проч. Теперь пробежал первые страницы их и буду читать Мишле.

Мне кажется, что я почти решительно принадлежу Гегелю, которого почти, конечно, не знаю, конечно, общих мыслей о развитии и значении лица только как проявления, но это так и вся история так говорит и так во всяком случае объясняется, — да, это правда, «мы все говорим одно», и есть места у него, которые как бы списаны у Гизо, например, стремление этого времени согласить принцип и факт — у него в предисловии, у Гизо первая лекция «Цивилизации во Франции». Но вместе меня обнимает и некоторый благоговейнейший трепет, когда подумую, какое великое дело я решаю, присоединяясь к нему, т.-е. великое для моего я, а я пред-

чувствую, что увлекусь Гегелем. Твоя воля, боже, да будет! — и будет она.

Да, вчера, не знаю, сказать как это, но только Над. Ег. сидела без платка, миссионер⁷⁴ был, конечно, немного разрезан спереди и было видно некоторую часть пониже шеи, — признаюсь, я смотрел с наслаждением некоторым, решительно целомудренным, но не знаю, стал бы я смотреть на эту часть ее, если бы это видел в первые дни после свадьбы, не знаю, может быть, нет. У нее на щеках был румянец и это было хорошо, к ней идет и хорошо, хорошо, а это последнее я пишу чисто от головы. А сердце хотя слабо, но несколько бьется при мысли о ней со вчерашнего, как это бывало, только в большей степени, в первое время после свадьбы.

Кажется, для меня снова начинается жизнь, которая на несколько времени прекращалась или засыпала, и сердце как-то чудно бьется, — несколько, правда, а не слишком, вместе от первых страниц Мишле, от взглядов Гизо, от теории и языка социалистов, от мысли о Над. Ег. и все это вместе! Половина двенадцатого, теперь ложусь читать Мишле.

14 [октября]. — Вот и доканчиваю эту тетрадь. Утром читал «Débats» и Мишле до места, где подробный разбор Канта (50 стр.). После пошел в университет в 11 часов, потому что к Грефе не хотел, потому что Славинский предложил бывать поочередно и записывать поочередно также. Хорошо. Читал в библиотеке «Revue d. d. Mondes» и записал за 1842 год. Квитанцию за Мюнха вчера позабыл, и ныне Лерхе сам напомнил и отдал. Записал Salvandy о революции 30 года⁷⁵ — решительно меня тянет к современной истории, политике и политической экономии, поэтому прочитал полкатолага по политической экономии и все хорошее выпишал и хочу перечитать. Из университета когда пришел, читал снова «Débats»; в 7 час. к Вас. Петр. Над. Ег. сидела в открытом платье, а не миссионере, поэтому плечи были открыты, но был платок и только середина груди была видна; я смотрел, чего, конечно, раньше не сделал бы, смотрел, должно сказать, решительно с братским чувством и собственно в надежде и желании убедиться, что Вас. Петр. должен быть очарован этим, особенно когда она будет образована. Но все-таки смотрел, а раньше не стал бы, — благоговение исчезает; мне кажется, в этом много отчасти виноват Вас. Петр. Она сидела и шила и поэтому должна была ставить ногу на стул, чтобы прилипало шитво к коленке, и я — чего, кажется, еще никогда не думал и при ней, мельком стал представлять положение между ног. Это меня оскорбило и огорчило. Правда, что я представлял это так не по охоте и без всякого желания и волнения, решительно без волнения, но все-таки представлял, — что я за подлец! подлец! Раньше, когда я благоговел, я этого бы не стал представлять себе. Вас. Петр. сказал, что имеет сообщить мне некоторые новости, а когда я уходил, сказал, что ничего нет — а меня было это порадовало: вот, может быть, что-нибудь хорошее! Он го-

ворил, как ему надоел Ив. Вас., который был у него и ныне и почти каждый день бывает; после сказал, что статья из «Débats» о речи Ламартина об избрании президента глупа: — она переведена в наших газетах — и я увидел, что точно глупа: так покоряюсь ему, и мне как-то совестно перед собою, что я сам не вижу. Очевидно, что я много моложе его в отношении том, что не различаю так хорошо, как он, глупость от ума. Над. Ег. снова понравилась лицом — да более, чем в прежний раз, когда понравилась более, чем в предыдущий. Но меня беспокоит то, что прежнее мое наслаждение было чисто духовное, нравственное, и все ослабевало, теперь начинается снова усиление наслаждения, но боюсь, что, увеличиваясь, оно делается все более материальным, физическим. Боже, сохрани их. Дай счастья. — 11 час. 10 мин.

15 октября 1848 года. — Утром дочитал «Débats» для того, чтоб [за] 6 и 7 отнести Славинскому. Речь Ламартина мало понравилась, в этом много виноват и Вас. Петр. В 11 час. пошел; когда шел, скорбел о вчерашнем материализме относительно Над. Ег. У Устрялова попросил незнакомого студента переставить свою чернильницу на задний стол, где сидел я и Залеман. После читал Мишле, был у Ворониных, несколько устал и поэтому когда пришел, почти все спал. Хотя слабая, но есть потребность видетсья, как раньше, с Вас. Петр. — Salvandy не выдают; я посмотрю в библиотеке и теперь довольно много бываю там и буду бывать. У Мишле многого не понимаю.

16 [октября]. — Когда шел в университет, догнал меня Лерхе и пошел вместе; говорили о Фрейтаге, с которым был удар, и Прейсе. В университете досмотрел Supplément II и каталог [по] политической экономии, а в третью лекцию просмотрел Salvandy весьма бегло: он против июльского движения, защищает Бурбонов и аристократию, и у него больше рассуждения, чем ясно означенные факты, так что я из него многого не могу знать. Несколько почитал «Revue d. d. Mondes» 1842. Обещался быть у Славинского завтра. Более ничего, только после обеда вздумалось снова начать и как можно скорее кончить Срезневского в надежде, что из этого что-нибудь будет (т.-е. завяжется разговор и можно будет обратить [его] на Вас. Петр.). Дома читал Мишле и Куторгину брошюру ⁷⁶, которую дал Славинский; в ней тоже можно видеть, хотя в меньшей степени, чем на лекциях, беспрестанные повторения и проч. характеристичные черты.

Ныне явился снова на Куторгины лекции морской офицер, который слушал прошлый год; я первый увидел его и подошел к нему, после и другие; мне было довольно приятно видеть его и говорить с ним. Корелкин надоел своими подражаниями; кажется мне, напр., когда говорил с ним, что решительно нехотят, — напр., говорил о Бурачке и «Маяке» ⁷⁷, он сказал: «И я хотел издавать журнал, да не пропустила цензура». — Я сказал: «И хорошо сделала, потому что верно было бы дурно», — потому что мне было несколько досадно, что острит человек совершенно не у места. У Мишле

многое кажется непонятным. Дочитал несколько страниц, которые оставались в первом томе Гизо *Rév. d'Angleterre*. Возьму его политические сочинения и, если можно, *L. Reybaud*.

17 окт., воскресенье. — В час просыпался и вздумал нагишом побежать на двор, куда хотелось; сходил — мало; когда оттуда ворочался, увидел, что лампада еще не погасла в людской и что Аннушка лежала, заворотив платье; пришла охота ближе подойти; я пошел в двери, которые из коридора, и когда стал на пол, заскрипело, Анна проснулась было; я нагнулся за шкапом, так, чтоб меня не было видно, и несколько секунд — с минуту — дожидаясь; когда снова улеглась, тогда вышел. Что за глупая странность! Это, конечно, чтоб я не гордился, попускает меня это делать бог.

Когда встал, читал Мишле, и когда встали Терсинские, я сел в прихожей и меня бесило, что мешают. Ушел в 11½ к Славинскому, там просидел до 4½, обедал; за обедом отец показался тоже весьма ограниченным, и я слушал его с нетерпением. Оттуда пошел к Вас. Петр. Сначала один он был дома, сказал, что у них нашел крови много в нужнике и что верно это кто-нибудь родил и бросил туда, что это их очень беспокоило, и вчера [тесть] у них ночевал и, дурак — говорит — еще страшает. После пришла она, после Залеман. Мы с нею играли в карты и в то же время говорили с Залеманом о Корелкине и отношениях его к Срезневскому: «он, говорит, подлец». Я оправдывал. Оттуда в 6½ пошли вместе и дорогою говорили тоже. Вас. Петр. говорит, что был в четверг (когда я был у них) утром у Сосницкого и Каратыгина 2-го. — «Весьма умные люди, особенно первый; говорили, что если хочу, то должно об этом хлопотать у директора, иначе ничего не будет». Он хочет. Это меня порадовало. Деньги, которые получу от Ворониных, отдам, конечно, ему. С Славинским сидел скучно, и я заметил, что когда я распространяюсь о социалистах, не слушает, т.-е. рассеянно слушает, и стал писать катехизис, вроде: «верую в прогресс» — но, конечно, не написал; он просил, чтобы я написал и принес завтра, но я, конечно, ничего с ним не сделаю. Теперь я начал было писать, да тотчас бросил.

18 [октября] — Читал *L. Reybaud* в «*Revue d. d. Mondes*» 1842 г. о социалистах. У Устрялова Корелкин сказал, что не написал к завтра, и поэтому нет ли чего у меня. Я сказал, что нет; он сказал: «Напишите что-нибудь», а потом сказал Никитенке, что ни у него, ни у кого нет ничего, чтобы читать, — потому что мой ответ был неопределенный. Я тотчас вздумал писать о Гете, которого отношу к Гоголю и его так называемому лицемерию, и когда пришел, сначала не писал, после стал писать в 8 час., а раньше сидел так, говорил с Терсинскими, играл с ними в бостон и даже несколько времени решительно не хотел писать, потому что хотелось написать лучше, чем можно в один вечер, и потому, что снова уже сказал, что не будет ничего написано, и Никитенко хотел говорить о критике⁷⁸. Все-таки написал несколько, завтра прочитаю и напишу еще; теперь не знаю еще, буду ли читать.

19 [октября]. — Утром встал в 6½ часов, прочитал раз свою статью, несколько приписал и пошел в 9 часов. Не хотел быть у Грефе, да и не знал хорошенько, что первая лекция, просидел в библиотеке. У Никитенки, когда он входил, было волнение некоторое; когда он спросил, будет ли кто читать, я сказал: «Если позволите, то я» — и начал читать. Никитенко обращал внимание на то, что более нападали на Гете за то, что он не участвовал в движении против Наполеона, а не [на] его частную жизнь. Я много говорил с ним; он говорит, что нет, не во всех сферах человек одинаков, — я говорил против этого. Когда звонок был, меня прервал он на середине повести о Лили; он похвалил очерки характеров отца Гете и его матери. Уходя, он ничего не сказал в том роде, что «буду иметь удовольствие дослушать в следующую лекцию». Он показал, что довольно много существенного знает, и вообще возвысил мое о себе мнение; а как ничего не сказал, то мне было несколько неприятно, и я теперь не знаю, придется ли мне дочитывать мою статью, которая, кажется, получила несколько более обширный размер, потому что нужно будет говорить о том, что человек всегда и во всех сферах деятельности одинаков. Когда шел из университета, думал об этом, хотя без большого напряжения и почти в забытии, но все думал, теперь перестал, конечно. Как Ив. Гр. ныне именинник и ждал хозяек, то я ушел к Вас. Петр., у которого застал отца, — не слушал, что тот говорил, скоро ушел; мы играли в карты с Над. Ег.; она мне решительно как раньше; у него болели зубы. Пришел — у нас сидит хозяйки дочь, такая гадость и пошлость по лицу и натуре, что смерть, и, признаюсь, жених ее дает весьма невыгодное понятие о себе: мне кажется странно, что такие невесты находят женихов! Я не хочу ее сравнивать и с сестрою, а не то что с Над. Ег. или Ольгою Ег. Мне смешно было, как она хвалила Любиньку, излагая свои понятия о замужестве: что она не будет хозяйничать, ездить только по вечерам и с визитами. Пришло в голову и то: к чему ведет цивилизация, если дает этакie плоды — глупость и пошлость чрезвычайные. «Да, — она говорила Любиньке, — вы золото жена», и пр. в этом тоне. Мне было смешно, потому что я сравнивал эту сцену, когда Любинька слушает, и ей приятно, с тою, когда, напр., Вас. Петр. меня хвалил, и я слушаю, и мне приятно: ведь это когда другому говорят, видишь, что пошло и тривиально, а как дело дошло до тебя, то и развесил уши.

Должно сказать, что когда читал я, то, кажется, голосом твердым, очень порядочным, в котором не выказывалось волнения, а разве одушевление, да и то едва ли: голова не кружилась, был решительно спокоен, когда говорил с Никитенкою, т.-е. против его мнений, и только, как говорили, щеки разгорелись.

20 [октября]. — У Ворониных, чего я не ожидал еще, отдал 15 р. сер. Конечно, я, как раньше думал, 5 оставлю себе, главным образом, на шляпу, которая решительно изнашивается, а 10 само собою должно Вас. Петровичу. И вчера думал купить ему поль-

ские [булки] и принести, но не сделал, потому что это наделало бы толков о моей доброте. Ныне купил [булки] и отнес ему и 10 р. сер. Он ни слова не сказал, только несколько, да и то мало, пожал руку. О Никитенке думал мало, более о Вас. Петр. и том, как его дела и что будет и как тут должно делать мне — ничего не выдумал особенного. Потерял ключ, и поправка стоит 60 к. сер., я думал, что всего 15 — гадость. У Вас. Петр. посидел только 20 минут. Как пришел, пришел и Ив. Вас. и просидел более 3 часов, говорил все о Клейнмихеле и себе; нетерпенья у меня не было, но слушать я его почти не слушал — бестолково, это правда. Почти ничего не сделал, прочитал только несколько страниц из *Hist. de Rév. d'Angl.* и Мишле — все еще о Канте — и написал несколько строк Срезневского, т.-е. дописал тексты из Иорнанда и Прокопия о старожитности. — Что ключ потерял, сначала несколько огорчило, теперь ничего решительно, так как, что делать, 60 к. сер. потерял.

21 [октября]. — Чувствовал вчера вечером и утром ныне некоторый озноб, но более усталость в боках, как перед лихорадкою, и теперь тоже, хотя менее. У Грефе не писал ничего — не было чернилницы. Потерял ключик от часов. Хочу взять 3—5 [т. т.] *Oeuvres politiques* Гизо (о смертной казни, о заговорах и политическом правосудии, о средствах управления и оппозиции и истории Франции 1814—1820), не знаю только, не должно ли будет возвратить раньше Мишле. Досадовал, что долго не подавали огня, а когда прислуга спрашивала, не давать ли, говорят: нет еще. Я просидел полчаса и ужасно, т.-е. хладнокровно думал, что это гадко. После пришел Ал. Фед., принес [за] 8—15 «*Débats*», теперь читаю. Утром написал Срезневского страницу, теперь не пишу ничего — бока болят.

22 [октября]. — Утром Анна нашла ключик от часов, и поэтому 30 к. сер. остались целы, это хорошо, я их отдал вечером хозяйскому мальчику, который принес газеты из трактира, чтобы он приносил каждый день. Утром и почти до самого чая вечернего досадовал на помехи; после обеда затворился в маленькой комнате, чтобы писать для Никитенки, но ничего не написал, потому что был не в духе; дочитал [про] Канта, половину «*Débats*» прочитал. Вечером расположение было ничего, потому что прохладился как-то и потому что принесли газеты, и я теперь буду читать их каждый день, а также и потому, что читал «Путеводитель в пустыне»⁷⁹, который принес Горизонтов; прочитал теперь 117 страниц — хорошо и пусто, так что ничего не остается, никакой пользы, кроме разве местных красок. Вечером сидела Катерина Федот. и показалась самым пошлым, гадким, надутым существом в самом гадком роде; наконец, дошла до того, что заговорила, как один молодой человек, брат жены ее брата, влюбился в нее и как был исключен из университета; настоящая гоголевская дама. Этот рассказ ее стоит того, чтобы быть записану; пустое, гадкое, самолюбивое, мерзкое, с своими притязаниями на светскость, грациозность, любезность и красоту существо; мне стало прискорбно думать, что эта

женщина читает что-нибудь порядочное и хвалит: ведь ее похвала—оскорбление, и неприятно думать о том, что порядочный человек может ей понравиться и она может избрать его предметом своих бесед и похвал и представлять себя влюбленною в него, а его в себя. Мерзость. — Писал несколько о Гете, ничего, однако, не написал; написал страницу Срезневского. Расстройство здоровья, кажется, прошло, — ел не так много.

23 [октября]. — Вчера читал речь Roux-Lavergne об избрании президента, и меня поразили слова, которые приводит он из евангелия: «Ищите раньше царствия божия и правды его и сия вся приложатся вам»: эта мысль решительно прилагается к миру и управляет его судьбами, это так убедительно, и с этого времени, благодаря R.-Lav., который напомнил мне ее, она занимает в моем уме и понятиях такое же место, как «возлюбите друг друга», и «если меня изгнали, то и вас выгонят» и проч.; может быть, даже более места, чем эти мысли, потому что это в самом деле основная мысль, которая должна управлять всеми действиями и идеями человека, призванного действовать в государстве, и человека частного; которая, конечно, обоим трудна, но должна прилагаться, несмотря на то, что кругом их не признают ее, — эта мысль одна из существенных в христианстве.

Несколько думал вчера о своем тезисе, о котором спорил с Никитенкою, — что человек всегда и везде во все продолжение своей жизни и во всех кругах своей деятельности, во всех поступках своих *решительно одинаков* и что нет в нем *противоположных* свойств, т.-е. какие элементы в его уме и характере оказались господствующими в одном случае (должно только смотреть хорошенько и осторожно и принимать случай, факт не иначе как с величайшей осторожностью относительно того, что выражается в этом факте), но как скоро мы знаем, что выразилось в этом факте, то я утверждаю, что мы всегда во всех других фактах жизни этого человека найдем вслед то же самое. Конечно, между многими принципами, которые управляют понятиями и деятельностью человека, много разнообразности, и в данных случаях выражается то один, то другой, но мы говорим, что все эти принципы проистекают из одного общего начала, поэтому относятся между собою, как части одной системы, и никогда не могут не только противоречить друг другу, а даже быть в сущности различными друг от друга, и что в каждом факте, если рассмотреть внимательнее и глубже, чем, может быть, возможно для нас, мы найдем везде следствие всего человека (как в каждой части материального мира отражается весь мир, и каждое событие в ней производится всем миром и всем существующим в нем, но для нас ближайшая по времени и месту причина заслоняет все другие), так что вся натура человека выражается вполне в каждом его поступке, только некоторые элементы, конечно, ближе и действительнее и более господствующим образом, чем другие, — напр., в еде выражается всегда весь человек, но, конечно, физическая сторона яснее для нас, чем духовная.

Когда я стал хорошо это обдумывать, то мне показалось слишком трудно приложить это правило везде и всегда к действительности (особенно, например, я не умею согласовать своего платонического увлечения и благоговения перед Над. Ег. и своих ночных похождений, да иногда и дневных). Что же теперь: доказывает ли это, что я не так силен, чтобы увидеть, что противоречие только видимое и здесь и что в основании единства лежат принципы, которые допускают равно и то, и другое при данных обстоятельствах, или в самом деле (как и скорее может быть) мое мнение слишком односторонне и априорично, так что действительность противоречит в самом деле ему и отвергает его? И у меня родились две противоположные мысли о себе: что я поверхностная и мечтательная голова, которая слепо, наобум, с бухту барахту, вдруг болтнет и вздумает быть убеждена в том, что чорт знает отчего взойдет в мысли решительно случайным образом, что так скоро сам вижу свои ошибки, — и это скорее, может быть; или у меня так много не то чтоб проницательности и не то чтоб глубокомыслия, а способности что ли выводить следствия из начал и прилагать быстро начала к фактам и осматривать их с различных сторон, что необходимо тотчас мне представляются противоречия действительности с известным мне началом или этого начала с другим? Это, кажется, я выразил что-то не так, как думаю, но одним словом, открываю ли я противоречия в своих мыслях и так скоро начинаю сомневаться в них, оттого ли, что мысли в самом деле пусты и слишком неосновательны, или потому, что голова слишком крепка, и трудно убеждению выдержать напор этой головы и ее критику? — Мое мнение, о котором я говорил, состоит в том, что если, напр., человек устроен так, что он смотрит на цель, он всегда смотрит на цель (человек с сильною головою), если ставит средства вместо цели (тупая голова, не понимающая дела), он всегда будет думать так везде и обо всем, педант — во всем педант, человек, самоотвергающийся из разумных целей, всегда пожертвует собою для разумной цели (для разумной, это должно прибавить, потому что из-за вздора он и раньше не жертвовал и не хотел жертвовать собою).

Вчера ждал Вас. Петр., и Любинька сказала, что его давно не было. Я сказал: главным образом давно не был он потому, что много дела. Ныне вздумал, что получу, может быть, с нынешним письмом деньги и их хочу отдать уж Терсинским, а не Вас. Петровичу, потому что совестно, что так давно живу у них и ничего не давал им.

Вчера мне понравилось мое сравнение, которое я сказал, когда ушла хозяйская дочь, Терсинскому, — она говорила, что она обратила какого-то развратника: «как свиньи обратили блудного сына», — это мне показалось остроумно. Ныне утром читал снова Купера, хотя вздор решительно относительно пользы и анализа души человеческой, — ничего нет, ни характеров, ничего, разве только местные типы тех мест и того времени, так что это род

исторического или лучше — этнографического романа, а между тем я так еще не развит, что легче читается этот вздор, чем Гизо или Мишле. — Это все писал у Фрейтага.

Когда пришел из университета, читал «Débats», чтоб отнести Ал. Фед. Когда дочитал, отнес ему. Конечно, не застал, как и хотелось, а взял [за] 16—19 октября. Потом читал и спал, и хотя теперь половина десятого только, ложусь по предложению Любиньки, чтобы встать раньше завтра.

24 [октября]. — День прошел занимательно довольно и без неприятности, хотя без пользы почти (т.-е. для письменного дела) и с некоторым сожалением и тяжестью, что я не пишу Никитенке на всякий случай. После обеда принимался, да не делалось *, я и оставил до завтра. Любинька снова спрашивала, что я давно не был у Вас. Петр., я сказал, что ныне жду его, и если не придет, пойду вечером. Конечно, это говорится так же, как я сказал это Ив. Гр. о Горизонтове, так, по учтивости дружбы, но все-таки мне весьма приятно. Читал и прочел «Débats», списал имена подавших за и против министерства Дюфора 16 октября. После немного конца 12-й части Беккера о переходе терроризма в Директорию (это вечером решительно) и теперь буду читать Мишле. Купера дочитал, — патетические места весьма у него напоминают Любинькину улыбку: знаешь, что чувство выражается доброе, а приторно и кисло (при этом, конечно, вспомнил В. П. и Н. Ег., у которых этого нет), говорят действующие лица так красноречиво, как не следует говорить. — 10 ч. 35 м.

25 [октября]. — В библиотеке еще не было вынуто «Revue», и я читал Гизо предисловие к «О теперешнем положении истории Франции» — прекрасно, так что увлекаюсь, и видно, что писатель велик, как и мыслитель велик, — итак, до того времени, т.-е. до 1820 г., он был уже членом королевского совета, т.-е. министром или товарищем министра! Этого я не знал. Когда вышел от Срезневского, он остановил меня и сказал: «Правда ли, что вы начинали дело, но оставили?» — «Да, оставил», — сказал я спокойным голосом, между тем как думал, что скажу взволнованно и, как обыкновенно, чрезвычайно мягко, почти рабски. — «Решительно оставили? а это жаль». — «Покорно вас благодарю, но так вышло, что я должен был оставить». — «Да что мне в вашей благодарности, а лучше бы вы дали нам дело, с вашею аккуратностью (которую он мне приписывает, что хорошо, и кроме которой, кажется, ничего не приписывает, что, конечно, не так хорошо, хотя решительно так, справедливо) вы бы сделали хорошо». — «Покорно вас благодарю».

Когда пришел, пришел Мотинька, после Ал. Фед., принес [за] 20—21 октября; газет мальчик снова не принес; просидел до 8 часов. Мотинька просил (он приходил прощаться) проводить его в четверг в 6 час. в почтовой карете; я сказал, что буду и верно

* Неразборчиво. Рсд.

посижу у Вольфа. Он, мне и теперь показалось, смотрел на меня с любовью, а я ему не отвечаю — что делать, человек ленив, это один из главных его пороков и причина большей части неприятности и горя. После писал Никитенке; после письмо; после вот это, теперь ложусь читать. 12 часов. Завтра у Грефе не буду. Деньги получил и отдал Любиньке, она стала говорить: «За что? я стану теперь считать себя тебе должной». Я, как обыкновенно, промычал, что нет.

26 [октября]. — Встал в 6 часов, прочитал раз Никитенку, это до 9 вышло; после в 10 ч. пошел в университет, — читал Гизо, Историю Франции после 1814 г. Никитенко, когда вошел, спросил Корелкина и Главинского: «Вы будете читать?» — «Нет, — говорят, — Чернышевский». — «Очень хорошо, — сказал он мне, — я хотел тоже ныне говорить о критике. Извольте начинать, или начну я, как угодно». — «Если вам угодно говорить, — сказал я, — то я буду читать после, потому что ныне я верно не успею кончить». — Не знаю, заговорился ли он, или понял меня не так, а что я сказал, что буду лучше читать в следующий уж раз, но читал всю лекцию, и я ничего не читал. Волновался я несколько перед его приходом, думал и теперь несколько думаю, что, может быть, это и оттого, что он не хотел слушать меня, потому что дрянно и скучно и некстати ему показалось тогда же, в первый раз, и так и останется, может быть, недочитанным.

Вечером хотел быть Корелкин, и поэтому я стал ждать его; пришел с Поповым, просидели 1½ часа, в 7 ушли. Я тотчас к В. П., где просидел до 9½; играли в карты, я шутил и смеялся относительно Над. Ег., т.-е. то притворялся, что плутую, то что-нибудь другое. Она смеялась этому, но, может быть, также и показалось ей это, наконец, некстати, что с ней шутят. Вас. Петровичу обещает похлопотать о месте, которое приносит 2000, брат тех, которые живут у Невского и у которых он раньше давал уроки. Теперь сплю. Куторга отказался подписать Гизо.

27 [октября]. — Прислугу отвез Ив. Гр. в Калинкину больницу. Был Вас. Петр., говорил, что чувствует, что с ним чахотка. Тотчас у меня зародились мысли: как же это? что будет с Над. Ег.? что буду обязан делать после него? должен поддерживать ее? как должен? Раньше у меня в этом случае выходило в мысль жениться на ней, теперь нет — разочаровался почти и вижу в ней, конечно, не то, что Любиньку, какое сравнение, а так, только весьма хорошую в сравнении с другими женщину. Это известие мне было неожиданно и горько и как [бы] оглушающе, но сердце теперь у меня не болит, — хоть горько, но голове, а не сердцу, которое не волнуется, но все-таки это что-то поразительное и приводящее в недоумение, думать, что он умрет. Пришло в голову тотчас просить Срезневского о месте в журнале ему; после вздумалось: пускай кончится то дело раньше, что хотели ему похлопотать о месте письмоводителя, где мало работы, жалованья 2000 и награды. Жалкая, горькая участь человека, такого как он! —

Написал о племени сербов Срезневского, тотчас как Вас. Петр. ушел. Утром чувствовал в голове не хорошо и вздумал, не от боли ли это в...

28 [октября]. — Это пишу у Фрейтага. Утром вместо Грефе был в библиотеке, читал 1843 г. «Revue d. d. Mondes» и ничего нового не прочитал. Из университета был у Вольфа, просидел до 5 час., читал несколько «Отеч. записки», прочитал «Illustr. Zeitung» за 21 окт., там бранят Вену; узнал, что она взята⁸⁰. В 5 час. пошел проводить Мотиньку; после пришел Олимп. Мне несколько приятно было, что я увижусь с ним; проводить у меня ровно никакого чувства не было, ровно ничего, ни хорошо, ни худо. После воротился домой, поел хлеба, после чаю уснул, и мне показалось, что так утомился, что не стал писать вчера вечером это (это в первый раз не пишу вечером), а оставил до утра, так и сделал. Какие мысли были вчера, ничего не могу хорошенько сказать, только думал о Вас. Петр. и его чахотке.

29 [октября]. — Теперь буду писать более об этом. Думал, как быть с тем, чтоб он не умер? Что будет, когда он умрет? Тут моя мечтательность открывает себе широкое поле и прогуливается по нем. Я давно уже об этом думаю (все равно, как, напр., о том, как отомстить попечителю): вот он говорит, что умрет, что убьет себя или что-нибудь этакое — что тут будет? Какие будут мои отношения к Над. Ег.? Конечно, я должен поддерживать ее; может быть, должен жениться на ней и т. д. в самом целомудренном духе, конечно, в самом тихом и грустном, конечно, и теперь думаю так: она останется без всякой помощи, — у отца жить мученье, потому что пошлый человек, дурная будет жизнь, в том роде, как обыкновенно изображается жизнь сироты и воспитанницы в повестях, или как, напр., жизнь Александры Григорьевны у своего отца (Клиентова). Я, конечно, как человек, который любил Вас. Петр. как никто, конечно, во всяком случае, как я никого не любил, как его брат, должен употребить всю свою жизнь для нее, должен жениться на ней, потому что так ведь нельзя жить молодой женщине и принимать помощь от человека вроде меня, тоже молодого. — Итак, вот роман, как он представляется в моей голове: человек, какие редко бывают на земле, пропадает; у него остаются жена и друг; я, пока в университете, должен употребить все усилия (для этого прибегаю тотчас к Срезневскому, чтобы достал место в журнале; если не удастся — к Никитенке; если нет — сам снова к Краевскому; если нет — в «Современник»; если нет — даже к папеньке, которому объясняю положение), чтобы она не могла терпеть ни в чем недостатка, даже должен всеми силами стараться о том, чтобы она жила в довольстве. Я бываю у нее редко, потому что бывать часто нехорошо для ее репутации, и потому что и сам я не должен подавать никому повода догадываться о наших отношениях и о романтической привязанности к покойному, а если я буду часто бывать, это нельзя будет скрыть (где я бываю) от своих, от Ал. Фед. и Ив. Вас. Когда он умирает, я ничего никому

не говорю, не показываю ровно никакого признака, никто кроме меня не должен из нашего круга знать об этом; итак, я редко у нее бываю, ничего не говорю ей о наших отношениях, — если можно, она не должна знать и о том, чьи это деньги, и должно стараться об этом. Жить должно ей одной, взяв к себе какую-нибудь старуху, или что-нибудь в этом роде. Когда я кончу курс, устраиваю все свои дела, решаюсь на бракосочетание. Должен сказать, что я об этом думаю так, без особенного волнения, и подобные мысли не только в этом одном деле, а и везде и всегда и во всем всегда бродят у меня в голове, т.-е. что я мечтаю или, лучше, думаю, как Манилов, о том, как «и вот они с Павлом Ив. в прекрасных каретах, и как слух об их дружбе распространяется везде, как даже высшее начальство узнает об их дружбе и пожалует их за это генералами». То, что вообще я никогда не могу оставаться в границах мечты сколько-нибудь рассудительной, а всегда зайду чорт знает куда и думаю чорт знает что о себе и приключениях со мною. — напр., хоть постоянные мечты о том, как я отомщу этому гадкому попечителю, и раньше, напр., о том, как император, призвавши меня к себе, говорит: «Вот ты избобрел машину, которая превращает вид шара земного, избавляет всех от работы телесной и лишений, которые терпит человек в мире физическом, — что тебе надобно?» — «Переведите сюда в Сергиевский собор моего отца» и проч. в этом роде. Я давно уже мечтаю в этом роде, точно так же, напр., о том, как Вас. Петр. будет жить роскошно; о том, напр. (в августе или, собственно, в июне), как во время именин Над. Ег. они будут иметь уже, конечно, хорошую квартиру, и я туда с радостью в сердце являюсь поздравлять Над. Ег., или, напр., о своей свадьбе и проч., да и вообще я всегда заносюсь куда вовсе не следовало и не было никакого повода заноситься. Но когда я раньше об этом думал, не входило в мои мысли двух элементов, которые вошли ныне утром: во-первых, ее согласие? Как могу я так легкомысленно думать, что это будет зависеть от моего предложения, а что она, конечно, согласится? Разве я не знаю, что хорошего во мне мало? Потом — каково будет это принято папенькою и маменькою? Но в этом отношении едва ли будет сопротивление, а если и будет, то ведь только отрицательное, и я скажу: «Если вы не хотите, конечно, я не женюсь на ней, но само собою, я не могу жениться и ни на ком другом, — как угодно». Кроме этого, я должен сказать, что если б это было за три месяца, я стал бы думать о том времени, когда буду ее мужем, с наслаждением, потому что такой женщины никогда, казалось, трудно найти в мире, т.-е. я был уверен, что буду решительно счастлив с нею, а теперь думаю о том, буду ли счастлив: ее необразованность смущает меня; то, как она обходится с кошками, т.-е. ее голос, как она говорит: Микишечка (так она называет котенка, — уже и самое имя это мне не нравится), мне кажется не совершенно хорошим. Когда она начинает ласкаться к Вас. Петр., мне тоже кажется, что некоторые движения не со-

вершенно грациозны и т. д., так что у меня рождается сомнение, буду ли доволен я этим, т.-е. буду ли смотреть на нее, как на существо высшего разряда.

Странно сказать: серьезно ли у меня бродят в голове все эти мысли или нет, или я их просто считаю за сон, бред, роман — этого нельзя сказать, этого я не могу решить; кажется, это принадлежит к тому же разряду, как, напр., мои мысли о коммунизме и решительном господстве этой системы; не могу сказать, что это только мечта, а спросите: «Да неужели вы думаете, что это что-нибудь такое положительное в будущем, как, напр., то, что вы кончите хорошо курс, или что человечество, конечно, достигнет многого, что теперь кажется невозможным для достижения?» — конечно, я должен отвечать: «Нет», а между тем, эти мысли хотя и не волнуют меня, а все-таки странно — ведь толпятся в голове, и нельзя сказать, чтобы мало занимали; конечно, занимают не бог знает как, а ведь думаю о них. Какой странный я человек, преуморительный.

30 [октября]. — Утром писано о вчерашнем дне, т.-е. о 29 окт. — Был у Ворониных, как обыкновенно. Залеман принес 14-ю часть Беккера, о которой я говорил ему несколько времени назад (когда он был у меня), и я читал ее. Итак, Гизо всегда был последователем одной и той же партии, исповедывал одни и те же начала — хорошо, я его уважаю — един всегда был в теории и практике.

30 [октября]. — Как Антон не подал самовар во-время, то я не успел к Фрейтагу. Взял письмо на почте; после в библиотеке сел читать «Revue d. d. Mondes» и позабыл было о письме; вспомнил, и когда стал распечатывать, — сердце билось: в этом письме должен был быть ответ на мое письмо, в котором говорю о неудобстве квартиры. Хорошо, — отвечали так, что меня обрадовало. Теперь жду случая сказать об этом им; так, я имею доверие от папеньки и маменьки. Третью лекцию также читал в библиотеке. Перед четвертой, с Корелкиным когда остался в аудитории, как это обыкновенно теперь бывает (я не выхожу в коридор, потому что мне смерть не хочется встречаться ни с кем, ни с Алекс. Иван., ни с кем из суб-инспекторов, так, по какой-то всегдашней моей антипатии видеть тех, кто имеет право сказать что-нибудь мне), в аудитории никого обыкновенно не остается на несколько секунд, раньше всех приходят назад обыкновенно Корелкин и Соколов, — так я с Корелкиным стали выжимать губку, которая была уже сухо выжата: он не мог выжать воды обеими руками, я два раза, раньше и после его пробы, выжимал одною. Это мне было приятно — так, в самом деле, странный человек: я весьма рад своей телесной силе, весьма рад и доволен ею и случаями выказать ее.

У Срезневского сели мы с ним, и у нас не было чернил, так что должны были пересест — я к Тушеву, он к другому месту. Несколько дней у меня явилась мысль о том, что я слишком много говорю в аудитории с Корелкиным, и это мешает моему сближе-

нию с другими студентами, и я как-то стал от него отстраняться, т.-е. первый не стал заговаривать с ним, да и пошлым мне он стал казаться, хотя хорош тем, что я всегда господствую над ним своими мнениями и имею свободу говорить их. — Когда пришел, хотел идти к Вас. Петр., но дожидаясь чаю, а его подал Антон только в 7^{1/2} час., поэтому не пошел. Читал 14-ю [часть] Беккера и писал Срезневского; дописал до собственных имен, как доказательства родства между славянами и немцами. Теперь половина 12-го. Купил почтовой бумаги в магазине подле Юнкера (у Косковского * в доме) и конвертов на 50 коп. сер.

31 [октября]. — Вчера день прошел ровно без всякой пользы. Ничего не думал. Только слегка головою чувствовал досаду, что мешают. Весь день читал сначала «Сын отечества»⁸¹, после роман Купера «Последний из могикан». Все это хорошо, если угодно, но ничего нет, ни характеров, т.-е. типов, ничего, а только чудачки и герои в различных формах. Это не то, что Гоголь, и читать его можно только раз (это писано поутру). Ходил к Вас. Петр. и не застал обоих и был отчасти доволен этим. Пойду ныне.

Н о я б р ь

1 [ноября]. — (Это пишу снова поутру на другой день.) В университете виделся с Вас. Петр., который сказал, что получил приглашение явиться в театр и пойдет завтра, т.-е. нынешний день. Дай бог успеха. Вечером был у них. Застал Ив. Вас. и в 8 час. пошел к нему. Он был мил, а я сначала несколько обрезывал его, так что Над. Ег. смеялась (за то, как мог приходить в пальто). Вас. Петр. сказал еще, что то место, которое предлагают, зависит от того, получит ли сам тот, который предлагает, то место, о котором теперь хлопочет, потому что это право его — тогда будет место письмоводителя. У Устрялова вчера, во второй раз уже, не писал ничего — не было чернил — и теперь решился носить их к нему, однако, что нельзя будет писать — не догадывался.

2 [ноября]. — Написал домой два письма: одно вложил Ив. Гр. со своим и сам отнес; другое, в котором я написал ответ на доверенность ко мне и что теперь обстоятельства изменились и сами верно Терсинские перейдут с квартиры, отнес я сам. — Никитенки не было. Я дочитал историю (3 том) Гизо в университете — великий человек, он переменял несколько мои мнения и, как сам думает, что *souveraineté* ** принадлежит не народу, а *au droit, à la justice* ***, и решительно убедил меня в своих мнениях, которые излагает там, — человек гениальный решительно, что за светлость ума и взгляда, что за сила в мыслях, что за логика в доказательствах! И он решительно приверженец новой Франции, как называет ее там, — и между прочим после этого для меня еще тем-

* Неразборчиво. *Ред.*

** Верховная власть.

*** Праву, справедливости.

нее, как мог он ошибиться и пасть — рок увлек этого человека! Но я верю в совершенную чистоту его.

Дал Куторге подписать Droysen Alexander der Grosse, чтобы вместо этого взять Гизо IV и V томы. После был в бане, где было весьма много народа, так что мне было неприятно, шум, крик, воды не дожدهшься, и поэтому я, кажется, плохо вымылся. После писал Срезневского. (Да, я ему, как и думал, сказал, что вчера он говорил, читая Паннона житие Кирилла, что Амвросий волхв (он говорит: верно эмир) и что ответ Кирилла: «Я внук изгнанного царедворца» — должно понимать в богословском смысле, — что «я внук падшего Адама». Он сказал, что это уже думали, но что это не так и что здесь в самом деле пропущено несколько строк в ответе, где Кирилл говорит о достоинстве своего отца. Кажется, я слишком настаивал на своем мнении в последнем случае, так что показался ему долбоголовым, но говорю решительно без всякого ощущения и предзнания и думы об этом: это хорошо, новый шаг к устранению робости и глупости.) Дописал до литовских слов в славянском для Срезневского.

Прочитал 10-ю статью о Пушкине Белинского («Борис Годунов»), которую взял вчера у Ив. Вас.: в самом деле, снова хорошо писано, и мне кажется, что взгляд во многом весьма отличается верностью и большими сведениями в истории человека вообще — во всем, может быть, верно, разве только замечание «Борис не гений, а талант, а на его месте мог удержаться только гений» несколько преувеличено или, как это, переходит в декламацию мысли; в самом деле, Белинский был тогда не то, что в последних своих статьях, где пошлым образом говорил о романтизме и проч.

3 [ноября]. — (Это все писано 5 числа утром в 10¹/₄ час.) — У Никитенки: он предложил взять списать свою программу с тем, чтобы, кто возьмет, тот бы и отвечал за целость. Залеман, который сидел ближе, взял и после лекции сказал: «Господа, я вам дам список, а подлинник возвращу, чтобы он не был замазан, потому что я за это отвечаю». Другие стали говорить, что нет. Он сказал, что не может отдать другим, потому что отвечает за это. Я сказал высоким своим голосом, как обыкновенно говорю, напр., вздор, т.-е. пронзительно и высоко: «Если вы не хотели давать другим, так зачем же вы и брали? взял бы другой и передал бы другим». — «Ну, если угодно, я и отдам». После пошел я в библиотеку и получил от самого Лерхе Гизо, замавав Droysen IV и V томы, а боялся, что не получу, потому что много книг у меня и потому что замазан билет (это последнее, однако, знал, что ничего). Вечером читал «О смертной казни» Гизо — превосходно, превосходно, свидетельствует о глубоком уме. Почти дочитал.

4 [ноября]. — Утром читал Гизо, дочитал о смертной казни (конец V тома) и прочитал 40 страниц IV тома: о средствах управления и оппозиции — превосходно. После пошел в университет в

библиотеку, а не к Грефе. — Мост разводили, и я зашел к Вольфу на полчаса, пробежал газеты, ничего не брал, а хочу зайти завтра почитать газеты и «Современник» и «Отеч. записки». Оттуда зашел к Алекс. Фед. взять и взял «Débats» 22—28 окт. и до этого времени читаю их. Вечером был у Вас. Петр., пил чай; у Над. Ег. узнал, что болит голова, она хотела ложиться, и поэтому ушел в 6^{3/4}. Вас. Петр. сказал, что еще не было испытания, а будет ныне (т.-е. 5-го, в пятницу утром). Признаюсь, что я как-то мало волнуюсь этим и им вообще, хотя думаю попрежнему, — вот что значит: без поддержки огонь затухает, и остаются только искры в пепле. Стало досадно, как это охлаждает наша связь, и я ничего не делаю, т.-е. не делаю ничего для того, чтобы она могла возобновиться, т.-е. для перемены квартиры, или чтобы разойтись с Терсинскими, и решил говорить как можно скорее, т.-е. во-первых, узнав, что его дело кончилось хорошо, потому что я тогда могу располагать деньгами.

5 [ноября]. — Утром были Ив. Вас. и Вас. Петр., который сказал, что ничего еще нет, но завтра будет решено. Над Ив. Вас. смеялся и много колол глаза ему графом⁸² и дорогами. Просидел с час, ушел. Мне стало несколько досадно, что вот прекратились наши беседы с Вас. Петр., а все от моей глупости. Дочитал «Débats». После обеда не хотели зажигать огня; хотя было весьма досадно, что не зажигают, так и просидел 1^{1/2} часа в потемках, а зажигать сам не стал. Когда уходил к Ворониным, Любинька сказала: «Ну, зажги же мне огню», — это патриархальность. Занес «Débats» Ал. Фед.; он толковал, как обыкновенно, о своих делах, как и Ив. Вас., и мне было довольно скучно; однако к скуке я привык, так что, если можно так сказать, она мне уже не скучна. Перед уходом к Ворониным, да и после прихода, бесился головою на себя и свои глупости, которые довели меня вот до того, что чорт знает, в каком отношении к Терсинским, да не имею свободного времени, нельзя ни читать, ни писать, не могу выпить чашки чаю. — Дурак!

Хотел сказать, но останавливает Любинькина болезнь, а что останавливает? ведь предложи Зуров квартиру, конечно, болезнь не помешает переехать.

11 часов. — Срезневского дописал до Новгорода*. Завтра хотел идти к Вольфу, теперь не хотелось идти, но завтра, может быть, будет досадно сидеть дома, а после чаю побываю у Вас. Петр. узнать. Гизо произвел некоторое впечатление, так что я теперь как бы колеблюсь говорить, что должно бы дать suffrage universel** теперь, может быть еще рано, потому что еще не воспитана большая часть народонаселения. Но как бы то ни было (прибавлю свои старые мнения), это отвратительно, что одна часть населения господствует над другой.

* Неразборчиво. Ред.

** Всеобщее избирательное право.

6 [ноября], суббота. — Утром в 12 час. был Вас. Петр., — итак, я весьма хорошо сделал, что не пошел к Вольфу, а не пошел потому, что думал, что должен буду быть у Ворониных в понедельник, а лекций не будет, так поэтому и просижу у них; нет, мосты есть, в понедельник праздник. Вас. Петр. смеялся над Ив. Вас. (Ив. Гр. не было) с Любинькою и говорил довольно много, как Ив. Вас. невежлив с ним и с Над. Ег. Это мне не понравилось: к чему говорить о себе, что кто-нибудь не уважает его? — Сказал, что снова ничего не было, а будет завтра, т.-е. в воскресенье, потому что ныне не было русского режиссера. Посмотрим, будет успех или не будет ничего. Хотел быть завтра. «Если не успех, — говорит, — не дай бог, если не успех». Я опасаясь за него, если он не успеет. Говорит, что грудь болит жестоко, днем ничего, а ночью; кровь не идет.

Я весь день писал Срезневского и написал всего Нестора, так что теперь остается всего, пожалуй, 4 листка; завтра думаю написать два (едва ли напишу, однако), однако, должен буду кончить к субботе, чтобы отдать Срезневскому. Под вечер была несколько тяжела грудь. Читал о средствах управления около 30 страниц, теперь на 110-й странице. Ложусь. Половина 11-го.

7 [ноября], воскресенье. — Утром, как встал, стал писать Срезневского. Писал почти весь день. Утром был Вас. Петр., сказал, что началась генеральная репетиция и что ему велели в 1 час приходить. Вечером был Ал. Фед. и другие гости у Ив. Гр.; я был ничего, ни в хорошем, ни в дурном расположении. Завтра вечером буду у Василия Петр., утром, если не будет лекций — у Вольфа. [Из] Срезневского написал Константина Порфирородного, Александра и начал писать Анонима Баварского, — итак, почти сделал, что хотел сделать, и теперь остается только два листка, и кончу это во вторник. — Читал Гизо и дочитал до 190-й стр. — Ив. Гр. от Зурова принес «Les femmes de la Bible», я смотрел, сравнивал с Над. Ег. и ища красавицы — ни одного лица, кроме разве Аталии, где есть выражение, и матери Макавеев, т.-е. пожилых женщин, и это полные госпожи — ничего решительно и портрет Над. Ег., конечно, не уступит ни одной из них.

8 [ноября]. — Начало дня было проведено в хорошем расположении духа. Проснулся рано, дописал текст Анонима Баварского и, взяв с собою чернильницу и целковый, пошел к Ворониным, чтобы оттуда в университет. Думал, у Ворониных будет праздник и пропадет урок, — нет. Когда шел в университет, туда через мостки, мостки начали опускаться в воду, и у меня явилось не беспокойство, нисколько, а так, обыкновенные мои забегающие вперед мысли о том, что могу утонуть. У Вольфа прочитал в «Отеч. записках» № 11 Даля, «Маруся»⁸³, понравилось (где упырь) и думал, что хорошо такие вещи, которые резко характеризуют наши поверья, но вместе и жизнь простого народа, перевести, напр., на французский. — Записки Шатобриана⁸⁴ также, и живость и естественность тех сцен его детства, которые он рассказывает, весьма

понравились; это что-то вроде «Wahrheit und Dichtung» Гете, и хорошо, что он подписывает числа, когда писано, весьма хорошо, но слишком как-то есть туманность в расположении и порядке всего, как-будто теряет беспрестанно нить; может быть, это показалось только потому, что читал я в кондитерской, где, однако, было весьма тихо и нисколько не мешали.

В Берлине от 12-го и 13-го числа известия в «SPB Zeitung» весьма меня взволновали приятным образом: «Мы уступаем силе, не будем призывать к войне, — говорят депутаты, — а спросим наших избирателей: если они скажут, что мы действовали так, мы будем продолжать действовать, если нет, — нет; а восстания, вооруженного сопротивления в Берлине мы не хотим, потому что не один Берлин должен интересоваться нами, и если мы справедливы, восстать за нас, а все государство, все 16 миллионов»⁸⁵. — Весьма хорошо! весьма хорошо. Я тогда сказал — молодцы! и дорогою несколько раз сказал — молодцы!

За обедом говорил несколько об «Отеч. записках» Ив. Гр., хотя давно стараюсь приучить себя ничего не говорить, особенно о том, что несколько относится ко мне и к моим чувствованиям и впечатлениям (однако я это так записал, а не потому, чтобы мне было неприятно, что я говорил ныне, потому что говорю весьма вообще и весьма мало). Ив. Гр. сказал, что Ив. Гр. Виноградов просил сказать Ал. Фед., чтоб увиделся с ним. Я взял это на себя, потому что должен был идти за газетами. У Вас. Петр. встретил Ив. Вас. в халате, — это уже слишком по-свински, — а он так глупо-добродушно еще говорит: «А я нынче вот как». Хорошо, что не было дома Над. Ег. Я принял свой тон, каким читаю ему проповеди, только посерьезнее обыкновенного, и сказал: «А что же, разве это хорошо?» — «Ну, вы все хотите заковать в форму». — «А учтиво было бы с моей стороны идти к вам этак?» — Он переменял разговор и сказал: «Вот вам записка, прочитайте». — «Да ведь вы здесь, так скажите сами, зачем же записку?» — «Да прочитайте». — «Не стану читать: зачем, когда вы сами здесь?» — «Ну, я говорю». — «А я не прочитаю». — Взял записку, не развертывая, повернул ее спинкою, после развернул, оторвал полулист, на котором было написано, и, держа к себе задом, зажег на свече (я сидел на диване к окну, Вас. Петр. к другой комнате, Ив. Вас. подле меня у окна на стуле). — «Жаль, — сказал он, — было написано весьма интересное». — «Тем хуже для меня». Мне хотелось так поругаться над ним в глаза, — может быть, и догадается, что мне такая его невежливость кажется глупой. — «А моя хозяйка...» — «Да что? вы хотите жаловаться на то, что не уважает вас? Да делайте сами то, что требуете от других, ведь вот вы никого не бьете, и вас не бьют; уважайте других, и вас будут уважать...» — «Ну, вы, кажется, хотите читать мне самому проповеди вроде тех, как вот видел я книжку, в которой собраны изречения греческих мудрецов, так что в 10—12 фразах вся его философия вроде —

И за малые дары
Господа благодарю.

— «Что ж такое? Извините, что я вам скажу это в глаза — ведь вы и этого не выдумаете». — Чтобы не пришла Над. Ег. и не застала его в его белом тулупчике, я встал и взял шляпу. Ему должно было встать, чтобы пропустить меня, а может быть, он и сам встал, для того, чтобы тоже идти, мне было все равно. — «Вы тоже идете?» — «Иду». — И пошли. Как вышли, я спросил: «Вам, я думаю, холодно в этом тулупчике?» (Мне хотелось узнать; не надет ли по крайней мере под ним сюртук, хотя я знал, что нет, но в эту минуту мне пришло сомнение.) — «Нет, не холодно, ведь вот — распахнул — это (т.-е. его красный плюшевый халат) греет не хуже шинели». Ах, какой скот! Итти так! к даме!

Я был несколько доволен, что так его отделал, хотя он этого несколько не понял и принял за пустую шутку, несколько не относящуюся к его настоящему состоянию. — У Вас. Петр. еще ничего; завтра должно решиться. Я сказал, что зайду; после пошел к Ал. Фед., поджидал его там, все ничего, был в очень порядочном расположении духа; как вышел вместе с ним (он принес 29—4 ноября мне), меня разобрала досада на свинство Ивана Вас., и я тут же сказал, что во мне вдруг взорвало сердце на Ив. Вас., и весь вечер после этого было гадко. Я когда пришел домой, стал досадовать на Терсинских и на себя. У Вольфа пил кофе, сдачи 85, итак взяли 15. Мне приятно, что мальчик тотчас подает журнал, когда я ему скажу.

9 [ноября]. — 10 час. утра, наливаю чай. Я не знаю, пойду ли в университет, если будут лекции. Меня сильно интересует Никитенко, — скажет ли мне он что-нибудь о моем Гете, или нет; но есть другие стороны: почти наверное знаю, что моста нет, потому что сильная оттепель и вчера не было моста и, кроме того, может быть, зайдет Вас. Петр. из театра и, кроме того, хочется ныне дописать, а если можно, [то] и кончить корректуру Срезневского. Утром ныне дописал мнение об Анониме Баварском и дописал до Адама Бременского, который и Гельмольд остаются только одни.

5¼. — Кончил Срезневского и помолился, однако, холодно. Душаю теперь отнести на дом к нему, чтоб иметь случай поговорить с ним — или о медали и почему я не писал, или о том, не достанет ли нам с Вас. Петр., если можно обоим, а если нельзя, так хоть одному ему, места в журнале, если понадобится ему, т.-е. если он не успеет здесь в театре. На этом несколько основываются мои планы, хотя должно сказать, что я не верю в их осуществление, а знаю, что это пройдет так. Если успею прочитать, отнесу завтра, если нет — в четверг, если не будет моста.

6 час. 10 мин. — Я шью тетради Срезневского. Марья воротилась из аптеки и рассказала, как она ошиблась и прошла мимо своей улицы, когда шла назад, — и я вздумал: это ее занимает, — так всякий ничтожный, т.-е. не имеющий никакого отношения ни к какой идее случай, чисто минутный случай, интересует человека,

стоящего на самой низшей ступени развития; чем больше развивается он, тем более его мысли и внимание обращаются к общему, к постоянным интересам, к постоянным мыслям, напр., хоть о своем возвышении или приобретении чего-нибудь, тем более приобретает для него важности все, что относится к этому, и тем менее важным, менее занимательным, более ничтожным становится все, не имеющее к этим постоянно занимающим его мыслям отношения; так все идет к идее и все полнее и постояннее и глубже проникается ею и сознанием ее, и все более и более теряется из глаз развивающегося существа частное, индивидуальное, и если имеет какую-нибудь цену, то что имеет отношение только к идее. И вот вам в опыте доказательство, или, лучше, не доказательство, а пример, или не пример, а, как это сказать (ну, я говорю, что на дереве есть листья, и показываю на дерево тому, кто спрашивает у меня доказательство), частный случай из общего правила, что все из идеи, что идея развивается сама из себя, производит все и из индивидуальностей возвращается сама в себе: развитие идеи по Гегелю.

10 час. 40 мин. — После чаю пошел к Вас. Петр.; пришел туда в 8 час., просидел почти 1½ часа; он был один дома; смеялись над Ив. Вас. и Терсинским. Над Ив. Вас. я довольно злобно, над Терсинским с некоторым участием; он сказал, что Любинька что-то весьма плоха, — кажется, как будто не будет долго жить, что лицо как будто мертвое и уши желтые, а я этого ничего не замечал. Это на меня ничего не произвело. У него ничего еще нет, сказал об этом своему хозяину, потому что он помощник режиссера и от него уже нельзя будет скрыть, а после этого должно будет сказать и Над. Ег., которая, думает он, не скажет своим, потому что отец говорит, что актеры прокляты. Хозяин сказал, что это все проводят его, и должно просить директора, который иногда и сам берется за эти дела и живо ведет их.

Я говорил ему, чтоб он прочитал мне, что писал, потому что кажется, что когда я пришел, он писал; он не хотел, сказал, что не писал. — «Да писали». — «Ну, [а] вы пишете?» — спросил он меня. — «Как же, пишу и уже 3-ю часть романа теперь пишу». — «Ну, прочитайте мне». — «Тогда и вы прочитаете?» (У меня родилась мысль написать и прочитать что-нибудь, все равно, хорошо или нет напишется, чтобы он прочитал также, потому что мне хочется узнать, как он пишет; если, как я думаю, весьма хорошо, то этим можно воспользоваться.) — «Конечно». — «Ну, так, конечно, я прочитаю, только что? С начала или самые лучшие места? мне кажется, что лучше самые лучшие места?» — «Ну, как хотите», — сказал он шутя, а я не шутил, чтоб только он прочитал, и когда шел, дорогою вздумал писать рассказ о Лили и Гете, который ввел в то, что читал Никитенке, только в обширном размере романа. Напишу — так напишу, не будет писаться далее, так напишу только начало, чтобы прочитать Вас. Петр., и меня несколько не оскорбит, если будет дурно, потому что я не сомневаюсь, что,

может быть, я не одарен, этою способностью или еще слишком молод и неопытен; но может быть будет и хорошо (в этом подкрепляет меня отзыв Никитенки об очерке характеров отца Гете и матери его). Итак, верно буду писать. Прочитал перед уходом к нему и после, сейчас 2½ листа и завтра вечером, может быть, отнесу. Ныне открыл утром новую манеру писать набело, как написаны последние страницы Срезневского, — весьма мелко, так, чтоб буквы были в вышину немного более того, чем теперь писано здесь и выходит гораздо красивее, чем прежний, довольно крупный почерк; кажется, теперь буду держаться этого мелкого письма набело.

10 [ноября]. — От Ворониных зашел на несколько минут к Вольфу, оставаться было некогда, потому что должно было дочитать Срезневского. Ничего нового не прочитал. В 4 час. 20 мин. кончил корректуру Срезневского, и Любинька, когда заметила, что я хотел идти, сказала, не хочу ли выпить раньше чаю; я сказал, что очень хорошо, и в 5 час. 20 мин. вышел. Срезневский несколько секунд заставил меня подождать, потому что дописывал мысль в программе, которую готовит по требованию министра для представления ему и которую просил меня переписать. Я сказал, что хорошо, — подобострастие, если угодно, но я думаю, что это не то, а как что-то в другом роде, и когда он сказал, что недурно было бы иметь ему на то время, когда составляет программу, тетрадки славянской литературы, которые я видел у Залемана, но что их нельзя достать, потому что верно они в университете, я сказал, что может быть достану, и оттуда заходил к Залеману, чтобы взять, если у него [они]. Его не застал. После к Олимпу — тоже нет. У Срезневского пробыл две-три минуты, потому что ему было некогда. Теперь 10 час. 10 мин. и я ложусь.

11 [ноября]. — Утром дочитал «Débats»; около 10 часов, когда уходил Ив. Гр., я стал разбирать письма, чтоб уложить их по несколько в один конверт, чтобы таким образом они не топились так и уложились в меньшем объеме. Как только начал складывать, пришло в голову складывать в один конверт письма за каждый месяц и надписывать на конверте, какие номера, за какой месяц и сколько прислано было в них денег. Таким образом перебрал все письма 2-го и 3-го курса и последней половины 1-го курса, и первую тоже постарался сложить поугаме, и в самом деле, наконец, успел так, что вышло только две такие пачки, которые укладываются в ящик. Разбирал также несколько бумаги; в этом дело прошло до 2 часов. Был одержим и теперь одержим желанием поскорее побывать у Срезневского, чтоб скорее кончилось все это дело чем-нибудь. Только сомнение: что, если придет Вас. Петр. в то время, когда меня не будет дома? А если придет, то, конечно, в это время, между 4 и 5½, когда я думаю воротиться.

Вчера были Ив. Гр.⁸⁶ и Ив. Вас. — Любинька, когда я перебрал письма, сказала, чтоб я написал, чтоб не присылали мне так много денег. Хозяева присылали за деньгами, потому что, говорят, спит Наталья Ивановна, а нужно провизии. Любинька дала 2½ р.

сер. Ив. Гр., когда узнал, рассердился на хозяев очень и сказал: «Если б не была ты больна, через неделю же перешли бы; что за бессовестность — дано еще за $1\frac{1}{2}$ месяца вперед, а они требуют, когда сами колотимся». — Это мне показалось хорошо для моих целей: значит, как Любинька выздоровеет, можно будет перейти.

11 часов с половиной. — Зашел к Залеману в $3\frac{3}{4}$, они обедали, значит, я им помешал. Взял у него листки, пошел к Срезневскому и в Гостином Дворе придумал купить себе стальных перьев дюжину, по той линии, которая идет по Садовой. Вот, думал, когда писал Срезневскому программу, что будут толсты и для лекции понадобится покупать другие, — нет, превосходны и гораздо лучше моих прежних, которые так же дороги; это меня радует. Заплатил 20 коп. сер. за дюжину. — Срезневский пил кофе с своей женою, когда я взшел и высматривал было его, взглянувши и на жену, как это обыкновенно со мною бывает (между тем и ее не знаю до сих пор и теперь не видел хорошенько ее лица); но он сам встал. Хотел давать почтовой бумаги, — я сказал, что лучше бы большой, обыкновенной; он говорит: «У меня другой нет». — «Ну, все равно, — сказал я, — у меня есть». — «Да что вам все убытки». — «Ну уж эти расчеты слишком»... (вот и позабыл, какое слово употребил: не деликатны и не тонки, а что-то вроде того и другого вместе) и ушел, постоявши только несколько минут: у него готово было все, а я, когда шел, думал, не купить ли самой хорошей бумаги; но, между прочим, помешало то, что я думал, нужно будет $\frac{1}{2}$ дести, а у меня было только 30 коп. сер. Когда пришел домой, было 5 час. 20 мин., до чаю не хотелось начинать ничего, не стоило. После чаю до 8 часов провозился все с транспарантом, потому что прежние не были прямы для этой бумаги. Теперь написано по-своему 41 страница, у Срезневского $3\frac{1}{2}$ листика, почти $\frac{1}{4}$ всего, и завтра надеюсь отнести ему, когда пойду к Ворониным.

О Вас. Петр. думал, т.-е. беспокоился, мало; конечно, в мыслях постоянно был, но нисколько не беспокоился, — отчего это? Конечно, оттого, что с глаз долой и из памяти вон, долго не видел и не говорил как должно, вот и охладел; и, конечно, не от симпатии, по которой чувствую, что решительно еще ничего нет, хотя он вчера хотел быть у директора.

12 числа [ноября], 11 часов. — Весь день писал Срезневского и все-таки не успел дописать. Я думаю, что кончу завтрак к 12 час. и в таком случае отнесу до обеда, если нет — после обеда, в 4 понесу, что и скорее. — Вас. Петр. был поутру на несколько минут, говорит: «Было испытание ныне утром, но так холодно, невнимательно, и слушает, и сам твердит к репетиции, и проч. и проч., послушает 3 минуты — вас зовут» — и бежит, а меня оставляет; не знаю, будет ли мне, говорит он, какой толк из этого; в субботу или понедельник узнать можно». — «Дай бог, говорю я теперь, чтобы был успех».

Отнес Ал. Фед. «Débats» и к счастью не застал его дома. Читал в промежутках Гизо и почти дочитал «О средствах управ-

ления и оппозиции». — Великий человек, великий ум и практический, совершенно практический, ничем не ослепляющийся, хоть и увлекающийся тем, что не может ослепить: любовью к истине, к праву и проч. Он сам решительно убежден, и я во всем согласен с ним и в том, что власть есть нечто высшее, а не à gages serviteur *, как говорят те, против которых говорит он, и многое другое, что раньше считал вовсе несправедливым; другой человек, пожалуй, даже стал бы подозревать его в макиавеллизме, — так он знает всего человека и велит удовлетворять всему человеку, а не по частям, и так хорошо умеет знать, что должно делать с ним, чтоб сделать из него то и то; но какой это макиавеллизм? это все вздор, он великий человек. Только у меня от прения с Никитенкою образовалось мнение (нет, раньше, постепенно), что всякий великий человек велик во всем и если велик по уму, велик и по душе, — а он с невыгодной слишком стороны отзывается о Наполеоне в нравственном отношении, и в этом я боюсь, как бы он тоже не перетянул меня к себе и я снова не стал верить, что есть великие негодяи, которые делают что-нибудь в истории и заслуживают имя действующих на человечество; нет, кажется, этого не бывает.

13 [ноября]. — Утром встал в 6 час., в 11 дописал Срезневского и прочитал корректуру и уж начал было собираться и вместе хотел отнести Залеману его листки, как вдруг вижу, что они идут ко мне с Лободовским; очень хорошо, рад видеть В. П. и не идти к Залеману. Посидели около полчаса или побольше. В. П. хотел курить, Ив. Гр. сказал, что нельзя, доктор не велел; посмотрю, так ли это, верно так. — В. П. и Залеман говорили почти все об Элькане: он хорошо знаком Залеману и немного ему родственник и он просил его за В. П.: в Управе благочиния есть место переводчика, так чтоб он доставил; тот согласился и сказал, что должен раньше испытать его. В. П., который раньше чрезвычайно много слышался о нем от Залеманов обоих, говорит, что шел с робостью, потому что думал найти чорт знает какого высокого человека — вышел простой, умный, весьма хитрый человек, с виду простяк; он дал ему перевести несколько строчек с немецкого и французского. В. П. завтра отнесет ему их. Они все толковали об Элькане и, разумеется, было много сказано, что не рекомендует его, напр., для Терсинского, который, конечно, слышал и слушал об отношениях к нему В. П. Из разговора открылось Терсинскому, что он весьма нуждается. Все это было мне весьма неприятно, я даже перебивал разговор, — снова начнут. Я пошел к Срезневскому, В. П. к Залеману.

У Срезневского мыли полы, поэтому все сидели в кабинете жены, на которую я взглянул мельком, когда входил; после, когда говорил с ним (во второй раз довольно неловко свел глаза с него, когда он смотрел мне в глаза), мне показалась весьма мила, и когда сказала в ответ на слова, которые сказал он мне, несколько слов,

* Наемный слуга.

мне было весьма приятно, что она вмешалась в разговор, хотя и не со мною говорила: вот этаким чудак! Это в том роде, как после свадьбы было относительно Над. Ег. — молодая, красавица, и мне чрезвычайно приятно было бы быть с ней вместе и не подвергаться насмешкам. Он говорил о том, где я беру чернила, перья, которые ему понравились (я носил с собой чернила, чтобы вписать Мухара, которого не разобрал, как кажется, для того я вывел слово отделение, которое написано не на своем месте, пропустил было несколько строк — такой чудак). Я пробыл 3 минуты, не сядя, ушел, пошел в университет. Там ему письмо, я взял отнести, думал, что, конечно, нельзя будет уже снова с ним увидеться, почему я, конечно, отдам письмо служанке, которая отворит дверь, но все-таки может быть увижусь, и он заговорит со мною. Мною руководила надежда навести его на разговор, который кончился бы так, что я попросил бы доставить место Вас. Петр. в журнале, а после весьма приятно было бы услужить и самому себе. Отнес, отдал служанке и пошел, не входя в дверь. Когда шел по Вознесенскому против церкви (я пошел домой через Мещанскую), вдруг слышу сзади женский голос; не служанка ли это догоняет меня воротиться (я должен сказать, что я для этого сходил с лестницы медленно и даже на 4—5 секунд остановился на нижней площадке)? — чухонка просила милостыни. — Теперь, кажется, дело с Срезневским кончено, если не навсегда, то, вероятно, очень надолго, до выхода почти из университета; я сам никогда не начну с ним говорить, разве что-нибудь для объяснения себе или ему на лекции. — Папенькино письмо написано шутивным тоном — это мне было приятно. Когда шел через мост Чернышев, догоняет В. П. — «Откуда?» — Я сказал, что был в университете. Он стал говорить о том, что Залеман чрезвычайно выгодно говорит обо мне; говорит, что даже притворщик: «Говорит, что не знает, а сам все знает». И говорил ему о моем «об эгоизме Гете», — говорит: «удивил нас всех, — и такой скромный, удивительно: когда Никитенко спросил, будет ли дочитывать, сказал, что не стоит» (вот уж это-то не говорил). Мне было весьма приятно, что Залеман так обо мне думает; кажется, это в самом деле потому, что я самолюбив, и крупно и мелко. Пришел к нам и перевели вместе несколько строк, которые он хотел перевести для Элькана, из Code Civil чей-то, 106—110 или той статьи о приговорах и из Real. Encycl. Брокгауза, с начала Rechtswissenschaft; я педантически выказывал свое знание. После обеда несколько спал, несколько времени говорил с Любинькою, потому что совестно было не говорить, наконец, списывал Срезневскому листочки его лекций, которые оставил Залеман мне, и из 5 списал почти 3, до конца выписки из Шафарика, завтра думаю отнести. Дочитал IV том и начал «О заговорах» Гизо: так хорошо начинается, что приходит охота читать Ив. Гр., хоть и не хотел читать. Любиньку несколько жаль головою, — но чисто головою, и то мало, — что вот сколько времени томится бедная, и еще, по крайней мере, 6 недель это будет. — 11 ч. 50 м.

14 [ноября], 2 часа. — Все утро хотелось идти к Славинскому, к которому задумал идти еще вчера, но не пошел, потому что Ив. Гр. не было дома, так и самому сидеть так, и Любиньку оставить одну несколько не хотелось, а думал идти ныне и пойду. Утром встал в 6 час., к 9 дописал Срезневского листки (всего 5, теперь остались 8 из тех, которые есть у Залемана), после лежал в зале, дочитал «**О** заговорах» Гизо и не знаю, перечитывать ли в другой раз — может быть. После читал Мишле о Гегеле и на несколько времени уснул, сейчас пообедал.

До 5 час. просидел с Любинькою, гадали и играли в карты. Марья уходила в больницу, я дожидался ее. Я спросил у Любиньки между прочим, так, хотелось ли маменьке, чтобы я приехал нынешний год? Она сказала: «Не слишком, но они все беспокоились, что тебе беспокойно жить». — «Напротив, — сказал я, — мне было гораздо спокойнее, чем дома», — несколько в намерении, чтобы разговор пошел так, как он и пошел. — «Стало быть и теперь тебе беспокойно с нами?» — «Не знаю, как тебе сказать — отчасти, конечно».

Когда Марья пришла, — к Залеману, его не было дома, отнес листки; после к Славинскому, — они играли в карты; мы ушли и стали говорить. Отец принес газеты, субботы и нынешние, и там я прочитал окончательно о том, что Роберт Блюм, член Франкфуртского Собрания, расстрелян в Вене⁸⁷, и о том, как единогласно во Франкфурте принято требование наказания всех, кто участвовал в этом поступке. Это меня взволновало, и теперь я об этом думаю: как Европа так еще близка к тем временам, когда деспотизм осмеливался даже нарушать формы явно! Расстрел члена Собрания, без его ведома! Это ужасно, это возмутительно, мое сердце негодует, и дай бог тем, которые подали этот ужасный пример беззакония, поплатиться за это таким образом, который показал бы всему миру тщету и безумство злодейства; да падет на их голову кровь его и прольется их кровь за его кровь! И да падет дело их, потому что не может быть право дело таких людей! На виселицу Виндишгреца и всех! Господи, помилуй раба твоего, да воцарится он в жизни твоей! — Когда шел от Славинского, молился несколько минут за Блюма, а давно не молился я по покойникам. Франкфуртское Собрание поступило хорошо, что выказало единодушие: я думаю, что из этого выйдет серьезное столкновение и или решительно падет центральная власть (чего не дай бог), или решительно поражена будет ольмюцкая партия, — и да будет поражена она!

Славинский все толковал о Фанни Эслер — он был несколько раз в театре. Он хочет купить Гегеля. Что будет в Пруссии — неизвестно; верно Собрание победит, и дай бог.

15 [ноября]. — От Ворониных, у которых не получил, хоть думал получить, денег, пошел, как думал, к Вольфу, где просидел до 4 час. с 11. Прочитал «Современник», XI, только не все, а статью Майкова⁸⁸ — есть вещи хорошие и живые, как будтонося-

щие что-то вроде мысли и волнующие мысль, но целое бог знает что и какая-то нелепица! Читал журналы почти все. Итак, Берлинское Собрание окончательно-таки поддерживает! Молодцы! Молодцы! И Франкфурт хорошо делает, что требует единодушно наказания за Блюма и проч. — После был у Вас. Петр., в 8 час. пошел, пришел в 10. Там говорили несколько о «Современнике», играли в карты. Когда пришел, у нас был Ал. Фед., который заговорил и о политике, и я-таки сказал о Блюме и что хорошо б, если бы повесили Виндишгреца, которому наши дали орден⁸⁹. Молод, горяч и поэтому не мог удержать язык за зубами и когда говорю, то не могу удержаться от волнения чувства.

Когда шел к Вас. Петр., был пожар, и когда я переходил переулок, который между Пяти углов и Гороховой, извозчик задел меня серединою оглобли, потому что я засмотрелся (огонь был в углу между нами и Семеновским плацом); я нисколько не смутился, решительно как бы спокойно, решительно спокойно, только без всякой обдуманности, так естественно, как естественно и без всякого расчета двигаешь одну ногу за другой, когда идешь не смотря ни на что, а так, само собою как-то, лег на сани грудью, т.-е. боком, между ног седоков (после увидел, что это были купцы, а то не обратил внимания) и, доставши голову извозчика (после увидел, что это был мальчик лет 18, может быть менее), взял его, сдвинувши шапку, за висок, весьма сильно стал не теребить волоса, а как захватил широко, все сжимал, так что довольно много вырвалось и проехал в таком положении шагом сажен 15. Я встал, когда подумал, что довольно, и пошел назад решительно спокойно, не сказав во все время ни слова решительно. В этом открывается для меня ясно новая черта моего характера, что я теряю всякую обдуманность, т.-е. боязнь или расчет в такие минуты и делаю решительно безрассудно, решительно спокойно и холодно, ничего не видя, не думая, т.-е. теряя голову или прибегая к ее помощи. — Теперь вздумал, что подобное расположение было и во время Касторского экзамена — сердце ни разу ни ударилось. У Вас. Петр. ничего особенного нет. Завтра хочу быть у Корелкина и Михайлова братьев.

16 [ноября]. — Когда напился чаю, в 10 час., пошел к Корелкину, чтоб оттуда пойти в Горный Корпус. Был снег. У Корелкина было скучно, потому что толковали о Матвееве и Академии Художеств, о Вологде и древних рукописях. Пошли было с Корелкиным в Горный, но, дошедши до 13-й линии, узнали, что он в 25-й, и поэтому я воротился, когда Корелкин хотел идти дальше, и так как шли мимо Соколова, зашли к нему. Корелкин отделял его, мне было его жаль и поэтому я, заступившись за него, отделял Корелкина.

В 2 часа был уже у Вольфа, где просидел 1½ часа и ничего не брал. Завтра снова буду, потому что весьма любопытно, во-первых, рассказ Фребеля, который воротился во Франкфурт, потом берлинские дела — суд признал министров виновными — и как го-

рода примут декрет о неплатеже податей.— Тьер за Бонапарте; это нехорошо, по моему мнению, и, как говорят все лучшие газеты,— с противореволюционными целями, из него хотят сделать * émissaire; перебить парижан картечью и низвергнуть прежнюю династию, а самому править — это самохвальство.

Вечером был Ал. Фед. и перед ним доктор, который сидел с час и который толковал Любиньке о том, что эта квартира очень дорога, вся цена ей 8 р. сер. Это было мне весьма приятно, и когда пришел после Ив. Гр., очевидно было из их разговора, что тотчас, как Любиньке можно будет переходить, перейдут; это хорошо. Ал. Фед. сидел и все вел разговор о политике, что мне было приятно, и я с удовольствием толковал ему различные вещи часа с два, кажется. После списывал конституцию и списал 1-ую страницу и 1 столбец (до половины 10 §) 2-й страницы. Читал «Библиотеку» за 1835 г., принесенную Ив. Гр. В критике более остроты, чем в нынешней ее и менее узкости, хотя направление пошлое; так то сначала человек бывает нечто менее глупое, чем является впоследствии. — 11 часов.

17 [ноября]. — У Ворониных получил за 12 уроков 17 р. 15 к. 14 р. сер. отнес после обеда Вас. Петр., 3 р. оставил у себя, чтоб заплатить было чем за головки Фрицу, который кстати взял их вчера: у меня обувь уже оплосала. Оттуда пошел к Вольфу, где сидел без особенного удовольствия и почти ничего нового не узнал, кроме того, что есть у них «Revue d. d. Mondes». Завтра, если не будет лекций, снова там буду, если не будет лекций, то весьма долго буду. В 2 часа (думал, что уже было более, поэтому и ушел) воротился домой, пописал конституцию; как пообедал, в 4 ч. к Вас. Петр., чтоб застать его одного, — и в самом деле Над. Ег. спала. Отдал, он ничего не сказал. У Элькана, говорит, верно не удастся; в театре, говорит, тоже, хоть справлялся еще, — если б что-нибудь было, то хозяин уже сказал бы. Ив. Вас. не был у него с тех пор, как я его отделал. Я посидел не более 20 минут и ушел; в 5½ был уже дома и почти все время писал конституцию, дописал. Читал только «Библиотеку»; в «Отеч. зап.» статья о Кантемире⁹⁰ показалась весьма посредственной и без мыслей, впрочем, читал ее слишком бегло, почти не читал вовсе. Утром сжег большую часть конвертов, но некоторые остались, потому что спрятались между бумаг.

18 [ноября]. — Утром думал на-двое — будут ли, нет ли лекции? Если нет — посижу утро у Ворониных, если есть — в библиотеке. Все-таки я зашел к Вольфу на ¾ часа — более приятные известия о новом министерстве в Пруссии. В библиотеке читать начал «Revue d. deux Mondes», 1844, — политическую историю, — весьма мало занимательного, только в начале 44 loi sur la dotation**, как мне кажется, ясно выражено, что представлен Гизо по при-

* Одно слово неразборчиво. Ред.

** Закон о дотации.

нуждению от короля и, как кажется, он сам не мог удержаться, чтобы не высказать этого. И было бы хорошо, если бы я убедился, наконец, что если что было не так, то это не так было не от него, а от короля, а Тьер, говорят тут, молчал через это целых полтора года. Итак, они вот как молчат иногда — этого я не знал: не говорят, когда не надеются получить успеха. Демократы (Гора) и социалисты, газеты говорят, примирились. Луи Блану тоже предлагают кандидатство⁸¹, он принимает и письмо ясно носит на себе его всегдашнюю прелесть — обворожительно. — Великий человек, великий чувством братства к своей партии. — У Кутурги говорил с Антоновичем о политических делах, это мне приятно. Вечером писал сначала две польские песни Срезневскому, а после писал *table des matières** «Истории французской революции».

19 [ноября]. — Вчера за ужином взял читать «О смертной казни в политических делах», никак не мог удержаться не прочитать несколько строк (1½ страницы предисловия) Ив. Гр-чу. Он говорит: «Верно этот Гизо был филантроп»; это меня взбесило несколько, однако сначала только голову, а когда уже кончил спор (который был 2—3 минуты) — уж и сердце. Этаким народ: в голову ничего нельзя вбить нового и может держаться только теми пошлостями, которые удалось услышать в первой молодости (относительно к нему до выхода из Академии, потому что после уж «я самостоятельный человек и сам должен учить, а не учиться»), и все, кто говорит не общепринятую пошлость, фантазеры. И всего забавнее его притязание на знание человека и хода дел и того, как должно обращаться с человеком: он лучше Гизо знает, что возможно и что невозможно, что действительно полезно, что нет; это преуморительно!

Противопологать себя этим людям! Если говорю что-нибудь против общепринятых авторитетов, так ведь во всяком случае не приписываю же себе заслуги, что говорю по собственному опыту, что своим умом дошел, а просто говорю: «Так думал раньше; теперь явились вот какие идеи и вот какое положение их в этом деле, и тот, кто не соглашается на это положение, не знает или не может понять, потому что одарен такою головою, что что раз вошло к нему в голову, то уже неспособно ни к какому развитию и видоизменению», и смешны для меня эти люди, которые так высоко ставят себя и свое знание дел, — а знание этого света все состоит в том, что они видят, что вот люди, которых глупость часто сами они видят, делают по рутине вот что и думают, что через это они достигают того-то, — они после этого и заключают так; а делается для достижения *b*, следовательно, *b* достигается *a*, потому что как идет, так и должно идти, и все, что предполагают люди по рутине и по поверхностному знанию результатов в отдельном случае, прилагается к вещи вообще.

* Оглавление.

Однако, я не стал много спорить, да и он ушел курить трубку, и после тотчас я стал жалеть, что вздумал читать ему: я постоянно стараюсь удерживаться от всяких вообще разговоров с ним о чем-нибудь, в чем я убежден и что относится к кругу того, на что он не согласен или даже на что и согласен,— не стоит, потому что с презрением слушает, как от молока, и только внушаешь ему о себе странные понятия, чего я вовсе не любитель.

Из университета может быть пойду к Вас. Петр., может быть, и скорее нет,— а скорее пойду.

Свои листочки, на которых записываю лекции, с начала года носил в Helmoldi выписках, а когда кончил Срезневского и Helmoldi почти весь разорвался по сгибу — в своей риторической задаче о речи pro Milone.

Это все писал у Фрейтага; решил ничего не говорить с ним, ровно ничего. Когда, как ныне, забуду дома Светония, весьма неприятно, потому что может быть, что Фрейтаг заметит и войдет в объяснения, которые я ненавижу, потому что мне все кажется, что честь от этого страдает. Против Терсинских снова у меня какое-то тайное желание схватки или в этом роде; всегда, когда нужно зажигать мне особо себе свечу, жду, что скажут что-нибудь, хоть знаю, что не скажут, и отчасти мне это было бы приятно: я промолчал бы, а нето купил бы себе особо свеч.

Да, должно сказать, что когда я в первый раз в этом месяце (около 9-го, что ли) читал у Вас. Петр. «Отеч. записки» № 11, там прочитал я о термометре с часовым прибором, который проводит под карандашом, который движется сообразно изменению термометра, бумажку, которая там; сделаны часы недельные. Это самое думал сделать я, только вместо Брегетова термометра, как там, кружащегося, я думал употребить просто длинный металлический (цинковый) прут, один конец которого прикреплен, а другой растягивается и сжимается, и к которому приделан карандаш. Это вздумал я довольно давно и постоянно придумывал усовершенствования. Основная мысль (прибор часовой) родилась, я думаю, месяца 4 назад, как следствие случайной мысли о приделке карандаша к ртутному термометру, что в первый раз пришло в голову еще, когда раз дожидаясь Троицкого для бабенки (лет шесть назад), в чем теперь у меня отнято обоснование.

У Устрялова. — Устрялов сказал, что у Гизо везде двойится в глазах, везде двойственность, две причины, два следствия и проч. — Не знаю, где эта двойственность, постараюсь заметить — и что, наконец, это становится приторно и этому подражал Полевой в своей истории.

У Куторги. — Когда переставляли скамьи, сходил в шинельную, чтоб сходить на двор, воротился — свертка Лыткиных лекций Срезневского, которые принес отдать ему, — их нет. Где? Сердце дрогнуло; взглянул мельком в IV аудитории — нет; вниз побежал — нет; в XI аудиторию, где сидел у Устрялова — нет. Сердце дрогнуло: ну, что теперь? Должно писать снова для Лыт-

кина, да кроме того, репутация растеряжи. Наконец, воротился в IV, взглянул, не надеясь найти, в скамьи — он там, где я хотел сесть. Чрезвычайно приятно, что нашел — тотчас же отдал Лыткину с многими благодарностями.

20 [ноября]. — Утром пришел Фриц, принес сапоги, я ему отдал 3 р. сер.; он хотел после зайти, чтобы сделать калоши, которые сам увидел он, что худы. Принес записку от Ал. Фед., что у него есть «Отеч. записки» и «Débats», чтоб я пришел, поэтому я пошел, просидел почти до 12. Сидеть у Вольфа долго было нельзя, поэтому я зашел на минутку, почитал — ничего нового, о новом прусском министерстве еще ничего. Оттуда в университет за письмом — повестка на 50 р. сер. Я отложил до понедельника. Ивану Гр. или [на] платбе? Конечно, скорее первое, но ныне уж было поздно. Когда пришел, читал «Отеч. записки» № 10 и прочитал Светелкина⁹². Все остальное — не слишком (я читал последнюю половину книги, а первую еще не читал, и о последней только говорю). В «Débats» 11—13 ноября тоже ничего нового нет.

21 [ноября]. — (Это писано 22-го в вечеру.) С 20-го на 21-е читал «Отеч. записки» до 3 часов. В воскресенье читал «Отеч. записки» все и все прочитал. Был Ал. Фед. вечером, сидел недолго. В эти дни Терсинские сказали, что у них нет денег, и что было у меня, я отдал все почти, т.-е. целковый в субботу и ныне поутру 50 к. сер. В воскресенье все утро просидел в кондитерской, читал между прочим «Revue d. d. Mondes» 1 октября, где о датском вопросе, — нового почти ничего не узнал. Ал. Фед. спрашивал, есть ли у меня деньги, хотел занять.

22 [ноября], 10 час. вечера. — Расположился уйти раньше, чтобы раньше придти в университет, взять там повестку, а после к Ворониным, чтоб не делать два пути вместо одного, и сделать три вместо двух, потому что не было подписано и должен был ходить во вторую лекцию, чего не хотел, во-первых, потому, что лень, во-вторых, потому, что хотелось лучше читать «Revue d. d. Mondes» 1844. Думал, что там все мне присланы деньги — и для этого в особом письме, на одежду, вышло нет. Решился шить брюки без всякой борьбы и сомнения, во-первых, потому, что эти худятся, во-вторых, чтоб, наконец, хоть раз могли бы Терсинские видеть, куда я употребляю деньги. 9 или 10 р. сер., конечно, Вас. Петровичу из 20, которые присланы мне. У Устрялова почти ничего не записано, потому что почти все знаю и почти все есть в книге.

У Срезневского был попечитель, и Срезневский, говоря о наших, без имен, но очевидно наших и древних, хоть в новых рукописях, проповедях, сказал: «Вот, напр., «Слово христороубца», которое списал для меня г. Чернышевский, там то-то и то-то». После лекции попечитель сказал с ним несколько слов, вероятно спросил: «Так Чернышевский делал кое-что для вас?» Срезневский отвечал: «Весьма много», а может быть и просто «много» — по крайней мере, я расслышал хорошо одно последнее это слово, подо-

шедши в эту самую минуту к первой скамье на левой стороне (я сажусь всегда направо на вторую, чтобы попечитель не был у меня в глазах и я у него, потому что кресла его слева от кафедр, конечно, ближе к входу). Однако я думал, что я продолжаю быть у него на дурном счету и что он скорее, чем к другому, обратится ко мне с замечанием о пуговицах, волосах и т. п. (В промежутке этого ужина). — Попечитель сказал мне, подвинувшись ко мне на шаг: «Я должен передать вам, г. Чернышевский, что г. Срезневский весьма доволен вами». — Я не слишком заметно и, кажется, с заметною неохотою поклонился несколько и сказал, что весьма благодарен, — чего мне не хотелось говорить. — Итак, теперь я у него на хорошем замечании, хотя, конечно, гораздо после Корелкина и Лыткина. Вот еще доказательство того, что вообще мы ошибаемся, если думаем, что нами так же занимаются другие, как мы другими: я думал, что попечитель помнит и хранит на меня неудовольствие, имеет ко мне антипатию, как я к нему, — разумеется, нет. И теперь, кажется, у меня будут гораздо реже приходить мысли о том, как я ему дам пощечину и проч., которые весьма часто бродили в моей голове; все это вздор — благоволение и не-благоволение других к нам; должно предполагать всегда в других индифферентизм, который всегда готов на то и [на] другое.

Мне было неприятно, особенно в ту самую минуту, что попечитель это говорит мне: во-первых, ставит меня в ложное и неприятное положение к себе, во-вторых, снова перед студентами резкое напоминание о моих отношениях к Срезневскому.

Когда выходил, получил письмо от своих, еще и от Алексея Тимофеевича. С час посидел у Вольфа; нового ничего. Дорогою шел с Славинским, который рассыпал комплименты, как преемнику Дон-Жуана — довольно, по моему мнению, мило и умно. Едва ли это слово попечителя не произведет мало-по-малу в моих мыслях и расположении к нему перемены и не заставит смотреть как на бес-толкового добряка решительно; это я и раньше думал, но раньше выставлялся элемент грубости, теперь, может быть, выставится элемент доброты. Посмотрим, какие будут следствия; хорошо, если я [не] окажусь подлецом.

Читал Гизо о смертной казни, прочитал до 80 страницы, — около 50 страниц, конечно, спал тоже, потому что как лягу — конечно, усну, и дочитал «Débats» [за] 10—13, потому что завтра отнесу вместе с 3-й частью Беккера, которую просил Ал. Фед. и которую завтра принесет Залеман.

23 [ноября], вторник. — Идя в университет, зашел к Шмиту у Каменного моста, его не было дома (в 9 ч. 20 м.). Я в библиотеку, где пробежал *Chronique* и после статью о Гетевской поэзии, о de Sallier*. У Никитенки должен был читать снова о Гете, чего не думал, прочитал всего две страницы, потому что все толковал с ним, — другие никто не вмешивались; он сказал, что

* Неразборчиво. *Ред.*

для объяснения убеждений Гете хорошо бы разобрать вторую часть «Фауста», чего еще никто не мог, и поставить в параллель с ним Байрона. К концу лекции пришел попечитель, как будто нарочно, чтобы снова во второй раз заставить меня в деятельности. Это мне было ровно ничего, только, конечно, неприятно, и хорошо, что у [него] завязался разговор с Никитенкой о Жуковского «Одиссею». Я при нем почти ничего не читал. Куторги не было, я пошел вниз, и когда надевал шинель, вдруг вижу подле себя Ханыкова, который сидел у Никитенки. — «Вы, кажется, читали у Никитенки?» — «Я». — «Так вас сильно интересует разгадка характера Гете?» — сказал он мне. — «Да, конечно, сильно». — «Ну, так это сделано уже в науке». Я думал, что он говорит что про Гегелеву школу, и сказал несколько неловких слов, невпопад. — «Нет, у Фурье, который нашел гамму страстей, 12 первоначальных и их сложение, которое составляет основу всякого характера». — Мне должно было идти по Невскому, чтобы взять у Залемана Беккера 3-ю часть, и он, толкуя мне учение Фурье, прошел до Фонтанки, после мы воротились, и он пошел по Конюшенной. Прощаясь, — и раньше, — он звал меня к себе в субботу вечером в дом Мельцера в Кирочную — «Если хотите, я дам вам Фурье». Говорил с жаром и убеждением беспрерывно всю дорогу, говорил иногда весьма умные мысли для объяснения его, напр., как он пришел к этому «не через отвлеченности, а через то, что обратил внимание на земледелие, увидел, что помочь ему лучше всего через ассоциацию, но как попробовал осуществить ее, был поражен тем, что 2—3 семейства не могли никак ужиться вместе, и начал исследовать, почему это», и проч. Мне показалось странно, что он так скоро начинает говорить и объясняет с такою ревностью; эта ревность как будто бы немного бестолкова. — Вот что значат дурные привычки: они заставляют подозревать в глупости за то, что доказывает только ревностное, горячее убеждение в истине и веру в то, что она должна распространяться, что всякий, признающий ее, должен быть апостолом ее. — Я у него буду.

У Залемана взял; после домой; в 4 часа к портному, — между прочим, потому не откладываю до завтра, чтоб поспело к субботе, к Ханыкову. Оттуда к Вас. Петр.; посидевши при ней с $\frac{3}{4}$ часа (у них сначала была хохлушка довольно забавная и бойкая, прачка, которая приносила белье, после играли в карты), я попросил проводить себя, чтоб отдать. Он пошел, и когда мы прошли переулоч, я хотел проститься. — «Нет, я вас провожу еще, мы долго не виделись», — сказал он тоном от сердца и проводил до конца линии. После мы снова дошли до угла, раз с полдороги повернувши снова назад, потому что вперед нас вышла из ворот женщина и пошла впереди. — «Жизнь, говорит, для меня весьма тяжела, весьма тяжело это положение, сам не умею сказать — отчего, Надя мне почти в тягость и сам, признаюсь, ей в тягость» (мне кажется оттого, что, во-первых, положение его тягостно, во-вторых, потому что она неразвита умственно, это, конечно, тягостно

не по-другому, а нравственно); «не знаю, как теперь разделаться с нею; продал кольцо свое и ее подвески и теперь не знаю, как выпутаться, — сказал, что отдал поправить. Хорошо, что она мало на это обращает внимания».

Вот как он нуждается и она, а ничего не говорит. Ему хочется видиться со мною, а я не исполняю того, что сказал ему, что перейду от Терсинских, — это все моя деликатность или нерешительность, которая заставляет дожидаться конца Любинькиной болезни. Слова его произвели довольно сильное впечатление на мою голову, но я слушал сердцем спокойно.

Воротился домой в половине 7-го, после чаю в 8^{1/2} лег читать и уснул до ужина, 10^{1/2}, потому что был утомлен ходьбой. — Никитенко сказал, больше как комплимент, что у меня логический, строгий порядок и простота; главное, что это. Это мне приятно, хотя я слова эти принимаю решительно как комплимент и насколько они меня не радуют.

Что-то будет из этого начала знакомства с Хапыковым? Рассохнется оно или превратится в обращение меня в фурьериста — что-то бог даст? Кажется, моя трусость и нерешительность и несмелость оставить прежние понятия, которые привились ко мне, заставят меня остаться в таком же положении в этом отношении, как и теперь, что основание: «страсти обыкновенно законны и привести только в гармонию» — истина, а остальное большею частью мечты: особенно подозрительно, что их 12 — число слишком подозрительно, как бы не из природы найденное, а натянуто для 12 звуков в музыкальной гамме, а если так, то, конечно, человек, делающий такие натяжки, — человек фразы.

24 [ноября]. — У Воронинных не было урока, — это меня, однако, не взбесило, а так, ровно ничего, — мать именинница. Время это провел кое-как в университете; несколько ходил по коридору, где шкапы, и сидел большую часть в сборной. Куторги снова не было. Никитенко, показалось мне, почти все смотрел на меня. Как пообедал, в 4 часа к Вольфу, там слишком много было и не мог дожидаться [газеты], поэтому через полчаса ушел и зашел, в намерении только посмотреть, потому что думал, что там еще более народу, к Излеру, — напротив, почти никого в той комнате, где читают, и гораздо тише, только сначала двое мальчишек — один студент, другой в фуражке — мешали своим разговором. Там вместо «Gaz. de France»⁹³ — «Presse»⁹⁴, что, конечно, лучше. Я просидел там с 5 до 8^{1/4}, прочитал весь «Débats» 26 ноября, где только все отчет этот в interpellations*, и два номера, 26-го и 27-го, «Presse» и проч. Новости: в Бранденбурге нет beschlussfähige Zahl**⁹⁵ — это хорошо. Кавеньяк, сколько мне кажется, педант по своему образу действий, которого педантизм стоило крови, и вместе с тем коварный честолюбец, который через это хотел и успел возвы-

* Запросах.

** Кворума.

ситься. Мне кажется, что нападающие решительно правы. — К Олимпу Як. оттуда, он спал; к себе — уснул также. Кофе у Излера лучше, чем у Вольфа.

25 [ноября]. — Утром отнес Ал. Фед. «Отеч. записки», оттуда в библиотеку, где читал «Revue d. d. Mondes». Большая часть их возгласов против социалистов показалась глупа, особенно, напр., Limaugas о «Парижских тайнах»⁹⁶. Когда воротился домой, стал читать [за] 14—19 «Débats», которые взял у Ал. Фед., хотя его не было дома. В 5½ пришел Вас. Петр. — ничего нет. Он сказал: «Пойдемте к Залеману». В 6¼ пошли, посидели до 7 часов в пассаже, почти ничего не говорили там, а говорили дорогою туда. Он говорил, что ему досадно, что Ив. Гр. смотрит на меня, как на мальчика, и что должно быть он меня не любит, потому что сознает мое превосходство перед собою. Последнему-то я не верю, а первого не знаю. У Залемана сидели, потому что мать праздновала ныне свои именины. Оттуда в 7½ пришли ко мне, Терсинские напились чаю, но Любинька спросила тотчас, пили ли; между тем как я, когда шел, готовился употребить свои initiatives* — так мои враждебные расположения вообще глупы и дурны. Вас. Петр. говорил довольно много дорогою об Ив. Гр. и его нелюбви ко мне. Я ему сказал, что не хочется мне теперь перейти, потому что им нельзя переменить квартиру, потому что Любинька больна и они говорят: «Мы нанимали, чтоб жить вместе, а теперь для нас одних дорого». Так от слабости характера я всегда лгу: я говорил в таком тоне, как бы решил, что перейду от них, а сам решил только, что перейду с этой квартиры, вместе [с ними] или нет — все равно. Из всего поведения его у меня родилось подтверждение мысли, что он aegre fert**, что не с кем ему говорить, и поэтому — довольно, однако, не твердо еще — решился расстаться с Терсинскими. Само собою разумеется, что хозяйственные хлопоты мне неприятны, но равно неприятно и то, что, живя с ними, я лишен всех наслаждений дома, особенно наслаждения едою, без которой нет наслаждения чтением, и наслаждения говорить с Вас. Петр., да и вообще как-то стеснен. После я его проводил до квартиры тестя, и говорил он о том, что в каком-то ложном положении к родным, что они теперь узнали от какого-то, кажется, студента, который бывает у Ник. Сам., что он не бывает в университете, и сообщили это Над. Егоровне. Конечно, есть у меня мысль, что он говорит отчасти об Ив. Гр., и потому, что ему неприятно, что я живу с ними, но, само собою, я эту мысль отвергаю, как недостойную его и себя. В воскресенье буду у него с Залеманом утром, он у меня вечером. Вечером, когда он ушел, читал объявления в «Débats» и захотелось купить «Almanach républicain», который издает Montagne, и поэтому ныне утром заходил к Исакову, но еще не получены

* Инициатива.

** Скорбит.

альманахи здесь. Снова несколько захотелось узнать, что делается в Пруссии. — Это все писано в пятницу у Фрейтага.

26 [ноября]. — Не знаю, может быть буду завтра у Иринарха. Между прочим, кроме того, что приятно познакомиться с ним, пришла мысль, что может быть полезен для Вас. Петр., только не знаю, — кажется, через меня пользы никому нельзя дожидаться. А может быть и не буду, как случится. Когда ложусь и встаю, несколько думаю о моем свидании с Ханыковым.

Получил повестку на 50 руб. сер., думаю, что несколько и мне, и, конечно, Вас. Петровичу назначил; дал швейцару 30 к. сер. К Устрялову пришел Вас. Петр., посидел и у Куторги. Когда мы сошли вниз, я пошел в шинельную, он остался в сенях. Выходя оттуда, я увидел Ханыкова и подал ему руку и должен был идти с ним, а Вас. Петр. не пошел с нами, а сзади. Ханыков повторил, чтобы я пришел к нему в субботу, и сказал, что он хочет просить меня прочитать у Никитенки о страстях из Фурье, статью, которую написал он; я сказал, что очень хорошо. Он пошел на Невский, я в Гороховую и на Адмиралтейском бульваре мы разошлись. Я догнал на углу Гороховой Вас. Петр., сказал на его вопрос, что это за человек со мною шел, зашел к портному, а Вас. Петр. в это время в лавку за сахарным песком. Брюки не готовы, поэтому я решил, что не буду у Иринарха Ивановича, у которого думал быть на его именины, чтоб возобновить знакомство. Пошли после снова вместе до Семеновского моста, после повернули по Фонтанке, ведя его; он проводил меня — видно, что ему хотелось подольше говорить со мною; после пошли через пустое место вроде прохода, которое вывело к углу Казарменной площади и Загородного проспекта, здесь расстались.

Он сказал, когда мы шли к Семеновскому мосту, перейдя Садовую: «Ну что, если у Нади родится дитя, что с ним делать? задумать?» — Это на меня произвело впечатление только на голову, показавши всю безнадежность, в которой он считает себя, и в самом деле я думал уже о том, какое новое обременение будет, если в самом деле родится, и несколько в самом деле и в настоящем беспокоился, потому что я думал, что есть уже признаки беременности. — «А разве родится?» — «Да почему же нет?» — Нет, я думал, он сказал это так, в раздумьи об этом, как и я, а не потому, чтобы уже было заметно что-нибудь. Я задал себе вопрос, когда шел один: «Если бы в самом деле он сделал то, что сказал, как и я сам говорю такие вещи всегда, то стал ли бы я гнушаться им, или бы решительно извинил его и только стал бы видеть в нем человека, еще более угнетенного судьбою, чем как до сих пор даже я предполагал?» Я думаю, что конечно последнее, а первое глупо. — От Ворониных когда шел, не устал против обыкновения; пришедши домой, все-таки, когда лег читать, уснул. — Это писано в субботу в 5^{1/4} после обеда, перед тем как идти к Ханыкову. Продолжаю нынешний день.

27 [ноября] 5^{1/2} веч. — Утром хотелось получить деньги, не хо-

для лишнего раз из университета; и пока еще не должно ждать. Поэтому не был у Фрейтага, который, как нарочно, как после узнал, ныне переспрашивал всех по списку, кто где учился, как у него есть эта манера. Письмо не распечатывал до половины 3-й лекции. На 3-й лекции читал начало статьи о молодости Benj. Constant. Его письма меня очаровали, как автобиография Гете — это решительно Вас. Петр. во многих отношениях, между прочим по своей страсти к путешествиям. Замечания его о характере большею частью показались пошлыми, т. е. писаны в духе мещанской морали. — Деньги все Любиньке. Когда пришел, отдал письмо, она стала плакать, что присылают столько денег. Меня это тронуло, однако, весьма мало, потому что эта любовь ее весьма бесплодная, ограничивающаяся тем, что отвергает возможность говорить: «Я не слишком люблю их», но более тронула маленькая записочка паленки, приложенная к этому письму для меня, чтобы я сошел с квартиры от них решительно.

Заходил из университета к Вольфу — ничего нового. В понедельник буду у Излера, 1 числа вечером у Вольфа. Читал «Отеч. записки». — Бездействие и нерешительность Франкфуртского Собрания мне не нравятся⁹⁷, — кажется, оно должно было бы понять, что, произойдя из воли народа, против воли правительств, оно и должно, если не хочет осудить себя на смерть, стоять с народами против правительств, да и совесть должна принудить бы его к этому; если незаконно делает народ теперь, незаконны и те его акты, которые дали бытие этому Собранию. — Что оно? ни да, ни нет, в прусском и особенно австрийском деле. По-моему, должно послать комиссаров с полномочиями требовать, чтобы без их согласия ничего не делалось; одним словом, действовать в том роде, как требует левая сторона, а то эта мелочная осторожность, желание не компрометировать себя, ладить со всеми — э, так нельзя жить. Прусское правительство подлецы, австрийское — подлецы, но этого названия для них мало, я не нахожу слов, чтобы выразить то отвращение, которое я питаю к убийцам Блюма. — В последние 2—3 недели, а может быть и более, я жалею, что нет человека, который бы умел править всем этим великолепным движением умов, что нет Мирабо ни в Германии, ни во Франции. Росси мне жаль, хоть я ничего не знаю о нем и далек от того, чтоб осудить его убийц⁹⁸, между тем как Латура решительно было не жаль, как и Лихновского, потому что Росси человек известный, человек умный, учений, не нуль пошлый, как эти господа.

11¹/₂. — У Ханькова просидел с 8 до 10. Он человек умный, убежденный, много знающий, и я держал себя к нему в отношении ученика или послушника перед аввою, как держу перед собою, напр., Славинского. Он дал мне «Phalange»⁹⁹ четыре номера, какие — запишу после, «Paris révolutionnaire» 1838, который я начал сначала читать — хорошо довольно. Ханьков весьма мил, знакомил меня с новыми общими идеями (не о фурьеризме только говорю я, а вообще) и дельный человек, ужасный пропагандист, но

мирным путем убеждения; кажется, я свяжусь с ним; он нисколько не увлекает меня, но теперь я его уважаю, как уважаю человека с убеждением и сердцем горячим. Ложусь.

28 [ноября]. — Утром дочитал «Débats» и начал читать лежа статью Фурье о космогонии. Первое, что я начал читать в «Phalange» — примеры и приложения идей, — кажутся странны или смешны почти мне, может быть потому, что я невежда в этом и не знаю путей, которыми получены они, напр., что бык порожден Сатурном, осел — Марсом и проч.; но основа идеи решительно, кажется, справедлива, что каждое тело небесное имеет свои отправления, состоит во взаимодействии с другими телами и проч., что это взаимодействие не ограничивается тяготением, а есть много и других процессов между ними, которые незаметны для наших чувств.

В 3 часа к Вас. Петр. Он говорил о себе с большою безнадежностью, и заметно, что наконец ему становится невтерпех. — Не знаю, что мне здесь делать; сердце, однако, холодно. Завтра, может быть, обращусь к Срезневскому, что ни будь. — Когда пришел, у нас был Ал. Фед., мы толковали о политике; после пришел Горизонтов, священник, и Ал. Яковлевич, толковали. Горизонтов показался не так непогрешимо умен, как в первый раз, и не так мил, но все-таки в довольно высокой степени. После Ал. Фед. остался (Ив. Гр. не было дома и разговор поддерживал Ал. Фед. по большей части о семинарии) и стал спрашивать у меня анекдоты из римской истории, которые написаны в скобках косыми буквами у Смарагдова. Я, нисколько не тяготясь, говорил ему, правда и без большого удовольствия своему самолюбию, но без обременения, говорили до 10 часов. После я стал переводить, чтобы прочесть Никитенке во вторник о «Фаусте» и проч., из «Фаланги» и перевел введение до «I». После ужина, теперь ложусь. Перевод писал полно, а не с сокращениями.

29 [ноября]. — Положил, что ныне буду у Излера, и был после обеда, как думал. Утром после Ворониных не пошел в библиотеку, а в XI аудитории сел на самую заднюю скамью посредине, для того, чтоб, если войдет кто из знакомых, успеть спрятать книгу, и начал переводить из «Phalange» о характерах. Сходя по лестнице, сказал несколько слов мне Никитенко, что мне было приятно, хотя слова эти состояли в том: «какие у вас сегодня лекции?», «так вы еще не успокаиваетесь, — а я вот уже успокаиваюсь» — и только, но все-таки приятно, что стал говорить. Срезневского не было. Дома переводил, в 4¼ к Излеру, там посидел с удовольствием до 8¾; после к Александру Фед., которого, как и знал вперед, не застал; после [к] Ол. Як. — тоже; после, до этого времени (11¼), переводил и теперь остается только 2½ страницы, потому что уже кончил 145-ю и теперь следует: «Que cherchait donc Alceste?» Маленькое сомнение у меня: ведь это против общепринятой системы нравственности, и совестливости прочесть такие мысли несколько тяготит, однако, весьма мало, — эмансипация страстей и проч. — все равно, думаю, что завтра непременно буду читать.

30 [ноября]. — Проснулся в 7, в 9 кончил перевод и в 10 пошел в университет, написавши письмо. Был снег, не протоптанный еще, и резкий ветер; было скверно. Перейдя Исаакиевский мост, встретил Ханыкова, которому сказал, что перевел, и сказал, что лучше, если он будет у Никитенки. Я хотел, как он войдет, сказать, чтобы позволил после себя прочитать одну вещь, потому что я знал, что он хотел принести ныне темы и говорить о них, но думал, что успею сказать это и что тогда он сократит свою речь. Был Вас. Петр. на лекции, может быть, для того, чтобы послушать «об эгоизме Гете», которое он говорил, чтоб я прочитал ему, а я не прочитал ему, а может быть потому, что нужно поговорить с Залеманом об Элькане, и потому, что был уже в этих краях. Место уже назначено почти человеку, ничего не стоящему, дожидались кандидатов две недели, не было. Встретил у входа в VI аудиторию Ханыкова, стоящего с Фурсовым, который согласился справиться о деле; потолковали кое о чем, о Михайлове и проч., который приедет в феврале. Никитенко говорил все время о темах; я положил листки на стол перед собою и показывал, может быть довольно заметно, нетерпеливый вид; вошел он в аудиторию весьма быстро, так что мы стояли у дверей и увидели его только, когда он подошел, и я, идя впереди его, только обогнул стол от стены и обернулся, как он уже начал говорить. Я думал, что если и не удалось сказать, то, может быть, он заметит, что у меня бумага, и кончит скорее, но надежды разрушились, когда я увидел, что остается только уже полчаса и еще три темы разбирать из семи. Дело проиграно. Я смотрел с сожалением недовольным видом на Ханыкова и после сказал ему об этом несколько слов. Сначала решительно слушал Никитенку, после менее, потому что думал о том, что не удалось сделать по душе Ханыкову.

После дома спал; после говорил с Любинькою, так как Ив. Гр. был у Зуровых. Мне было несколько неприятно оставить ее скучать, и я говорил о свадьбе Шатобриана, [про] которую вчера читал в «*Presse*», об электрическом освещении, и наконец, читал отрывки из первой статьи IV тома *Paris révolutionnaire**, который дал Ханыков, где сцены из заговора *Tories***, те сцены, где король и проч. радуется, что он *s'avise conspirer****. Ей понравилось. Деньги хозяевам отдали ныне за месяц или до января. Итак, еще месяц жить здесь или вместе с ними, если не захочу перейти, более не хочу. Читал вечером март — апрель «*Фаланги*» — la question religieuse****, что-то вроде «*Маяка*», хотя есть дельные мысли, напр., что в Евангелии нет ясных мест о боге, как существе бесконечном, и что если мы говорим о нем в науке, то как о существе, которое состоит в отношениях с конечным, только поэтому круг действия которого конечный. После необходимость науч-

* Революционный Париж.

** Неразборчиво.

*** Решился составить заговор.

**** Религиозный вопрос.

ной реформы — правда, Ассоциация делателей науки, и хорошо развита необходимость. Теперь прочитал до 235 стран.

1-го [декабря]. — Фишер показался на лекции еще пошлее и недалеко, чем в прошлый раз. Когда шел из университета, было так холодно, что я не захотел к Вольфу после обеда и спал до чаю. После читал о новом административном праве в май — июнь, потому что там говорится о сериарном законе, который основа учения, поэтому стал раньше других статей читать. Что основание, крылья, переходы — это все решительно так, это я и раньше думал, что исключения — индивидууму, образовавшемуся под влиянием 2 законов, это решительно так; в религиозном вопросе в этой книжке что мне более понравилось, чем в март — апрель, хотя, конечно, не бог знает как — Фома Мюнцер: превосходный взгляд, решительно мой.

В желудке было нехорошо, поэтому чай вечером пил без хлеба и не ужинал. Теперь $10\frac{3}{4}$ и через четверть часа лягу, а теперь начну читать июль — август. Да, утром прочитал библиографию и смесь во всех книжках, которые начал читать вчера вечером.

Когда шел к Ворониным, снова несколько думал о своей машине, и мелькала мысль расположением известным образом магнитов устранить неравномерность, при различной глубине во время круговращения, веса столба воды.

2-го [декабря], 11 [час.]. — Было менее холодно, чем вчера, и я сумел, особенно когда шел в университет, весьма хорошо закутаться, так что уши нисколько не озябли. Теперь во второй раз зимою ходил без калош, между прочим по экономии: не достанет, ли этой пары сапогов и старых калош до лета? Конечно, нет, но все-таки. В университет пошел в $10\frac{1}{2}$; не пошел к Грефе, как я хотел, а в библиотеку, где читал «Revue d. d. Mondes» критические статьи Limaugas'a — пошлость, так же, как и замечания о бездушии, непостоянстве и проч. отсутствии принципов у Бенж. Констана. Чудаки, — они думают, если человек в негодовании говорит: «я не верую, люди подлы и глупы», так это в самом деле потому, что он менее их одарен душою, жаждущей верить, любящей человека, а не потому, что, напротив, у него эти силы жаднее ищут удовлетворения и что горше для него несообразность действительного с разумным?

Когда сидел, Залеман сказал, чтоб если я буду у Вас. Петр., сказал бы ему, что в 11-й линии Тарасов (в собственном доме) ищет переводчика; я решил идти к нему, от него к Вольфу, проводив его к Залеману. Но я еще обедал, как вошел он, просидел $1\frac{1}{4}$ час. Мне было досадно, что присутствие Терсинского его стесняет и меня тоже, — перейду, как будет можно. Ушел в $5\frac{1}{4}$, я уснул; проснулся в $7\frac{1}{2}$ пить чай, после читал (да и раньше тоже) «Phalange» — никакого сравнения с «Revue d. d. Mondes», которое довольно надоедает своими «умеренными и благонамеренными» мнениями — точно Булгарин. В субботу, может быть, отнесу эти книги Ханыкову.

3-го [декабря]. — Вас. Петр. вчера, напр., говорил, что мое присутствие стесняет Никитенку, как опасного судьи, и что он менее позволяет себе высказывать свои мнения, которые считает подозрительными, при мне; что, напр., когда он, как пришел, сказал, что выходит весьма хорошая книга, грамматика Давыдова, я тотчас сказал: «Конечно, не знаю, следует ли это сказать, но, судя по имени автора, ничего слишком хорошего нельзя ожидать». Это, говорит, его сконфузило, потому что он уважает Давыдова — как же так ниспровергать его авторитеты? Я отвечал, что, вероятно, это не так, что Никитенко смеется над ним, как человеком устарелым, поклонником Батё. И вообще, напр., Вас. Петр. говорит, что Ив. Гр. стесняется моим присутствием потому, что сознает мое превосходство над собою. Мне приходит сомнение в голову, не лезть ли это от него — может быть, по простому искушению польстить, сказать приятное человеку, а может быть по нашим денежным отношениям. Конечно, последнего, как решительно недостойного его, я не принимаю, но сейчас пришла в голову мысль, что какое же сомнение в друзьях заставляет нас питать богатство, могущество и проч., когда уже мне приходят в голову такие мысли.

К Терсинским в последнее время снова какая-то странная вражда, так что мне кажется, что с минуты на минуту должно ждать какой-нибудь схватки (точно так же, как, напр., и с Фрейтагом, у которого на лекции пишу это), и когда я в одной комнате с ними, принимаю мрачный вид, который должен бы быть смешным для того, кто знал бы это, смешным потому, что едва ли есть какие-нибудь в этом роде намерения и чувствования у них. Когда, напр., я зажигаю свечу, я всегда ожидаю, что скажут что-нибудь вроде, что можно бы сидеть всем вместе, и знаю, что если это скажут, то Любинька, и без всякого дурного намерения, и что если скажет, то я промолчу, потому что не люблю связываться, а между тем все-таки готовлюсь дать отпор. — Смешно, все равно, что жду сражения с Фрейтагом, которого от души как-то не то что не люблю, не то что презираю, а и то, и другое вместе понемногу. Напр., ныне, когда шел сюда, когда дошел до Чернышева моста, вспомнил, что не взял листочков из Светония и что он это может заметить — знаю, однако, что не заметит — и сказать что-нибудь в этом духе: «Что, у тебя нет?» — и когда шел, большую часть дороги думал о том, как ему отвечать на это: «Noli, quaeso, res alienas», или «ea quae nihil ad te spectant scrutari»* или «Moneri non (и вздумал, что собственно должно сказать minime) amo»**.

Напишу что-нибудь про «Phalange». — Что говорится об ассоциации — кажется решительно справедливо, только бог знает, *le travail attrayant**** каково, — и потом мешает несколько предрассудок относительно Луи Блана, которого мысли, еще кажется мне, должны быть решительно справедливы и про которого говорят

* Прошу не спрашивать про вещи, которые тебя не касаются.

** Не люблю поучений.

*** Привлекательный труд.

они: «один писатель, которого, однако, не все принципы мы принимаем».

Завтра отнесу книги Ханыкову, если увижусь ныне с Вас. Петр., который может быть будет в университете, если нет — нет, потому что я сказал вчера, что буду у него в субботу вечером, а если так, то слишком устану. Если увижу, так скажу ему, что лучше буду в воскресенье, чем в субботу. Прочитываю в этих книгах почти все, кроме рукописей самого Фурье, потому что теперь читать их бесполезно, не читавши его сочинений, при жизни изданных, в которых те мысли, на которых он основывается здесь. У него, однако, — я прочитал рукопись в двух, я думаю, книжках — ясно виден ум весьма самостоятельный, поэтому очень сильный, хотя, так как я не знаю путей, по которым доходит он до результатов, результаты если не очевидно справедливы — странны.

Ныне может быть буду у Вольфа, а скорее не буду из университета, а домой. Вот и мало пишу, и в голову идет мало.

Meine Ruh' ist hin,
Mein Herz ist schwer;
Ich finde sie nimmer
Und nimmer mehr!
Wo ich ihn nicht hab,
Ist mir das Grab,
Die ganze Welt
Ist mir vergällt.
Mein armer Kopf
Ist mir verrückt,
Mein armes Herz
Ist mir zerbricht,

Nach ihm nur schau ich
Zum Fenster hinaus,
Nach ihm nur geh' ich
Aus dem Haus.
Sein hoher Gang,
Seine edle Gestalt,
Seines Mundes Lächeln,
Seiner Augen Gewalt,
Und seiner Rede
Zauberfluss,
Sein Händedruck,
Und ach! sein Kuss!

Meine Ruh' ist hin,
Mein Herz ist schwer;
Ich finde sie nimmer
Und nimmer mehr.
Mein Busen drängt
Nach ihm sich hin:
Ach, dürft' ich fassen
Und halten ihn!
Und küssen ihn
So wie ich wollt',
In seinen Armen
Vergehen sollt'! 100

Когда я это писал, меня как-то расшевелили сердцем эти стихи, как довольно давно уже не шевелили, я читал их официально, более ничего, а теперь почувствовал особенно последние куплеты, потребность странной любви. Когда я их читаю, всегда приходят мне в голову слова Веры у Лермонтова: «Вы, мужчины, материалисты и не понимаете блаженства взгляда, пожатия руки! А я, когда слышу звук твоего голоса, ощущаю такое глубокое, странное блаженство, какое не доставляют самые страстные поцелуи».

10¹/₂. — У Устрялова был Вас. Петр. и у Куторги, — верно невесело, — и после мы пошли вместе до Семеновского моста. После он немного проводил меня в сторону по Фонтанке. К нему в воскресенье, завтра к Ханыкову. Дома немного вздремнул от усталости — и к Ворониным. Когда туда шел, чувствовал уж утомление, поэтому думал, что понадобится взять извозчика, но когда вышел от них, вздумал, что лучше зайти отдохнуть к Вольфу, и зашел; нового мог узнать мало, потому что слишком бегло читал, а замечательного сделал только то, что вырвал и унес листок из «Illustr. Zeitung», где перечисляются партии и их предводители во Франкфуртском Собрании. Вот и вырвал, и нисколько не мучит совесть, а только, как всегда, я трушу, что может быть заметят. — Конечно, нет. Ложусь теперь.

4-го декабря.— Утром проснулся поздно и поэтому не был у Фрейтага. Когда пришел в университет, сказали, что мне приходилось быть назначенным писать вместе с Корелкиным и нас обоих не было, он сказал: «Верно эта болезнь продолжится долго и поэтому назначаю других», с усмешкою. Мне это было неприятно, и я думал, не сказать ли ему, когда он будет у нас в следующий раз, чтобы он удерживался от шуток. Получил деньги с почты, — мне 10 р. сер., из которых, конечно, 9 Вас. Петровичу.

Из университета пришедши спал, после — к Ханыкову, у которого просидел с 8 до 11; у него был один господин молодой, Дебу, и мы толковали. Сначала разговор был больше между ними, после между Дебу и мною, после между всеми, после между мною и Ханыковым. Я ушел, он остался. Говорили о политике в радикальном смысле, — это все так и я решительно согласен; о семействе, против которого они оба сильно восстают, — с этим я уже не согласен, напр. детей отнимать от родителей и отдавать государству — разумеется, говорю про теперешнее положение вещей, когда государство так глупо; о боге, в которого они не веруют, — на это я также не согласен и все-таки в этих двух пунктах я не противоречил им по своей обычной слабости или уступчивости. У него взял II том Фурье, где о *libre arbitre* и *de l'unité universelle** и Катехизис Ж. Б. Сея. О *libre arbitre* теперь прочитал (теперь 9½ утра, 5-го воскр.) 40 стр., и снова тоже все равно, как будто бы читаешь какую-нибудь мистическую книгу средних веков или наших раскольников: множество (т.-е. не множество, потому что и всего-то немного, а просто несколько) здравых мыслей, но странностей бездна. Пришел домой, как весьма давно не приходил, в 11¾ и писать здесь не стал, потому что не хотелось.

5-го [декабря] (пишу это 6-го в 9¼ утра). — Утром, как написал чаю — к Вольфу, где читал «Отеч. записки», XII, Записки Шатобриана и Литерат. летопись и смесь; науки и повести — нет, потому что не успел. Записки Шатобриана весьма хороши — это описание этой любви к созданию его воображения, живой, всемогущей потребности любить, его исключительно, — все это дышит жизнью. Одно из мест так мне понравилось, что когда он прибавляет: «Когда ты будешь читать, я буду уже перед богом» — я поцеловал это место.

В 4 почти часа пришел домой; как пообедал — к Вас. Петр., у которого с 4½ до 7½ просидел, играл в карты с ними и все плутовал и смеялся: она не догадывалась об уступках, которые делал ей, когда играли в короли. — как дитя, решительно дитя. После пришел и читал Фурье. Когда Ив. Гр. спросил, что это, я сказал, что политическая экономия. Когда спросил — чья, я сказал, что не знаю — я завернул и запечатал эту книгу, чтобы нельзя было видеть, чье это сочинение, и печать спрятал (это после чаю 9¾). Надежда Егоровна, которая не бывает у своих, потому что недо-

* О свободе воли и всемирном единстве.

вольна ими, была рада, что я пришел, и оставляла посидеть, говорила, что ведь им одним скучно, и проч. — Когда вышли, я отдал Вас. Петр. деньги, который вышел в сени. Он хотел быть ныне, т.-е. в понедельник 6-го. Я сидел у них без скуки; Вас. Петр. снова в суждениях показывал свое превосходство надо мною, напр., говоря о глупости рожы попечителя и проч. Я пил у них чай, чего давно не было. Он между прочим сказал, что вчера хотелось ему страшно сходить к Ив. Вас., чтобы покурить табаку, да не знал на-верное, есть ли у него. Это меня затронуло: я со своими глупостями стал так жить, что у меня ему нельзя и покурить. В субботу взял у Шмита брюки.

Фурье своими странностями и чудным беспрестанным повторением одного и того же как-то отвращает, но между тем виден во всем ум решительно во всем новый, везде делающий не то, что другие — если можно с чем сравнить это его свойство, что обо всем говорит не так и не то, как другие, и так спокойно, так это с «Записками сумасшедшего» Гоголя — вещи бог знает какие и высказывает их человек так уверенно. Прочитал я у него до этого времени до 20 стр. его *de l'unité universelle* *, прочитавши уже о свободной воле и введение к *unité*.

6-го [декабря]. — День моих именин. Как встал, помолился несколько минут, стоя на коленях. Мысли были: дай, боже, чтобы в этот год решительно поправились дела Василия Петровича и чтобы не нанести мне никакого прискорбия папеньке и маменьке, чего я опасаюсь, и чтоб служил им в радость (между прочим, чтобы не вышло чего-нибудь неприятного для них по университету). О себе не помню, молился ли, кажется (да, верно), чтобы быть здоровым и чтобы освободиться, наконец, от этой мысли, не имею ли какого-нибудь рода сифилиса. После этого читал Фурье и его, когда встал Терсинские, спрятал в ящик и читать буду Гизо и Мишле.

Сходил к обедне, пришел к самому началу, ходил не по внутреннему побуждению, а более по внешнему приличию. Там, сажени на две от меня, стояла какая-то молодая женщина вроде швеи или в этом роде. Я случайно взглянул на ее лицо — полное, кругловатое, довольно правильное, но с неприятным выражением, какое показало мне издали похожим на лицо Златорунного, моего товарища по семинарии, который казался мне портретом лисицы, и лицо ее поэтому мне не понравилось; но когда я остановил на ней глаза, она также стала смотреть на меня смело, но как бы показывая вид скромности. Мне захотелось позабавиться и заставить ее подумать, что она мне понравилась, и я довольно часто стал смотреть на нее; она тоже постоянно оборачивалась на меня, и тут я понял, что она в моем распоряжении и ждет только повода выказать свою благосклонность; это было для меня так ясно, как никогда еще относительно женщины — чувства никакого, кроме некоторой приятности, что вот хотел бы, так можно бы, да, конечно, не хочу, потому что

* О всемирном единстве.

не хочется и потому что дрянно. Хотел выйти до молебна, да дожидался конца, чтобы пересмотреть женщин, и половину пересмотрел. Когда пришел, стал переписывать по порядку имена франкфуртских членов, которых в том листке более 100. Пришел Ал. Фед., сказал, что был Корелкин, когда я был у обедни. За обедом Терсинский купил бутылку вина, я не стал пить, потому что не захотел, потому что не стоит. Это может быть несколько оскорбило Ив. Гр. Был Вас. Петр., который не дожидался чая, а ушел перед самым чаем, — что для меня было неприятно, — потому что должен был придти в это время, потому что Над. Ег. должна была в это время воротиться от Самбурских, а ключи у него. Вечером читал Дон-Кихота Ламанчского (?), спал и говорил. Читать почти ничего не читал, теперь 11½, ложусь читать Фурье.

Через несколько минут снова выдвинул ящик, чтоб записать, что когда стоял у обедни, пришла в голову мысль, которая, кажется, не выйдет из нее, а делается основанием взгляда на мир, — что когда человек решается на благородный поступок, против страстей, которые советовали ему сделать другое, эти страсти не покидают его, а переходят и в это его состояние и прилепляются как могут к его поступку и стараются и здесь найти удовлетворение; тоже и нужды и потребности и вообще все личное, мелкое, эгоистическое. А теперь пришло в голову сравнение: это все равно, напр., [как] чувство гастрономическое велит мне выбирать из молочной кашицы и какого-нибудь дорогого, великолепного и чрезвычайно приятного для меня соуса последний, но я должен, потому что он нужен для больного, есть молочный: чувство вкуса против этого выбора и жалею об этом, но все равно, чувствую приятное и довольно большое удовольствие от молочного супа. Или: я должен продать свой прекрасный фрак, но когда надену старый и дешевый, который один остался у меня, чувство желанья быть хорошо одету не покидает меня, напротив, заставляет прихорашиваться, чиститься, даже, пожалуй, рисоваться — что из этого? разве я шел теперь против него? и разве что следует из этого? Так оно всегда со мною, всегда, всегда, но не имеет никакого на меня влияния, как скоро есть что-нибудь кроме него и выше него.

7-го [декабря]. — У Никитенки читал статью из «Phalange», слушателей было весьма мало. Никитенко нашел взгляд решительно неосновательным, сказал, что автор видит в характерах то, чего в них нет. Я отчасти спорил, отчасти поддакивал ему, и вообще эта неудача произвела на меня неприятное впечатление. После, как победил — к Излеру, у которого пробыл до 6½, читал 9 декабря газеты; нового ничего почти не узнал, кофе не пил. Оттуда к Ал. Фед., у которого посидел до 10, скучал не во все время, а разве в продолжение полчаса, когда он говорил о своих делах у Оржевского и о брате. Говорили о политике, Ханыкове (мало), наконец о Резимон, которая ему весьма нравится и в душе какое-то платоническое чувство наслаждения, когда он смотрит на нее — сколько-нибудь возвышает человека над мелким эгоизмом. Взял

«Débats» 21—26 ноября, статью прочитал до половины 3-й страницы, половину характера Д. Ж.¹⁰¹.

8-го [декабря], 10^{1/2}. — В университете Фрейтаг и особенно Куторга так надоели, что нет мочи, и сам Никитенко показался пошлым, чего раньше не было: казалось, что толкует вздор, но не казался пошлым — это все открыл мне глаза Вас. Петр. Из университета зашел к Вольфу, там в «Прусском Монитере»¹⁰² 10 декабря ничего нет. После обеда уснул и спал до 7^{1/2} (2^{1/2} часа, я думаю), когда разбудили к чаю; так-то я все сплю — я думаю, главным образом, оттого, что с Терсинскими живу. После писал Фрейтагу и написал черновую в продолжение 1^{1/2} часа, завтра пересмотрю и перепишу. После ужина, да и перед ним, да и утром читал Фурье и прочитал до 150 стр., где начинается о страстях: вещь не так нелепа, как казалось с первого раза, посмотрим. Любопытства у меня мало теперь, между тем как раньше было весьма много, и не думаю, чтоб увлекся его системою.

9-го [декабря]. — Утром встал в 5 часов, это хорошо, потому что вчера спал, прочитал латинское сочинение внимательно (около 1^{1/2} часа) и дочитал до *avant propos** самого трактата *De l'unité* (всего стран. 60—70), после пошел в университет, по дороге — к Вольфу, где пробыл около 1^{1/2} часа, ничего не брал; после в библиотеку, где читал сначала каталоги и записал политические сочинения *Sismondi*, чтобы читать там вместо «*Revue d. d. Mondes*», которого 45 год и 46-й у Чайковского, а 47-го еще нет. Других журналов не хотел уже читать, потому что не стоит, я разве примусь за Вентурини; итак, раньше с нетерпением читал «*Revue*», а теперь вижу, что не стоит читать: направление знаю, приложения этого направления не стоит читать. Когда пришел, читал «*Débats*» с час; после переписал сочинение и спал; после пришел Ал. Фед., просидел час, толковали о политике, взял прежние журналы и принес новые, 27—4 дек. Теперь сплю и читаю «*Débats*». В субботу хочу быть у Ханыкова, завтра верно побываю у Излера от Ворониных или у Вольфа из университета. Фрейтагу верно ничего не скажу, потому что не хочется, потому что сам не слышал ведь его насмешек и не знаю, в каком тоне, а в сущности, кажется, потому, что трушу связываться!

10 [декабря]. — Фрейтаг читал сочинение гораздо тише, чем другие, и мне показалось, что несколько оправдываются слова Василия Петровича, что опасается делать замечания. Написал *as ogacula*, — должно быть *atque*, решительно так, я сделал глупость; времена все так, между тем как я не знал, так ли. Может быть не знает сам, так или нет, и не поправляет, потому что слишком ясного противоречия с правилами нет. Начал переводить Лыткин, между тем как хотел кто-то другой.

Когда узнал, что австрийского императора принудили отказаться не либералы, а Виндишгрец и проч., т.-е. военные депутаты, тотчас

* Предисловия.

переменил тон своих суждений о нем и стал жалеть о нем, между тем как раньше смеялся.

Что до Вас. Петр. — ничего не могу сказать; деньги всегда готов жертвовать, к нему — уже не тянет, напротив — не то что лень ходить, а в этом роде, похоже на то, как к Ал. Фед., только с другой стороны, и теперь, когда раздумывал об этом, кажется, что даже странно такое живое постоянное участие в человеке, как я себе раньше воображал. Когда иду к нему, то желаю лучше, чтобы Над. Ег. не было дома (это уже давно, почти как перешли к Максимовичу, — нет уже после правда), между тем в первое время [после] свадьбы хотелось смотреть на нее, и теперь решительно хладнокровно бываю у них; думать не хочу и не буду сладострастно, а платонически восхищаться как прекрасным созданием божьим перестал уж, кажется, и смотрю только как на доброе и красивое существо, но которое не может сильно нравиться, потому что не развит ум.

Когда Фрейтаг прочитал, не делая никаких замечаний, и сказал спокойно после: *bene**, мне стало совестно, что я всегда так встаю против него и перед этой самою лекциею бранил его. — От доброты это или от низости душевной? И мне захотелось не связываться с ним.

Ныне или из университета посижу у Вольфа и буду пить кофе, или от Ворониных зайду к Излеру и после к Ал. Фед.

Когда шел в университет, вдруг вздумал, что до нового взноса денег в университет только 3 недели, а не 2 месяца, и перемены в положении в это время не может быть. Никитенке хочу писать первую о влиянии образования чувства изящного на человека с точки зрения единства сил в человеке, абсолютного единства: развитие его необходимо, потому что должно развивать всего человека; односторонность пагубна и невозможна, так что если человек не весь развит, он и не развит, и с этой же точки зрения буду говорить о произведениях изящных — они должны служить не одному этому чувству — это было бы дело пустое, а вместе всегда разрешать [задачи] истинного и доброго (истина и добро решительно одно и то же, два выражения одного и того же, которые никогда не отрываются и не могут быть одно без другого), и всегда должно быть содержание их взято из жизни, живых потребностей времени, того, что волнует или должно волновать общество, поэтому политическая литература — высший род литературы, и писатель раньше всего должен быть человек с мнением о настоящем и прошедшем. И напишу это ко вторнику, чтобы отвязаться от Никитенки с его незамысловатыми задачами и чтобы другой кто не отнял единственной поряточной.

Чувствую превосходство Вас. Петр. в пронизательности передо мною: он с первого раза, видя человека, говорит то, что я скажу о нем, когда коротко его узнаю, т. е. вот человек пошлый или порядочный (последнее редко).

* Хорошо.

Должно ли сказать, что я думаю довольно часто, хоть на один миг, об этих записках и жалею отчасти, что пишу их так, что другой не может прочитать. Если умру, не перечитавши хорошенько их и не переписавши на общепитаемый язык, то ведь это пропадет для биографов, которых я жду, потому что в сущности думаю, что буду замечательным человеком.

Сейчас по случаю того, что ведь гладиаторы бились по странному мнению, о котором напоминал Фрейтаг (*deos manes placari victimis humanis* *): во время Цезаря немногие очень верили в это из образованных людей, немногие верили в языческие учения, а между тем вот что делали — даже человеческие жертвы и миллионы для предрассудка, над которым, конечно, смеялись, но в который верил народ, хотя не решительно верил, жертвовали; и точно то же положение христианства в Западной Европе, можно сказать, и как тогда падающее язычество пробудило маленькую, но чрезвычайно энергичную в верованиях и убеждении, что не погибнет язычество, партию, так и теперь видим маленькую партию на Западе: александрийцы, которые сливают учение Павла и Юпитера, равняются Buchez и Genoude, которые соединяют якобинцев и католицизм. И пришло на мысль: что, если мы должны ждать новой религии, которая ввергнет меч между отца и сына, между мужа и жены, как христианство, и если я приму ее? но это — желание повторения, а повторения редки, и скорее вместо христианства, если оно должно пасть, не явится уж такая религия, которая объявляла бы себя непосредственным откровением, а по системе Гегеля — вечно развивающейся идеею.

А что, если мы в самом деле живем во время Цицерона и Цезаря, когда *saeculorum novus nascitur ordo* ** и явился новый мессия и новая религия, и новый мир? У меня, робкого, волнуется при этом сердце, и дрожит душа и хотел бы сохранения прежнего — слабость? глупость? Что угодно богу, то да будет. Если это откровение, — последнее откровение, пусть будет так; если должно быть новое откровение, да будет оно, и что за дело до волнений душ слабых, таких, как моя.

Но я не верю, чтоб было новое, и жаль, очень жаль мне было бы расстаться с Иисусом Христом, который так благ, так мил душе своею личностью, благой и любящей человечество, и так вливает в душу мир, когда подумаешь о нем.

Пришло в голову вчера, когда думал о влиянии смерти Р. Блюма и о предложении Chabot: «Убейте меня и подкиньте мой труп реакционерам, чтобы народ восстал против них», и проч. Когда хорошенько вздумал об этом и приложил все это к себе, то увидел, что в сущности я нисколько не подорожу жизнью для торжества своих убеждений, для торжества свободы, равенства, братства и довольства, уничтожения нищеты и порока, если б только был убежден, что мои убеждения справедливы и восторжествуют,

* Тени умерших требуют умилоствления богов человеческими жертвами.

** Рождается новый порядок вещей.

и если уверен буду, что восторжествуют они, даже не пожалею, что [не] увижу дня торжества и царства их, и сладко будет умереть, а не горько, если только буду в этом убежден.

3 часа. — Куторги не было, поэтому по Невскому пришел домой сейчас и стал читать Фурье, как раскрылось, и прочитал полстраницы или менее, несколько строк, строка 10 снизу 28-й стр. *avant propos* * (полного собрания сочинений II том) — отношение раздробленного к *associé* ** обществу, отношение тьмы к свету, планеты к комете — пришла в голову (потому что он говорит противоположным образом, — комета выше планеты) теория развития небесных тел и вообще развития — когда я ими буду доказывать общую мысль, что все развивается, происходит через развитие (т.-е. когда Гегель будет защищать свою систему), и буду ссылаться на все эти примеры, то собственно это не доказательство настоящим образом, а указание, что эта мысль уже сознана веком в известных частных случаях и приложена по мере возможности и что все должно быть едино, по единой мере и весу должны мы смотреть на все, — там признаете это, следовательно должны признавать и здесь. Таково стремление идей века, и поэтому моя идея превозможет, будет для вас (а может быть и навсегда) истина.

11 час. у Фрейтага на лекции. — У Устрялова был Вас. Петр., сказал мне, что в театре его хорошо отрекомендовали и завтра он будет у Сосницкого; это хорошо, дай бог. К Ворониным, оттуда в кондитерскую к Излеру, где пил кофе, просидел до 10 час., насколько не устал. Выбран, конечно, будет, как пишут, Луи Наполеон действительно ¹⁰³; деревни не выросли еще до подавания голосов в таких обширных делах, и может быть не несправедливо говорили те, что рано еще *suffrage universel* ***, — вот как меняются мои мнения, — но, однако, это только начало и это новое мнение далеко не пустило корней в мою душу и много надо событий, чтобы оно превозмогло. С Вас. Петр. увижусь в воскресенье или понедельник.

11 декабря. — Ночью просыпался и пошел в кухню и там делал свои известные дела, но совершенно неудачно, наконец разбудил Марью, которая спала на печке, и едва ушел. Хорошо, что было слишком темно. Не знаю, кажется, не заметила. Что за глупость и низость! И как бог допускает меня до такого унижения! В самом деле, странное дело человек! Днем я сам едва понять могу, как отпускаю такие скверные штуки ночью.

Не знаю, что будет с Вас. Петр., дай бог ему освободиться от своих тесных обстоятельств, потому что, наконец, как же это можно ему! Это нечто противостественное и странно, что такой человек находится в таком положении, но нет, правда, это не должно бы быть так! Кроме того, это желание усиливается во мне *coincidentia* ****

* Предисловие.

** Правильно организованному.

*** Всеобщее избирательное право.

**** Совпадением.

с ним и того обстоятельства, что таким образом и я освобожусь от своего затруднительного положения: 1) что все деньги должны идти к нему, и я в неприятном положении перед Терсинскими, 2) самому не могу ничего сделать, напр., одежда плоха, 3) не могу разойтись с Терсинскими или выйти из этого смешного положения (однако, это все ничего: я человек пустой, — он главное).

Дочитал ныне утром Фурье, т.-е. собственным образом и не дочитал, а пробежал глазами, потому что вечная палинодия надоела, наконец, — то же и то же во всем предисловии; теперь вижу, что он собственно не опасен для моих христианских убеждений: странное дело для меня кажется, что человек с такими странностями и ограниченный в своих толкованиях, умствованиях должен быть поставлен главою школы, которая неоспоримо занимает великое место в истории, что он первый провозгласил новый принцип — удовлетворения инстинктов, хотя может быть (я это еще не знаю) и придал ему странный вид, так что вышло что-то похожее на смешное; притязания его так ограничены и ясно случайные и не самостоятельное, напр., вознаграждение эмигрантов и проч., и весь этот II том так отзывается рассуждениями сумасшедшего у Гоголя, а между тем он провозгласил первый нам несколько новых мыслей, которые называют нелепыми, а я нахожу решительно разумными и убежден, что будущее принадлежит этим мыслям, — напр., о вреде торговли в теперешнем виде, и проч. и проч. Мне кажется, это несообразность, и мне хочется предполагать, что все эти мысли заняты им у его предшественников, — должно это узнать, а то это слишком любопытный и запутанный психологический вопрос, — Лейбниц ведь не так писал о дифференциальном исчислении. Это должно собственно узнать, хотя я и не думаю, чтобы я мог скоро это узнать, потому что для этого должно хлопотать и доставать различные книги, которые без просьб нельзя достать; но, конечно, со временем узнаю, а то слишком странно.

Ныне вечером буду у Ханыкова; идя к нему, зайду к Излеру: у меня правило бывать раз надолго и пить кофе, другой — на полчаса даром, чтобы менее выходило денег и вместе чтобы не совестно было.

После лекции (это уже писано в воскресенье 12-го в 10¼, перед тем, как пойду к Славинскому, которому вчера обещался быть) [Залеман] сказал мне, что есть место у нашего посланника в Штутгарте учить сына, только не знает он, поедет ли туда Вас. Петр. на первый раз без жены или нет, и спрашивал меня, должно ли этого ждать или нет, и должно ли ему говорить об этом. Я сказал, что решится ли он — я решительно не знаю, сказать должно во всяком случае, и по просьбе Залемана обещался быть у него, чтобы сказать ему и позвать его к Залеману, который в этот же вечер хотел побывать с ним у тех людей, с которыми должно для этого видаться. Зашел — ему не хотелось идти, Над. Ег. была дома и мне весьма понравилась лицом, но при ней, конечно, я не сказал зачем, а сказал, что захотелось посмотреть «Современник»

XII №, и сказал, что Залеман непременно просил у себя быть. Он надел брюки к сюртуку. Тогда я сказал, чтобы во фраке; ему не хотелось и он взбесился, но Над. Ег. и я настояли. — «Может у него, — сказал он, — этот дурак из Гельсингфорса, с которым он давно хотел меня познакомить; если это так, то дуралей же он». — Я играл самую жалкую роль. Вышли, я ему сказал, он говорит: «Все это вздор, не знаю, с чего и как приходит, пришло в голову Залеману это, — нелепо: как можно, чтоб посланник не нашел человека с дипломом и значением и проч.». И мне тогда показалось, что это в самом деле вздор, а раньше я не думал и верил в возможность. В самом деле нелепо, и мне стала еще жалче, кажется, моя роль, что принудил, бог знает зачем, идти человека, которому не хотелось идти и оставлять одну Над. Ег. Чтобы отвлечь его от неприятных мыслей о Залемане и себе, и своей глупости, и его положении, я начал говорить насмешливо или желчно о людях. Он слушал и смеялся и поддакивал, а может быть и не слушал. Пришли к Залеману, — он за фортепьянами, поэтому пошли мы к Излеру.

Он ушел, я дождался, пока принесут газеты, которые переменяли, и прочитал, что 2 миллиона у Луи Наполеона, едва полмиллиона голосов у Кавеньяка. После к Ханыкову, с которым более всего говорили о возможности и близости у нас революции, и он здесь показался мне умнее меня, показавши мне множество элементов возмущения, напр., раскольники, общинное устройство у удельных крестьян, недовольство большей части служащего класса и проч., так что в самом деле многого я не замечал, или, может быть, не хотел заметить, потому что смотрел с другой точки. Итак, по его словам, эта вещь, конечно, возможна и которой, может быть, не долго дожидаться. Это меня несколько беспокоило, что, как говорит Гумбольдт о землетрясениях, этот твердый неподвижный Boden *, на котором стоял и в непоколебимость которого верил, вдруг, видим мы, волнуется как вода. Просидел до 11 час. с удовольствием, но не слишком большим и иногда скукою (по временам на несколько минут), взял I том «Положительной философии» Конта и Адскую комедию, которой перевод помещен в «Revue d. d. Mondes» за 1846, потому что следующей части Фурье у него не было. Иду к Славинскому, половина 11-го, в 3½ ворочаюсь, потому что в 4 будет Вас. Петр., или во всяком случае хотел быть.

12-го [декабря]. — День прошел почти без пользы. Утром пошел к Ол. Як. Туда пришел Балбенков, и моя довольно жалкая роль перед ними и потом, главным образом, сравнение с их участью участи Вас. Петр. сделало тяжелое впечатление на меня, так что когда я вместе с Ол. Як. вышел и пошел к Славинскому, я дорожно ругал себя и махал руками. У Славинского говорил больше о том Славинскому, который восхищается слишком мимикой и Фанни Эльслер, что это односторонность жалкая, что ограничивать се-

---

* Почва.

бя мимикой так же унизительно, как играть на фортепьянах одним пальцем вместо десяти, плетью на скрипке вместо смычка, и что если общество принуждает такой род развиваться, то об этом обществе и о тех, кого оно принуждает делаться сухими фиглярами, должно жалеть. Ушел в 3 часа, чтоб не проглядеть Вас. Петр., его, однако, не было.

Читал вечером Aug. Comte, «Положительная философия», I том — математическая часть не для меня, почти ничего не понял, а 1-я часть 1-й лекции сначала было довольно понравилась, а теперь, прочитавши две первые лекции, в сильном подозрении, не вздор ли все это, и эти 3 периода и все: может быть, это просто довольно ограниченная голова вздумала подвести под свою математическую систему социальные и исторические и философские науки, — не знаю, только этого тома больше читать не буду, а попрошу другие томы. Прочитал и Адскую комедию в книжке от 1 окт. 1846 «Revue d. d. Mondes», отчасти оно порядочно, но кажется подражание Фаусту и вздор и риторика, которая вдобавок делается бестолкова от этой узкой драматической формы. И чорт знает что; и глуп, кажется, довольно символизм этот: чорт знает что. — Не понравилось, но нельзя сказать, чтоб решительно гадко было, а просто дрянь. — Что-то Василий Петрович! Он не приходит. В ожидании его не садился писать Никитенке, как хотел писать, и ныне вздумал рассматривать влияние искусства на развитие человека только с одной точки зрения какой-нибудь, чтоб по крайней мере можно было хоть об одной стороне что-нибудь сказать.

13-го [декабря], 11 [час.]. — Пришел из университета (там был Кочубей), заходил к Вольфу; в 5 часов у Ив. Гр. был канцелярист, с которым читал он корректуру записки напечатанной. Это меня взбесило, что нельзя писать Никитенке, хотел было писать. Любимька ушла и села в темной комнате, это меня еще более взбесило, я ушел к Ал. Фед. и Ол. Як. У Олимпа просидел до 8, Ал. Фед-чу отнес «Débats», его не было дома. Воротился, думал, что уже ушел и тихо, — нет, просидел до этого времени, до 11. Я писал письмо, спал, прочитал VII лекцию 2-го курса Гизо. de solc-pis и ужасно был взбешен на себя, что не мог предвидеть или предупредить этого, — теперь время проходит без всякой пользы, решительно без возможности заниматься, — дурак, подлец. Давно не был так взбешен, ужасно было досадно, все ворчал и не стал ужинать. Еще более взбесило, что когда уходил, приходил Корелкин и не застал меня, это еще более взбесило.

14-го [декабря]. (Писал утром в 8 часов 15-го.) — Вышел, как напился чаю, к Излеру, где выпил кофе, и к Никитенке — в самое время. Сказал Корелкину, который спрашивал, что написал и за-был дома. Никитенке, когда тот пришел, начал было говорить, что кто писал, не пришел, и хотелось сказать, что что-нибудь прочитаю. Он того ждал, что не будут читать, и начал говорить о критике, приводя в пример Державина.

После университета пригласил к себе Корелкина, который пришел в 6 часов, просидел до 8; после пошли вместе к Излеру, где он повел меня в отдельную половину, куда я хотел уже раньше идти, думал посмотреть на шахматы там, — там читал «Allgemeine Zeitung»¹⁰⁴ и проч., выпили по чашке кофе, Корелкин курил трубку. Деньги были только у меня, у него не было, поэтому я и отдал, да раньше 20 к. сер., итак в один день 65 к. Пришло в голову, что ведь Вас. Петр., кажется, говорил, что хорошо играет на бильярде, так нельзя ли этому быть источником денег? Пришло стремление узнать, что с ним делается, и ныне после обеда непременно буду у него, тем более, что может быть (хотя едва ли) получу от Ворониных деньги. Когда получу, — 3 р. сер. на калоши, которые делает Фриц (приходил и взял для этого сапоги без меня, дней 5), другие ему.

Ив. Гр. просидел до 8 час. в Сенате, дожидаясь напечатания записки, которой корректуру читал вчера, и мне стало его жаль, как бывает жаль себя, что утомился, а еще более, когда он просидел всю ночь теперь за письмом, потому что, не думая, что выйдет в 5 час., обещался к ныне составить краткую записку; человек трудится до утомления, и тогда мне нельзя не принимать в нем участия, хотя он мне и не нравится. У Излера читал «Presse», Шатобриана, за субботу и воскресенье (16 и 17 декабря), где говорит он о своей любви к Miss Ives — прекрасно, прекрасно и решительно в моем духе; хотя как-то мысли, которые напечатаны в 4-м или 5 столбце первой страницы, показались несколько ограниченными и несколько расстроили мое расположение, но после снова решительно понравилось оно: как трогательно это свидание через 20 лет, когда оба волнуются, и раньше какая нежность, а в воскресном номере (то в субботу) в первых столбцах, 3-м или 4-м, он объясняет это событие и говорит о своем характере: не откровенный, какой-то сжимающийся, ничего про себя не говорящий, потому что знает, какую скуку наводит это на других, когда говорит человек о себе, поэтому никто, — говорит, — никогда не знал меня — и, конечно, самые короткие друзья мои гораздо более узнают и меня, и обо мне из этих записок, чем знали до сих пор. Это решительно как бы я, решительно как бы я (я и раньше замечал в себе много его характера, весьма много сходства, конечно, такое сходство по качеству, а не по количеству, какое есть между шаром в вершок в поперечнике и солнечным шаром, но все-таки они подходят под один разряд).

15 [декабря] (писано 16-го в 8¼). (Из университета вчера (14-го) я ходил с Славинским в Пассаж и смотрел там на женщин.) Читал Гизо, прочитал лекцию и спал. Хотел начать снова писать словарь из летописей, но не начал, потому что знал, что не кончу, да если и кончу, то нечего отличаться перед Срезневским до окончания в университете. После чаю — к Вас. Петр., у которого просидел до 10¼. Над. Ег. оставляла, когда я хотел уйти раньше. Играли в карты. Вас. Петр. мастерски плутует, и

мне так не удается. Говорил ему о том, хорошо ли играет на бильярде, — сказал, что нет, и сказал: «Это пробуждает во мне дрожь — то, когда я играл на нем, была самая мрачная эпоха в моей жизни». Говорит: «Надя говорит, что поедет в Штутгарт, вы проводите». — Хорошо, я уж и думал, что это так — если бы это было так, хорошо бы было. Да едва ли будет. Она бы приехала туда, не зная по-немецки, поэтому несколько времени, пока образуется (в это же время и по-немецки выучится), не бывала бы в обществе, ее никто бы не знал, — и после явилась бы решительно дамою — это было бы хорошо, как это будет здесь — я не знаю. Вас. Петровичу какой-то господин, родственник Залеманов (Гринцевич), предложил переводить какое-то рассуждение. В пятницу будет в театре и у него и в субботу у меня.

16 [декабря] (писано у Фрейтага на лекции, 17-го в пятницу). — Утром в 10 к Излеру, где ничего нового не нашел; в 11 оттуда вышел, просидевши час, и в университет, где читал Лафатера Физиогномику¹⁰⁵, которая не удовлетворяет меня, потому что только (читал я конец I и II тома) замечания инстинктивные, но в этот час несколько развились мои понятия, но и кроме того в библиотеке слишком много нужно времени для того, чтобы с пользою читать, потому что [нужно] много времени и внимания, чтобы внимательно разбирать портреты; хорошо он говорит об однородности черт в лице, так что если хоть одна черта в портрете истинна, то по ней собственно, говоря по теории, можно бы было поправить все неверные, если б наука была совершенно развита.

Идя в университет, заходил к Ал. Фед., у которого взял 5—9 декабря «Débats» и оставил записку, в которой говорил, чтоб пришел ко мне. Пришел в самом деле в 6^{1/2}. Как пришел из университета, я (но времени * за обедом до пяти) в баню за 7 к. сер., много народу было, однако, ничего, вымылся, кажется, хорошо. Пошел собственно потому, что на подбородке стала от грязи дрань, руки слишком загрязнены от кисти до локтя, и свое дело в нужнике слишком делал грязно и неловко, так что все должен был чесать. Ал. Фед. просидел до 10; после читал «Débats» и теперь принес 9 ноября Славинский, которому хотелось прочитать Прусскую конституцию, которая здесь помещена. Залеман в университете сказал, что надежда на Штутгарт решительно не потеряна, но граф в холере и должно ждать, когда выздоровеет.

17-го декабря. — Ныне последний день, в который до нового года будет мне это тяжелое обстоятельство — сходить утром в университет, после к Ворониным, отчего я всегда почти уставал весьма, и поэтому пятница, день усталости, и вторник, Никитенкиной лекции — два основные дня недели, из которых один я не дождусь пока пройдет и рад, когда пройдет, а другого, когда придет, жду, поэтому суббота — понедельник лучше для меня были дни, чем среда — пятница.

* Неразборчиво. Ред.

О Вас. Петр. — Мне лучше хотелось бы, чтоб он получил хорошее место в театре, чем в Штутгарт, однако, сказать хорошенько не могу, чтобы последнее для него могло быть лучше, а если для него все равно, то лучше для меня, если б он остался здесь. Расскажу свои мечты относительно того и другого случая. В первом случае он тотчас принимается за образование Над. Ег., занимает хорошую квартиру, я бываю у него и у нее; с нею мне становится говорить так же приятно, как в первые дни после свадьбы было приятно смотреть на нее; так как ему не нужны деньги от меня, то я или заставляю Терсинских занять такую квартиру, где мне особая совершенно комната и особый ход, так что они обо мне и знать почти ничего не будут, не только мешать мне, или схожу от них. Во втором случае — Над. Ег. после, до лета, переходит жить, конечно, к отцу; я бываю там часто, но не так часто, чтобы можно было подать повод к каким-нибудь недоразумениям; говорю много с ней, делаю ей всяческие услуги мелкие и удовольствия, сколько могу; она всегда принимает меня с удовольствием, потому что я приятель Вас. Петровича и говорю с нею о нем; приходит июнь и я провожаю ее в Штутгарт. Здесь рождаются различные у меня сомнения в возможности мне ехать; во-первых, от папеньки и маменьки, — но они, я думаю, согласятся, чтобы я побывал за границею, потому что это для меня в самом деле полезно в отношении учения и всего; во-вторых, главное, со стороны правительства, которое не позволяет выезжать раньше 25 лет или окончания курса — ну, это как обделать, это я уже не знаю, это меня вводит в сомнение. Какой я чудак, напр., думая об этом, я знаю, что, во-первых, едва ли и поедет Вас. Петр. в Штутгарт, а если поедет, то, конечно, не меня, такую россомашу, попросит проводить Над. Ег., для чего нужно, конечно, опытность, и прудумовательность, и расторопность, и проч.; но все думаю, т.-е. не думаю об этом, а само приходит в голову и разворачивается там и о приятности свидания с ним и оказания ему услуги, и проч.; потом думаю о переписке с ним и о том уже думаю, будет ли правительство распечатывать письма или нет, — славный Манилов.

Что я буду делать на Рождество, это я и сам не знаю хорошенько: жар читать «Débat» и другие журналы французские в Публичной библиотеке за 1814—1847 года прошел большею частью, так что хорошенько не знаю, буду ли там бывать; вероятнее, буду довольно часто бывать у Вас. Петр. и иногда у Корелкина; у Ханыкова буду брать книги, и эти книги его составят главное мое чтение и занятие в продолжение этого времени; а может быть, буду у Срезневского, чтобы узнать для Корелкина и для себя (потому что и мне несколько любопытно, почему — хорошенько не знаю) о том, каково рассуждение Корелкина, и может быть вследствие этого получу от него какое-нибудь поручение, что мне отчасти хочется, отчасти нет, потому что ведь нечего делать; буду бывать в кондитерских, читать газеты; наконец, может быть, буду что-нибудь писать, только едва ли, потому что для чего пи-

сать? В «Отеч. записки» или «Современник» не попадет, а иначе не стоит, да как-то, потерпевши два раза неудачу в «Отеч. записках», не думаю об успехе в третий раз, а о том же.

Да и о чем писать? Без материалов, книг и предварительного чтения многих книг ничего не могу написать, а книг, из которых почерпнуть и материалы и пополнить и привести в уровень с современностью свой взгляд, нет и, конечно, не будет, потому что где взять без хлопот, т.-е. без просьбы? А купить — денег, конечно, нет. А хотелось бы, наконец, найти этот источник доставать деньги, потому что не бог знает же, сколько времени лежать на тяжести папеньки и все оттуда получать деньги; ведь от Ворониных слишком мало, другое дело, если бы в $2\frac{1}{2}$ раза больше, т.-е. 40 р. сер. от них в месяц, вместо этих 15—17 р., которые, да и не каждый месяц, [получаю]. — Третьего дня у меня начался кашель сухой и продолжается и теперь; однако, он не сильный и в воскресенье, которое я просижу дома, конечно, пройдет; должно только согреть грудь, что я чувствовал и теперь, когда шел сюда и хорошо был закутан.

Теперешнее собственно мое положение и положение мое, сколько оно зависит от положения Вас. Петр., и положение Вас. Петр. я почитаю как бы provisoire*, из которого не ныне — завтра должны выйти и в самом деле выйдем, — но, конечно, это только мысль.

О Над. Ег. мое мнение: теперь я, кажется, решительно к ней равнодушен, т.-е. говорю с ней без приятности и неприятности; это весьма много, потому что собственно говорить без неприятности я не говорю ни с кем здесь, кроме Вас. Петр., с которым часто говорю с удовольствием; под «неприятно» я понимаю то состояние, когда если говорю с кем-нибудь, то почти всегда скучно, но не это главное, а постоянно присутствует в голове мысль: «э, пошлый ты человек», и если иногда говорю с удовольствием, так это оттого, что говорю о слишком интересном предмете, о своих убеждениях, которые приписываю собственно себе или которые ставят тебя выше круга русских (почерпнутые из Гизо и проч.), или о политике; но и тут, когда говорю, приятность предмета и увлечение уничтожаются мыслью о понимании того, с кем говорю; так мне неприятно, или противно, говорить всегда с Терсинским; всегда относительно собеседника, хотя не всегда относительно предмета разговора, — с Ал. Фед. В самой высшей степени из тех, которые близки ко мне, неприятны и противны мне и в равной степени — Терсинские, после — Ал. Фед., менее их — Корелкин, менее — Славинский; относительно последнего это чувство развилось уже после каникул. Так вот как: у меня train или pente** (не знаю, как настоящим образом должно сказать по-французски) к мизантропизму, т.-е. я на дороге к тому, что мне

* Временным.

** Влечение или склонность.

будет вообще противно встречаться, и разве только после долгого знакомства личного или через книги и известия будет мне приятно встречаться с людьми; это во мне, сколько я могу заметить, развивается; а между тем с Над. Ег., когда я сижу и играю и говорю, то такое же безличное чувство некоторой, хотя не живой, приятности, какое бывало в детстве, что вот с людьми, а не один; и говорю, а не молчу.

Вас. Петр. (это писано 18-го, в 4^{1/4} после полудня) приходил к Устрялову и Куторге, чтобы в 4 часа идти к Гринцевичу. У Куторги мы говорили с Корелкиным, и Вас. Петр., кажется, показало, что мы поехали в сторону и понесли дичь; я после лекции предлагал в субботу аплодировать Куторге, как аплодировали брату его в пятницу (17-го), Славинскому и Воронину, и согласился, и тогда, и 18-го. Пошли из университета вместе с Вас. Петр. Он сказал, что теряет уважение к Устрялову за то, что тот дурно отзывался о Соловьеве. Он сказал: «Не знаю, где побывать до 4 ч.» — «Зайдемте к Вольфу», — сказал я. Зашли. Там не дал мальчик «Отеч. записки», XII, которые я спросил для Вас. Петр., сказал, что потеряны; это меня раздражало несколько; я велел [подать] две чашки кофе, Вас. Петр. еще папироску, которую стал курить в первой комнате, где мы сели; мальчик (самый маленький, бойкий) сказал, что здесь не курят; я сказал, что вздор, но это мне снова было неприятно; несколько покуривши, Вас. Петр. ушел докуривать в другую комнату, где курят; я посидел почти со скукою до 5^{1/2}.

Гувернер сказал у Ворониных, что в понедельник будет последний урок. — «А когда начнется снова?» — спросил я. — «Nous verrons» *. Это меня взбесило отчасти, что я так глупо спросил; может быть, они хотят отказать; как хотят, но только эта перспектива отказа меня взбесила, и вечером я был недоволен, весьма недоволен.

18-го [декабря]. — Утром проспал до 8^{1/2}, поэтому у Фрейтага не был; Куторги не было; мое предложение аплодировать принял с радостью Корелкин и отвергнул Славинский; мы (я действительно участвовал) согласились не быть у Срезневского, после этого Корелкин не согласился и ушел домой; я, когда увидел, что все ушли (остался, чтоб уговаривать уйти, доказывая, что никого не будет), ушел к нему, где, скучая и наскучивая, просидел до 2, чтоб Корелкин не мог уйти к Срезневскому, что он хотел сделать.

(Писано в понедельник 20-го, 7^{3/4} утра.) Пошел к Излеру, где просидел с 5^{1/4} до 6^{3/4}, после к Ал. Фед., где до 7^{3/4}, оттуда с ним к Ханыкову, ему отнес книги, и он позабыл предложить мне новые, а я не спросил. Быть может, буду у него через две недели, в ту субботу, чтоб взять книги, а может быть, и не буду, пока [не] увижу его в университете, но это нехорошо было бы после того, как он так приветливо познакомился. Когда сидел у

* Увидим.

него, защищал немецкую философию и неудачно, потому что не знаю сам. Пришел в 11.

19-го [декабря]. Весь день не выходил. Утром был Вас. Петр., который приходит проверить свой перевод, данный ему на пробу, объявления о той книге, которую хотят ему дать переводить. Там было особенно слово durchgehen — о линии — я совершенно не знал, он лучше меня знает немецкий. Говорит, что и то, и другое верно не удастся, т.-е. и Штутгарт, и этот перевод. Приходил, но на минуту; Корелкин; при нем еще ушел Вас. Петр. в час; после я читал «Débats», прочитал. После обеда читал Мишле о Шеллинге (философия и религия) и большую часть не понял. Также и спал часа 1½. День прошел довольно не несносно, во всяком случае не бесился.

20-го [декабря]. — Теперь к Ворониным в последний раз в этом году, может быть, и вовсе. Деньги, конечно, получу. 4 р. сер. себе (три — Фрицу), остальные Вас. Петр. отдам. Фрицу ныне же. Буду, может быть, у Корелкина. Буду у Излера или Вольфа. После обеда должен быть у Вас. Петр.

11½ вечера. — У Ворониных не получил денег, потому что не было дома отца, а получу завтра. Спросил было гувернер, где я живу, но после сказал, не буду ли я завтра в этих местах, я сказал, что буду в 10 [час.] — хорошо; разумеется, лучше получить там, чем чтоб прислали сюда, чтоб узнали Терсинские. После пошел к Излеру, где ничего нового, кроме министерства Луи Наполеона и что пожали друг другу с Кавеньяком руку. В час домой, лег на диване, где сплю, и читал Гизо II том «Англ. революции», 160—210 стр., до 5 [час.], когда уснул, проспал до того времени, когда пришел Ал. Як. Снежницкий, к которому вышел и я. (Дографил шахматную доску и продолжаю.) Сомневался, идти к Вас. Петр. или нет, — не хотелось, потому что и завтра бы понадобилось, если бы он не согласился прийти сам ко мне, потому что должно отдать деньги, а ныне весьма холодно; не хотелось и не идти, потому что сказал, что приду. Пошел и не озяб ничуть. У Над. Ег. показалось в такой степени деревенское лицо, как никогда еще, так что почувствовал, что отчасти согласился с Ив. Вас., который говорит: «русская красавица», «простое русское лицо», но в некоторых положениях показались очень тонкие черты ее лица. Играли в карты. Вас. Петр. мастер плутовать. Ушел в 9½, пришел в 8 ч. 5 м., просидел 1¾. После, как пришел, стал делать шашечную доску, потому что он — Вас. Петр. — сказал, люблю ли я играть в шашки, и что он хотел сделать, да не умеет. Я сказал, что завтра сделаю. Завтра он будет утром, поэтому я в кондитерской не буду, разве только на минуту, да кажется, что нет. — 11¾.

21-го [декабря], — 11½ ч. утра. — В 9¼, написавши кое-что домой, пошел к Ворониным, но раньше зашел на несколько секунд к Ал. Як. показать ему, что пишу о зяте Ал. Фед. У Ворониных получил 17 р. 10 к., из которых 3 р. Фрицу, 13 р. Вас. Петр.,

который ныне придет. Идя оттуда, исполнил мысль, которая пришла в голову вчера, когда думал, как набрать шашки, — купил на толкучке шахматы, которые могут заменить и шашки, за 50 к. сер., но теперь пересчитал, и недостает красной пешки, белого коня и вместо белой пушки красная. Сначала купил было шашки за 15 к., после спросил шахматы и дали. Собственно, для Вас. Петр., чтоб играть с ним и, может быть (чего не думаю), выучимся так, что можно будет через это доставать у Излера деньги. Я думаю, что дадут недостающие шашки, или во всяком случае можно купить за 10 к. сер. Написал домой о том, почему не схожу от Терсинских, только не написал, что и отношения Вас. Петр. мешают этому. Теперь дожидаюсь Вас. Петр.

(Писано 22-го в 2 ч. 40 м.) После этого через полчаса пришел Вас. Петр., посидел почти до 2 ч., я отдал и пошел вместе с ним, чтобы пойти переменить шахматы или прикупить недостающие. Вошел в лавку, множество народа, я несколько времени дожидаясь, наконец купец сказал: «Что вам?» — я сказал; тот говорит мальчику: «Зачем же ты подаешь неполные?» и велел подать другие, полные, на перемену. Я вышел из лавки и своротил немного в сторону, сел и начал считать — все, но одной нет пешки голубой. Я не воротился, потому что посовестился, а пошел с места, но вздумал воротиться посмотреть на место, где сидел, не уронил ли еще, воротился — там и лежит голубая пешка; я взял, думая, что, может быть, этой и не доставало, а может быть, что это еще. Пришел домой — все. Что тотчас дали новые, как я сказал, и поверили на слово, это меня порадовало. Вечером читал Гизо, но большею частью спал. Вечером вздумал купить руководство к шахматной игре.

22 [декабря]. — Утром читал Мишле, Шлегеля (II том, начало), это понятно все. Пошел купить руководство, сначала в мелкие лавки, там дорого — 60 к. сер. за плохое, изданное Поляковым, поэтому к Исакову, думая там найти лучше и дешевле, — самое дешевое 1 р. 05 к. сер., и вижу, что не слишком хорошо. Жаль растратить деньги, которые следует Фрицу или собственно если не ему, то Вас. Петр.; все-таки совестно не купить, и купил. Когда купил, стало совестно, что так трачу деньги, которые следует Вас. Петр., который нуждается, — пожалуй, не буду за это в кондитерских до нового года. Пришел домой, — руководство скверное, и должен был бы купить в немецкой лавке, где, конечно, лучше и дешевле; разобрала досада на свою расточительность и глупую (прикидывающуюся совестливостью) неосмотрительность, ужасная досада, которая продолжается и до сих пор, так что читать почти не мог, — жаль Вас. Петр. и себя стыдно. Большую часть времени разбираю игры по руководству.

(Продолжение. Писано 23-го, 12 ч. 10 м.) — Досада все продолжала разбирать, так что наконец не стало терпения: взял и пошел к Славинскому, чтобы оттуда к Александру Фед. занести газеты, которые думал только показать Славинскому и сказать,

что ничего любопытного нет. Но он оставил у себя их и хотел принести ныне утром. Я отнесу, идя вечером к Вас. Петр., и напишу Ал. Фед., чтобы он пришел завтра вечером. У него ни о чем не толковали как следует, только он об Ал. Герасимовиче со своим братом медиком, который поссорился с Ал. Герасимовичем за картами. Я спрашивал посмотреть стихотворение «Wörter des Wahnes» Шиллера, и он сказал, чтоб я взял хрестоматию. Мне хотелось, тем более, что предвижу нехорошее расположение духа, но хотелось, чтоб он сам дал, а не просто предложил, и знаю, что всегда измараю книжку, что и сказал ему.

В 6 — к Ал. Фед., у которого сидел до 12 почти; толковали обо всем, я разговорился и провел время весьма занимательно; принимая несколько на себя тон знатока, говорил о великих людях, Шатобриане, которого историю с мисс Ives я рассказывал ему, как раньше рассказывал Корелкину и Терсинским. После стали говорить о Терсинских, оба находя их чужаками, и я довольно резко уже выражался на их счет, так что, может быть, и не следовало бы быть так откровенным в своих мыслях — с этого времени не буду смеяться перед Терсинскими над Ал. Фед., потому что этот разговор был откровенный, мы почти во всем сходились, я играл роль объяснителя, высказывал свои мнения о людях, их сердце, совместимости в них противоположных, повидимому, свойств; как основания учения брал факты из себя и Вас. Петр., Ал. Фед. тоже. Я нисколько не скучал, напротив, было несколько приятно, и решительно рассеялась моя хандра из-за шахматов, так что когда пришел наконец домой и теперь (на другой день поутру) — решительно ничего. Кажется, не выспался, уснув в час.

23-го. — Завтра буду у Корелкина, оттуда в университет утром, вечером буду ждать Ал. Фед., и, может быть, согласится быть Вас. Петр. — Ал. Фед. проницательнее или вообще людские отношения ему яснее, чем я думал, потому что он заметил ужасную холодность мою с Терсинским, и с этого-то именно и начался разговор, что и он в них обманулся, ждал их с нетерпением, а теперь тяжело ему бывать у них, — Любинька насмехается над ним и колет его, это он чувствует, и поэтому тяжело и неприятно. Я никогда не хочу перед Терсинским смеяться над ним. Утром проснулся почти в 9, несколько читал Гизо, а более времени играл в шахматы.

(Писано 25-го, 11^{1/4}.) Вечером был у Вас. Петр. Лоб у Над. Ег. показался каким-то слишком выпуклым посредине и в лице показалось что-то простонародное. Пошел в 7, пришел в 10.

24-го [декабря]. — День именин маменьки. Ничем особенным не отличались мои чувствования, не то, что прошлый год. — Вчера утром (23) был Фриц за деньгами; я сказал, что теперь нет, а будут через несколько дней, потому что твердо жду, что пришлют к рождеству. Пошел в 10 час. за письмом и занес газеты Ал. Фед-чу, который против ожидания был дома и дал [за] 16—19 декабря. Оттуда к Корелкину, идя к которому и от

которого заходил в университет, но письма не было. Когда меня не было дома, приходил Вас. Петр. (жаль поэтому, что не было) и принес X № «Современника». У Корелкина просидел до половины второго; как пришел, он шел с Коврайским к обедне, посидели несколько минут и после пошли. Когда сидели, я шутил с Корелкиным в известном тоне, он сказал, что идет в актеры, я сказал, что прогонят и что он будет Толченев второй, и как-то несколько перед Коврайским это, не обращая на него большого внимания, развертывался вроде того, как Олимп, — черта, которая во мне есть. — Пошел в Академическую церковь, там не было службы, — снова к Корелкину, где нашел чиновника (белобрый) Воронина. Я не говорил ничего, а только большей частью смотрел Иоанна Экзарха. Конечно, как-то устал, идя туда, да и оттуда. Вечером играл с Любинькою в шахматы и читал «Débats», между тем как Ив. Гр. читал 10 №. Когда лег спать, читал до 1½ 2-го, почти все прочитал, т.-е. «Тома Джонса» — весьма хорошо, т.-е. как раньше, так и теперь впечатление. В «Прогулках по Риму», конечно, уж не то и заметно (это Майкова) подражание Гоголю в манере, что к Майкову не идет. Остается прочитать критическую статью о Терещенке и «Три страны света» и «О торговле древней Руси»¹⁰⁶.

25-го [декабря]. — Встал в 8¾ и как напился чаю в 1½ 10 и к обедне, сказала Любинька, звонили раньше 8, и, конечно, уж она отошла, сказала она, то я воспользовался этим и не пошел. Ныне хотел быть Ал. Фед., завтра утром буду у Славинского, вечером у Вас. Петр.

(Писано во вторник, 28-го, 5 час. вечера.) — Вот трое суток, как я пропустил вести свой дневник. Так долго я пропускаю его еще в первый раз. Отчасти это произошло оттого, что каждый раз вечером приходил домой поздно весьма, а утром было что читать, или оттого, что было что читать, а отчасти и оттого, что часто я, как и раньше, видел, сам ослабеваю в его ведении. Итак, продолжаю.

В субботу, 25-го, у обедни не был, целый день никуда не выходил. У нас был только один Ал. Фед. Читал «Современник» № 10 и дочитал почти весь. Большею частью, сколько помню, не было весело.

26-го [декабря]. — Утром в 9½ отправился к Славинскому, у него до 12½, оттуда в университет, где как воскресенье, сходилась народ к концерту, и я довольно долго (20 минут) походил в коридоре и простоял перед дежурной, чтобы посмотреть дам, но их было весьма мало и то ни одной, которая была бы хороша. Там простое письмо получил, а отдал 20 к. сер.: итак, денег не прислали, а я ждал. Вечером был у Вас. Петр. и должен сказать, что непонятливость Над. Ег. в игре за картами, что ей уступают, а она не понимает, и особенно в короли — как решительно дитя, решительно 12 лет, — эта непонятливость заставила призадуматься и согласиться с Вас. Петр., что есть в самом деле отчего ему сказать: «Да

теперь я и если б и стал иметь много денег, то не мог бы быть счастливым», — что он сказал мне и что врезалось мне в душу, когда он пошел проводить меня, когда я раз был у него, и пошли мы по 4-й линии, и ветер дул, и баба было помешала нам говорить, идя перед нами; грустный довольно воротился я домой. Ал. Фед. у нас был с 2 до 3½ и закусил несколько, когда мы обедали, а не обедал сам, потому что к Розенберг шел. Сказал, что у него есть два №№ «Débats» и 12 № «Отеч. зап.», чтоб я завтра (27-го) приходил к нему за ними. Играл с Любинькой в шахматы 25-го и 26-го.

27-го [декабря]. — Утром было в животе нехорошо, пучило, и поэтому я послал на свои деньги за спичками и табаком, потому что ничего не было (всего 18 к. сер.). Все читал «Москвитинин»¹⁰⁷ 1848 г., №№ 8—11, большую часть статей прочитал в Смеси и проч. и «Сын отечества» только Иностранную Словесность № 12—47 и 1, 2, 4—48 и последнюю половину № 1 за 1848 «Пантеона»¹⁰⁸, который принес Ив. Гр. от Горизонтова. Курил трубку, чтоб не пучило, сидел в зале затворивши дверь. Дожидался Вас. Петр., который хотел быть у графа, после у Залемана, после у меня; не был, потому что, как сказал ныне, болела голова.

В 7½ отправился наконец к Залеману за 11 № «Современника» для Ал. Фед. (его хотел взять я, если не возьмет для меня Вас. Петр.). Его не застал дома и пошел к Ал. Фед., у которого снова просидел до 11½, снова толковали о психологических вопросах, большею частью он спрашивал, я отвечал, напр., о том, как быть любезну с женщинами, о чем с ними говорить, потому что о пустяках совестно, должно, чтоб было для них интересно, что же для них интересно? Кажется, что их вопросы науки и современной политики не трогают. Я сказал: трогают, но точно так же, напр., Пушкин занимался психологиею и Фишер тоже, но между тем Фишер скажет, что Пушкин не занимался, что это особый род занятия, что это так: А. — чисто спеціальным образом занимающиеся предметом, напр., Ньютон математикою, учением о красках. Б. — люди, занимающиеся этою наукою не как люди специальные, а как люди вообще, литераторы или вообще люди образования общего, но только люди в высшем значении, напр., Гете. В. — женщины. Итак: А : В = Б : В, т.-е. так [см. вклейку — стр. 208].

Так, напр., Гизо и Шлоссер, говорю я, не философы и не политические писатели, а между тем обрабатывали эти науки не хуже или лучше, скорее, других; вообще, собственно так: А¹ (специальный ученый), А² (Гете, Пушкин, Гизо), А³ — женщина. Показатели степеней выражают различные степени общности, литературности, дилетантизма (хотя это слово и не хорошо), житейственности, практичности людей. Напр., случился развод — дама и может быть заинтересована разговорами о браке, о христианстве, отношении его к буддизму и индийской и вообще восточным религиям, и проч. Или: об отношении мужчины к женщине. — Мы до-

шли до этого постепенно, и я сказал, что женщина у нас лакей, вольноотпущенник, взявший в руки своего барина, или дитя, — три положения, все три неестественные. И кажется, этот разговор имел следствием развитие и усиление во мне этого взгляда на неестественность положения, на порабощение женщины. Взял у него 12 № «Отеч. записок» и сказал, можно ли дать его Вас. Петр. Он сказал — можно. Дома читал до 2 часов.

28-го [декабря]. — Утром писал письмо, читал «Отеч. записки» («Гордость») ¹⁰⁹; вчера прочитал «Ревнивый муж» Ф. Достоевского ¹¹⁰, много хохотал над этим, и это меня несколько ободрило насчет Достоевского и других ему подобных: все большой прогресс перед тем, что было раньше, и когда эти люди не берут вещей выше своих сил, они хороши и милы. В 11½ пришел Вас. Петр., выкурил 4 трубки, играл все в шашки, сказал, что голова так сильно разболелась, что не пойдет ни к графу, ни к Залеману, а уж разве завтра. Когда он сидел, и я посмотрел ему в глаза, — он от боли в голове не мог, конечно, ничего думать, не мог слушать или говорить со вниманием, можно сказать, потерял *асиет** своих способностей, — эти глаза в самом деле походили на глаза других многих людей, т.-е. глаза многих других в самом деле всегда такие, как у него в эту минуту, и в самом деле нет в них жизни, и ясно в глазах написано, что глуп человек или, то-есть, что он, как баран, ни о чем не думает. Вместе с ним вышел, чтобы идти к Залеману за № 11, снова не застал. Пошел на 10 минут в Пассаж смотреть на женщин, никого не было хороших, ходил и в подвал, никого не проходило над стеклами, кроме одной женщины, когда я шел под стеклами и смотрел вверх, — да, кажется, нельзя и видеть ног. Воротился в 2 часа, обедал, после обеда Терсинские играли в шахматы, я учил и смотрел и читал «Débats».

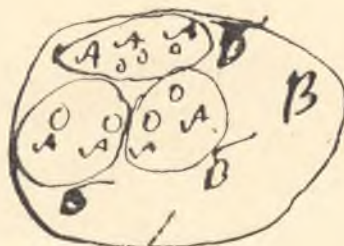
29-го [декабря]. — Вынимая эту бумагу, взял в руки лежавший под нею листок с выписками из «Débats» и прочитал первые строки французской конституции: «Франция s'est constituée en république. En adoptant** эту окончательную формулу правления, она»... пришло в голову по сцеплению идей: s'est constituée, adopté — невмешательство во внутренние дела других земель — право каждого государства устраниваться как угодно — ведь это право, которое теперь признаем и мы, есть следствие признания *souveraineté du peuple**** и вообще теперь в зерне оно признано всеми, а если господство собственно должно принадлежать не народу, а праву, истине, добру, идее, то Гизо не прав, принимая поп-интервенцию, да и мы тоже не признаем этого права.

(Это писано 29-го, 1 [ч.] 20 [м.]). Сердце как-то беспокоило, оттого, что был на вечере у Ив. Вас. Когда я писал предыдущее отделение, пришел вчера (28-го) Ал. Фед., как хотел. Тотчас отправились к Ив. Вас. На дороге он сказал, что это будет вечер

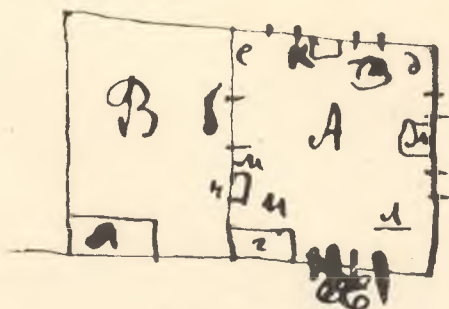
* Остроту.

** Приняла республиканский строй. Принимая.

*** Верховенство народа.

К стр. 207.

К стр. 210.

что Ал. Фед. увидел Над. Ег., когда она была не одета хорошо, верно и на него сделает дурное впечатление.

Когда воротились и она играла с В. П., то, между прочим, когда он стал на стул на коленки лицом к спинке, она подошла и стала нагибать стул; нагнула несколько и приложила свое личико к его груди, говоря ему в лицо (свеча стояла на чайном столе, стул прямо перед ним и свет падал на нее хорошо довольно, т.-е. полусвет, потому что она была в тени за Вас. Петр., но ясный) — у них завязался разговор: «Ты убьешь меня, матушка, впрочем убивай, будешь интереснее — молодая вдова». — «Нет, лучше пусть я умру, или, лучше, если умирать, так вместе, так что если я умру, чтобы ты не оставался вдовым, если ты умрешь, я не оставалась вдовою». Она с нежностью смотрела на него.

Обыкновенно, — по крайней мере, я это замечал на Любиньке и кажется (однако не помню хорошенько) на других, — чувство особенное нежное, особенно любовь, особенно в этом роде, каком-то идиллическом (я говорю про этот случай), гораздо полнее заставляет бросаться в глаза физические недостатки или, лучше, несовершенства лица и недостаток или ложность этого выражения на нем; это верно потому, что здесь апотеоз лица, оно проявляется в полном блеске, все и хорошее, и дурное в нем — потому что выступает в него душа. Вообще, обыкновенные лица несносно приторны или уморительны в такие минуты, и только уважение к чувству, вызывающему это смешное выражение, заставляет не смеяться над ними, как, напр., и над кислыми и скверными гримасами обыкновенного лица, когда оно плачет; вообще все в эти минуты выказывается на лице резче и яснее. Я смотрел внимательно, старался отыскать что-нибудь, что было бы не так, как следует, в ее лице, и не мог найти ничего; оно мне показалось весьма, весьма хорошо, обворожительно, и мне показалось (однако не могло истребить сомнения у меня), что мои сомнения насчет ее красоты, решительной красоты, — вздор; что грубого у нее в лице ничего решительно нет, следовательно, однако я еще колеблюсь сомнением. Однако радости на сердце было; но не через меру.

Чаю пить я не стал у них, хотя и говорили, и это, кажется, на несколько времени рассердило его, т.-е. он думал, что я потому, что не хочется мне с сахарным песком, или, может быть, думал и то, что это по расчету в его пользу я делаю. Она, как всегда, тоже говорила, чтоб я пил, и даже сказала было, когда ушла в другую комнату: «я не стану пить», — верно, чтобы заставить меня или потому, что это было неприятно, или, как это сказать, что я не пью. Ушел я в 9 часов, провел время как обыкновенно, так что не раскаивался, что был у них; она произвела хорошее впечатление, радости, однако, не было у меня; в нем я осудил недостаток внимания к ней: не знаю, следствие ли это тягостного для него расчета (как в отношении к Залеманам — обязан, следовательно...), или в самом деле вследствие того, что я в самом деле ему лучше ее, он оказывает мне больше внимания, чем ей, и это мне неприят-

как 18-летняя девушка, нельзя думать, чтобы у нее могло быть уже дитя, а она уже родила, между тем — удивительно роскошна и свежа). Стоя у двери, я сказал Ив. Вас., что хочу поблагодарить Марью Константиновну за узор, данный сестре; после танцев он подвел меня к ней, и я сказал ей несколько слов, несколько не сконфузясь; после тотчас мы отошли снова к двери, вот: [следует чертеж. См. вклейку — стр. 208].

Сначала (1-я кадрили) она стояла на месте л, мы с Ив. Вас. в дверях б — я все смотрел на нее, почти не спуская глаз; после мы перешли к дверям в, она танцевала на и и галопировала мимо нас совершенно; после этого хозяйкины дочери сели на е, и меня подвел Ив. Вас. к ним с благодарностью; я ошибся сначала и смотрел только на одну, между тем как должен был смотреть на обеих. После этого мы говорили с ветеринарным студентом с надутыми ужасно щеками на и, и Ив. Вас. сидел с нею у ж — он к углу, она к дверям; я подошел и сказал несколько слов; говорили о Туффе, я сказал, что Ив. Вас. испугал меня, сказавши, что он будет здесь; она спросила: «Почему же?» — «Потому что я виноват перед ним». — «А так вы знаете за собою вину, поэтому и боитесь». — Мне не пришлось в голову, что отвечать, и разговор кончился. Я отошел к Ал. Фед. После этого некоторые дамы и кавалеры ушли и танцевали только в три пары. Мы сидели на л, она с Ал. Фед. стояла в кадрили на з. Так было и после, когда пришли снова и составились снова четыре пары. В 10^{3/4} ушли чужие, и своих не доставало, поэтому с час играли на фортепьянах. Она ушла укладывать ребенка, после воротилась и села на м; когда играли, я все сидел у к, между к и з, и смотрел на играющих и притворялся, что слушаю весьма внимательно, чтобы польстить и доставить удовольствие, потому что мне стало как-то жаль этих бедных девушек, которые дожидались этого целый год, потому что вспоминал тот вечер на святках за два года, когда Ал. Фед. был у них в первый раз, — тогда в первый раз была и она в этом доме, куда после вошла снохою. Когда Мария Константиновна кончила, я хотел пойти ее благодарить за игру, чтоб доставить ей удовольствие и вместе сколько-нибудь сам получить значение в ее глазах. Но тотчас стала играть Прасковья Константиновна, и Мария Константиновна осталась у фортепьян, так что я хотел дожидаться, когда кончит она, чтобы благодарить обеих вместе. Но игра Прасковьи Константиновны кончилась галопом и танцами, и тотчас же после нее села старшая самая сестра, а они начали кадрили — так и пошло, а между тем у меня начинала несколько пробегать легкая дрожь по коленкам, когда я готовился благодарить. Во время игры говорила мать, которая сидела между е и к, с Ал. Фед. и Ив. Вас., который сидел подле меня (я сидел все между к и з) между д и ж, о том, что вот нынешний вечер скучный, а тот, за два года, был весьма веселый, — так долго помнят, так быстро идет время! подумал я; подумал о том, что этот вечер один — важнейшее время года для дочерей ее и, может быть, для нее, — как-то стало жаль,

что он скучен или не так оживлен, как бы они ожидали, и жаль, что я не оживляю его. Наряженные, которых ждали, не пришли. Молодые люди танцевали с танцклассскими вывертками, из [которых] большая часть (привиливание ног) весьма пошлы, а одна, во время, когда пары несутся в промежутки одна другой, в середине полету * и дается на минуту особая скорость именно в то время, когда пары проходят одна мимо другой — это что-то одушевленное и хорошее, а девицы танцуют решительно как следует, не знаю только, грациозно ли, — кажется, как должно и некоторые хорошие.

У меня в мыслях все вертелась фигура Тарнеева (Майков, «Прогулки по Риму» в «Современнике», XI №), и мне хотелось принять на себя его роль, но слишком мало любезничали другие, и потому я, зная, что середины держать я не умею и должен, если не хочу молчать, быть именно Тарнеевым, молчал все.

(Пришел Ив. Гр. — 2 час. 20 мин.; итак, я писал целый час, — садимся обедать, после буду продолжать.)

Продолжаю писать. Теперь 9^{1/2}. — Я заметил в себе различные результаты этого вечера. Во-первых, сердце как-то волнуется и неприятно, потому что я недоволен ролью, которую играл вчера — столб и больше ничего. Потом вследствие этого я увидел необходимость знать много вещей, от знания которых раньше отказывался, и раньше всего танцевать необходимо, решительно необходимо, но с этим вместе, что необходимо танцевать, чтоб сблизиться с девицами и молодыми женщинами, чтобы проложить себе путь в общество их и, следовательно, путь к тому, чтобы избрать одну из них в подруги жизни, потому что чем более знать будешь людей, тем лучше будет выбор (больше число и лучше знаешь), вместе с этим соединяется мысль, что это ведет к физическому волнению, к тому, что влюбишься, а мне хотелось бы принести, сколько возможно, в супружество душу и тело девственным, так чтобы я мог сказать своей жене: «Ты первая, которую обнимаю я, ты первая, которую люблю я». Потом необходимость играть на фортепьяно или на чем-нибудь, — это менее, но все-таки очень хорошо было бы, чтоб иметь возможность обслуживать этим добрым людям. Потом мне кажется, что должно было бы уметь рисовать, — по крайней мере, настолько, чтобы мочь делать очерки профилей и лиц, а то вот хотелось бы сохранить лицо этой жены сына, а между тем я не могу этого сделать. Потом необходимо говорить по-французски и немецки, потому что я все более и более чувствую, что начинается новый период в моей жизни, что физически-духовная потребность любви будет все усиливаться и усиливаться во мне, что мысль о подруге жизни, с которою делить сердце пополам, которую обнимать, которую целовать, которая, наконец, будет в едино тело со мною и в едину душу, — что эта мысль все сильнее входит в мою голову, и я теперь весьма много думаю о том, как будет, когда я женюсь, точно так же, как раньше думал много о том,

* Неразборчиво. Ред.

как, например, видеть нагих женщин. И пришло в голову, как развивается духовность и как проникается духовностью чувственность: сначала мне хотелось только просто видеть нагих женщин, чтоб физическая природа волновалась, чтоб сердце судорожно билось, а то все равно, хороша эта женщина или нет, на красавицу не хотелось смотреть; а теперь хочется смотреть на красавицу; а между тем чувственность развилась сильно, и между тем она стала гораздо духовнее — да, так; жениться теперь моя дума, и этот вечер (не потому, чтобы меня слишком взволновала эта брюнетка, а просто потому, что здесь я был в обществе девиц в первый раз после того, как развился в этом отношении, т.-е., собственно говоря, в первый раз сознательно и со вниманием в течение нескольких лет, весьма многих, потому что на свадьбе у Вас. Петр. я был занят им и Над. Ег., а раньше на девиц смотрел решительно не так), — этот вечер будет иметь большое влияние на меня, и кажется, что он двинет меня намного вперед: мне сильно хочется и танцевать, и бывать на вечерах, и проч., хотелось бы также и рисовать, и говорить по-французски и немецки для этого необходимо — итак, вот новый источник недовольства собою. Наконец, мне стало жаль, и глубоко жаль, этой прекрасной, умной, пламенно-чувственной и роскошной женщины, что досталась она мужу невзрачному, глупому, пошлому, настоящему канцелярскому чиновнику, истинно типичному, с пошлыми ухватками, который не может удовлетворить ни чувственности, ни души ее, что должна она жить в нужде и беспокойстве, — жаль стало ее и всех подобных ей, родившихся в одном с нею состоянии, т.-е. собственно жаль не ее, как ее, а ее как одно из этих лиц этого рода, не как ее именно, а как символ, как сосуд, в котором проявилось это, — жаль, наконец, стало и этих девиц, т.-е. снова не собственно этих девиц (хозяйкиных дочерей, — конечно, они милы), а всех девиц этого состояния, родившихся хорошими и не пошлыми в этом положении в обществе: как грустна, скудна удовольствиями, однообразна их жизнь — целый год ждут они этого праздника, и этот праздник, этот праздник так ничтожен, так все помеха на нем, так все не клеится, — жаль от души. И вот из этого сожаления о них, между тем как это никогда не приходило в голову мне о Любиньке, не приходило в голову о других сестрах, — из этого я снова вижу, что я глупый и смешной человек, и даже, собственно, пошлый и гадкий человек: всегда свои кажутся мне пошлы и неинтересны, поэтому я и не думаю о них, а другие, т.-е. все, которых я не знаю, о них всегда я предполагаю хорошо, — и, напр., Ступины кажутся мне лучше Любиньки, эти девицы гораздо лучше и Любиньки, и Ступиных, так что я всегда сравниваю себя с тем, что читал где-то: «О вы, чувствительные люди, плачущие в театре над мелодраматическими несчастьями актера и не находящие места и предмета для вашего сострадания, жалости, помощи и любви в мире!» В самом деле, что за тупость: почему не примечать из того, что делается кругом тебя!

Шутя я начну учиться танцевать, но для того, чтобы начать,

должно иметь много денег, почему нынче я не могу, а как этого не будет, во всяком случае, весьма долго, т.-е. не будет денег, то шутя я стану тосковать об этом, как тосковал, напр., — да о чем я не тосковал?

Пришел я оттуда, начал читать и скоро уснул. Дорогою Ал. Фед. говорил, что если б был на месте Ив. Вас., употребил бы все старание употребить ее. Это на меня подействовало неприятно, как вообще на меня это действует, когда говорят о соединении полов так, как об еде.

29-го. — Проснулся, когда сердце тосковало оттого, что вчера вечером был у Ив. Вас., — т.-е. отчего именно, это трудно решить; тосковало довольно сильно. Я сначала играл в шахматы один по книге, после стал собираться от скуки, т.-е. тоски, к Славинскому, после раздумал, потому что думал, может быть, придет Вас. Петр. и что не хотелось у них обедать. И в самом деле, Вас. Петр. пришел, играл в шашки, курил и ушел в 1 час, я стал писать в этот листик. Когда читал Гизо, писал этот листик, у меня не было на сердце ничего, решительно ничего; во время, когда был Вас. Петр., постепенно забывалась тоска. Вечером хотел идти к Славинскому, но в 4 или менее пришел вдруг Пелопидов. Я ругнул его в голове, но ничего, конечно, остался дома: во-первых, расстроил план, во-вторых, принес чрезвычайную скуку; но против ожидания, когда он сидел, просто только, да и то не слишком, скучал, а беситься не бесился. Торопил чай, чтоб он скорее ушел, — ушел в 7.

Я посмотрю, не расположить ли так: ныне к Вас. Петр., к которому обещался завтра и к которому хожу теперь как бы по обязанности, без всякого удовольствия, даже с некоторою неохотою; утром завтра — к Пластову и Благодетелю, который в доме Соловьева, как узнал от Пелопидова, вечером — к Славинскому. Между тем стал подстригать на всякий случай бороду, если вздумается идти.

(Пошел ужинать, после продолжаю.)

Стал вместе с этим играть в шахматы один; Любинька сказала, чтобы играл с ней, — и начал, и время прошло, и не пошло к Вас. Петр. Ничего решительно нынешний день, а за этим листком провел почти 2 часа.

30-го [декабря]. — Встал в 7. Пришла охота пересмотреть эти записки, т.-е. сосчитать, сколько страниц, — перенумеровал, и выходит, что ровно 100 страниц, а перед этим попались в руки письма, и я сложил октябрь и ноябрь, 63 и 73 №№, в месячные конверты, более потому, что теперь топится печь и хорошо сжечь; за этими делами прошло полчаса и теперь 7½.

(Писано в 9 час., 31-го.)

Утром вздумалось, что можно после обеда быть у Славинского и Вас. Петр. вместе. Так и сделал. Утро просидел дома.

Оттуда пошел к Ал. Фед., занес «Débats» и остался у него. Там был Чернышевский, и мне было скучно довольно, но собственно не хотелось идти к Вас. Петр., и я просидел там до 10½. Гово-

рил между прочим о Робеспьере и Луи Блане. Это в первый раз я обещался быть у Вас. Петр. и не был.

Утром был Фриц, я взял у Любиньки 2 руб. сер. и отдал ему. Без меня был Корелкин и принес два письма, одно от В. И. Промптова.

31-го [декабря]. — Встал в 9 и как встал, сел за это. Хочу, так как весьма холодно, утро провести дома, в 3 [час.] к Вас. Петр., у него пробыть до 6 час., после домой, — лучше, чем поздно вечером. Итак, мое последнее посещение в этом году, и первое в следующем, будет посещение Вас. Петровича.

Хочется написать общий обзор этого года, да лень. Не знаю, напишу ли. Скорее нет.

11 час. веч. — В последний раз сажусь за это отделение моих записок. Утром в 10 [час.] хртел к Корелкину и взять письмо из университета, потому что вздумалось ошибочно, что есть уже и что теперь суббота; но дорогою вздумал, что будет только завтра, и было весьма холодно, поэтому воротился. Пришел скорняк кроить мех и просидел весь день до 7 [час.]; было весьма холодно, — в 7 и 8 [час.] я сидел в зале в шинели, которую надел в первый раз. У нас в комнатах, даже в маленькой, было весьма холодно, 12—13° в зале и только теперь в маленькой комнате стало как следует, потому что затворена весь день дверь. Я играл утром один в шахматы и проч., читал дряннь, читал и Гизо несколько страниц. В 3½ пошел к Вас. Петр., от которого воротился в 5¾, обещавшись быть завтра, чтоб дать возможность отговориться моим присутствием от того, чтоб идти на вечер, который дает завтра тетка. Над. Ег. в профиль, когда взглянул, понравилась как раньше, а в лицо — только что встала, и прическа спустилась, так что лоб был слишком треугольником. Что-то будет с Вас. Петр.! О, дай бог, чтоб было хорошо!

Когда воротился, спал, читал Гизо, в третий раз начиная читать, и теперь прочитал 20. стр., играл в шахматы с Любинькою.

Прости, тетрадь! Дай бог в наступающем году записывать более радостные, более счастливые, особенно для Василия Петровича, события!

Дай, боже!

11 час. 10 мин.

Дай, боже!